

2012
Вып. 2

Siberia_Lingua

Научный журнал Института филологии и языковой
коммуникации Сибирского федерального университета

ISSN 22227-6378

Основан в апреле 2010 г.

Siberia_Lingua: научный журнал

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Электронная версия журнала размещена на сайте Института филологии и языковой коммуникации СФУ
<http://ifiyak.sfu-kras.ru/node/719>

Контакты

Почтовый адрес 660047,
Красноярск, пр.
Свободный, 82А,
оф. 328
Редакция
научного
журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

@ Сибирский федеральный университет,
2012

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, докт. филол. наук (отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, докт. филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, докт. филол. наук

Гладилин Алексей Владимирович, с.н.с. (зам. отв. редактора)

Гуртовая Ольга Павловна (отв. секретарь)

Ковтун Наталья Вадимовна, докт. филол. наук

Ким Игорь Ефимович, докт. филол. наук

Магировская Оксана Валерьевна, докт. филол. наук

Осетрова Елена Валерьевна, докт. филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, докт. филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Иванцова Екатерина Вадимовна, докт. филол. наук (Томский государственный университет)

Копнина Галина Анатольевна, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, докт. филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет);

Панин Леонид Григорьевич, докт. филол. наук (Новосибирский государственный университет)

Пекарская Ирина Владимировна, докт. филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Шарифуллин Борис Яхиевич, докт. филол. наук (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

ОГЛАВЛЕНИЕ

I РУСИСТИКА

Андреева Е.А. Запрет и его жанровая репрезентация в «Житии Феодосия Печерского»	4
Антипова Д.Г., Шпомер Е.А. Элокутивная прагматика: проблемы и перспективы (опыт аналитического обзора)	8
Белошапкин А.Н. Пресс-релиз как основной жанр информирования населения пресс-службой ГУ МЧС России (на примере пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия)	14
Бехметьева Л.Ю. Риторические приёмы в творчестве современных рок-групп: анония в реальности и пространстве текста	21
Бобрикова Ю.В. Идеографическое поле «женщина»: антонимический аспект (на материале русских говоров Приамурья)	26
Грекова И.В. Репрезентация концепта святости в тексте жизнеописания святого	32
Грищева Е.С. Элокутивная системность тропеической лексической и графической окказиональности	40
Дегтярёва А.Р. Сопоставительное исследование функционирования типов эвфемизмов в новостных интернет-изданиях (на материалах «Lenta.ru», радио «Свобода»).....	47
Шаерман Е.И. Молодёжный сленг как структурно-функциональное образование (на материале молодёжного сленга г. Бийска)	53

II ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Антипова Д.Г. Элокутивная прагматика СМИ в аспекте формирования интернациональной языковой личности	59
Бутерус Е.Г. Дискурс как лингвистическая категория: многоаспектность и проблема определения	64
Ван Гуаннань. Китайские приметы в сфере торговли: результаты опроса	70
Герасимова К.П. Проблема выбора лексических средств на фонетическом уровне при переводе текста с турецкого языка на русский (на материале сборника эссе Орхана Памука «Другие цвета»).....	74
Гусейнова А.В. Динамика языковой лояльности в Республике Хакасия	80
Николаева А.С. Пейзажная лексика корейской поэмы «어부사시사» («Времена года рыбака») как объект перевода	85
Павлюкова А.В. Тактика имплицитного сопоставления в немецкой рекламе	90

III ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бобылева Т.В. Анализ повествовательного мотива в изучении образа короля Артура (на материале среднеанглийской поэмы Лайамона «Брут», XIII век)	96
Бурьгина Т.С. Образы пацифистов в творчестве Арчибальда Джозефа Кронина	102
Постникова С.И. Парадокс пустоты в лирике И. Бродского (на материале сборника «Часть речи»).....	107

IV ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Публикация текстов живой речи, записанных в Кежемском районе Красноярского края	112
---	-----

V СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
------------------------------------	-----

I РУСИСТИКА

Е.А. Андреева¹

ЗАПРЕТ И ЕГО ЖАНРОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В «ЖИТИИ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО»

This article is about prohibition's genre and its representation in hagiography. Three prohibition's forms were described and as a result it was concluded about differentiating features this forms.

Key words: genres of speech, semantics, prohibition.

Ключевые слова: жанры речи, семантика, запрет.

Запрет является неотъемлемой частью культуры любого общества; это один из главных социальных регуляторов. Однако несмотря на важность запрета в разных типах коммуникации, это явление недостаточно изучено с лингвистических позиций, в частности, в диахроническом аспекте. В последнее время запрет все чаще оказывается в центре внимания филологов: он исследуется с позиций лингвопрагматики [Руссинова, 2006] и речеведения; понимается как элемент концептосферы [Медведева, 2008], рассматривается с позиций функционально-семантического поля [Роменская, 2003], изучается как категория.

Мы считаем, что невозможно говорить о запрете вне жанровых характеристик. Согласно классификации Т.В. Шмелевой, запрет является императивным самостоятельным речевым жанром наряду с просьбой, распоряжением, обещанием [Шмелева, 1990]. Встречаются и другие точки зрения: в частности, А.Д. Степанов рассматривает запрет, а вместе с ним распоряжение и инструкцию, как форму приказа [Степанов, 2005]. Соглашаясь с взглядами автора на запрет как на несамостоятельный императивный жанр, мы можем предложить свое видение жанровой характеристики запрета. С нашей точки зрения, корректнее говорить о семантике запрета, которая может содержаться в различных императивных речевых жанрах. Опираясь на анкету речевого жанра Т.В. Шмелевой, можно выделить следующие жанрообразующие признаки форм с семантикой запрета:

1) *коммуникативная цель* субъекта запрета – предотвратить совершение адресатом какого-либо действия. Этим и определяется императивный характер речевых жанров с семантикой запрета;

2) следующий признак: *субъектно-адресатные отношения*, которые предполагают наличие участников ситуации. Субъект – тот, от кого запрет исходит; адресат – тот, кому он направлен;

¹ Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е.А. Кудрявцева

3) *объект запрета* подразумевает то действие или явление, которые не одобряются субъектом. Как правило, объект запрета определяется установками, входящими в ценностное поле субъекта;

4) *модальность*. Императивные речевые жанры объединяются тем, что они отнесены к сфере будущего. Мы говорим о запрете тогда, когда субъект запрета ожидает неодобряемых действий от адресата. В этом случае он может приказывать, просить, советовать – в зависимости от ситуации и своего положения, но цель будет преследоваться одна: отвлечь адресата от каких-либо действий, которые лишь потенциально могут быть совершены.

5. Последний признак, который характеризует императивные жанры с семантикой запрета: *возможность наступления негативных последствий* для адресата в случае нарушения запрета.

В ходе анализа ситуаций запрета в «Житии Феодосия Печерского» было выявлено, что запрет может быть представлен в трех жанровых репрезентациях: приказ, поучение и просьба. Однако необходимо различать прямую и косвенную реализацию императивного жанра. Можно говорить о косвенной реализации в том случае, если мы выводим жанрообразующие признаки императивных жанров из информативного высказывания. Прямая реализация жанровых форм запрета представляет собой императив с отрицательной частицей *не*. При этом сам запрет может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитное выражение запрета включает: 1) наличие конструкции «не + императив»; 2) наличие перформативного глагола *запретить* или синонимичных ему *возбранять, не велесть, не разрешать, не позволять* + инфинитив, в котором отражено содержание запрета; 3) наличие глаголов *поучать, просить, приказывать*, которые называют жанр, + инфинитив с отрицанием, составляющий содержание запрета. Имплицитное выражение запрета предполагает контекст, из которого извлекается семантика запрета. По жанрообразующим признакам мы можем реконструировать в тексте конкретный императивный речевой жанр.

Итак, одной из форм реализации запрета в «Житии Феодосия Печерского» является **приказ**. Он имеет следующие особенности:

1) наличие полномочий у субъекта запрета (адресаты находятся в подчинительном положении);

2) высокая степень заинтересованности субъекта в неосуществлении запрещаемого действия;

3) высокая степень категоричности, которая предполагает возможность наступления негативных последствий для адресата.

Одним из субъектов запрета в «Житии...» является мать Феодосия. Она всеми силами препятствует его замыслу уйти в монастырь и посвятить себя Богу. Мать Феодосия не желала, чтобы сын, непрестанно работая, вел аскетический образ жизни, поэтому запирала его в доме:

«Мати же его оставляше ѱ, не веляци ему тако творити» (Житие Феодосия Печерского. С. 308).

В данном примере реализуется косвенный приказ с семантикой запрета, при этом запрет выражен эксплицитно посредством глагола *не велящи*, который имеет семантику запрещения.

Прямая реализация жанра приказа и эксплицитное выражение запрета реализуются в следующем примере. Строжайшему запрету в «Житии...» подлжит знание и передача другим информации о чудесах Божиих, только что сотворившихся. Келарю, который был свидетелем чудесного появления меда в кладовой, Феодосий запрещает рассказывать о случившемся:

«Мълчи, чадо, и не рѣци никомуже о томъ слова, нѣ иди и носи, елико ти на трѣбу кѣнязю и суциимъ съ нимъ; и еще же и братии подай от него, да пшють» (Там же. С. 368).

Императивы *мълчи* и *не рѣци* свидетельствуют о прямой репрезентации приказа с семантикой запрета и эксплицитном выражении запрета. Отметим, что категоричность запрета, налагаемого на огласку чуда, связана с христианскими постулатами, прописанными в Евангелии: скромность является одной из высших добродетелей. Так и Божьи чудеса должны держаться втайне, как и добрые дела христиан.

Следующий тип реализации запретов – это запреты в форме **поучения**, характеризующиеся таким жанровыми признаками, как:

1. высокий статус субъекта по отношению к адресату. Субъектом запрета в форме поучения выступает Феодосий Преподобный, являющийся игуменом Киево-Печерского монастыря, адресат такого рода запретов – монахи, проживающие в монастыре;

2. низкая степень заинтересованности субъекта в неосуществлении действия;

3. некатегоричный характер запрета. Связано это с тем, что церковно-религиозному стилю речи проповедников и священнослужителей не свойствен долженствующе-предписывающий характер речи; также в поучениях не предусматривается наказание непосредственно от субъекта в случае нарушения запрета.

Субъектом запретов в форме поучения в «Житии...» выступает Феодосий Печерский, который является настоятелем монастыря; поучения его обращены к монахам и представляют собой трансляцию евангельского текста: Феодосий является проводником христианских истин. Объектом запрета становится антихристианское поведение, противоречащее заповедям. Игумен поучает братию жить по законам Божиим и не предаваться таким грехам, как прелюбодеяние, воровство и клевета, пустословие, ссоры, пьянство, обжорство, братоненавидение.

В поучениях Феодосия запрещается заботиться о завтрашнем дне, строить планы на будущее, что связано с представлением о наличии на всё воли Божьей:

«Не пѣцѣтеся, что пиемъ, или что ѣмъ, или въ что облечемъся: вѣсть бо отъць вашъ небесный, яко требуетъ вся си, обаче ищите цесарства небеснаго и си вся приложатъся вамъ» (Там же. С. 332).

Данный фрагмент представляет собой эксплицитное поучение-запрет, на что указывает прямая речь и императивный глагол *не пѹѣтесея*.

Феодосий поучал монахов быть смиренными, что является неотъемлемой чертой образа жизни праведников:

«Уча братию, не възноситися ни о чемъ же, нъ съмерену быти мниху, а самому мьншию всѣхъ творитися и не величатися, нъ къ всѣмъ покориву бытии» (Там же. С. 346).

В данном примере мы видим косвенную реализацию жанра поучения и эксплицитное выражение запрета; в частности, такая конструкция как *уча не възноситися* эксплицирует запрет.

Игумен не одобряет предпочтение материальных ценностей духовным (как сказано в Евангелии: «Не собирайте себе сокровищ на земле»). Феодосий наставляет монахов:

«Нѣсть лѣпо намъ, братие, мьнихомъ сущемъ и отвѣргъшемъся мирьскихъ, събъраніе пакы творити имѣнію въ келию свою» (Там же. С. 358).

Здесь представлена косвенная реализация жанра поучения и имплицитная форма выражения запрета с конструкцией *нѣсть лѣпо*, которая предполагает оценку действия. Феодосий поучает монахов, не одобряя содержание имущества в кельях, что и определяет семантику запрета в данном фрагменте.

Запреты в форме поучения содержат основные постулаты праведного образа жизни, в них слышится призыв отвергнуть все, что связано с материальными ценностями. В житии запреты в форме поучения наиболее частотны. Это объясняется тем, что жанр жития предполагает репрезентацию христианских норм, отраженных как в жизнеописании героя, так и в его речах.

Еще одной формой выражения запрета является **просьба**. Она характеризуется такими различающимися жанровыми признаками, как:

- равноправные отношения между субъектом и адресатом;
- высокая степень заинтересованности субъекта в неосуществлении действия;
- некатегоричный характер запрета, предполагающий отсутствие наказания в случае невыполнения просьбы.

С запретом, «облечённым» в жанр просьбы, мы встречаемся в ситуации, когда находящийся при смерти Феодосий просит братию:

«Да въ ней же есмь одежи нынѣ, въ той да положите мя тако въ пещерѣ, идеже постыныя дѣни прѣбываахъ, ниже омывайте убогаго моего тѣла» (Там же. С. 388).

В этом фрагменте реализуется запрет на омытие тела. Отец Феодосий как истинный христианин скромн и кроток перед лицом смерти; он считает себя недостойным быть погребенным с почестями. В данном случае представлена прямая репрезентация жанра просьбы и эксплицитное выражение запрета, на что указывает конструкция *не + императив*.

Таким образом, данные жанры дают представление о характере субъекта и объекта запрета в древнем житийном тексте. Дифференцирующими признаками императивных жанров, содержащих семантику запрета, являются:

1) характер отношений между участниками ситуации. Запрет в форме приказа и поучения предполагает наличие субъекта, наделенного определенными полномочиями, которые определяют его вышестоящее положение по отношению к адресату. В свою очередь, такие жанры с семантикой запрета, как просьба, совет, мольба, характеризуются неопределенной иерархией участников: субъект может быть выше, ниже и на одной ступени с адресатом по своему статусу;

2) степень заинтересованности субъекта в неосуществлении какого-либо действия. По такому признаку различаются: мольба, просьба, приказ – с одной стороны, и совет, поучение – с другой;

3) категоричность запрета. Категоричными являются те запреты, которые предполагают наказание в случае их нарушения; так, запрет в форме приказа обладает высокой степенью категоричности, в то время как совет, просьба, поучение являются некатегоричными формами. Нарушение запрета в последнем случае может повлечь за собой только нравственное порицание.

Мы можем сделать вывод, что запрет не является самостоятельным речевым жанром. Он «пользуется» признаками императивных речевых жанров и, взаимодействуя с ними, реализуется в одном из них. В «Житии Феодосия Печерского» запрет проявляется в трёх жанровых формах: поучение, просьба и приказ. Дифференцирующие признаки позволили нам классифицировать формы выражения запрета и выявить их особенности в «Житии Феодосия Печерского».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники литературы Древней Руси: XI – нач. XII в. // под ред. Д.С. Лихачева. М., 1978. 464 с.
2. Медведева Д.И. Языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008. 22 с.
3. Роменская М.Ю. Функционально-семантическое поле запрета в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2003. 18 с.
4. Руссинова Т.В. Особенности функционирования запрета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.
5. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
6. Шмелева Т.В. Речевой жанр (Возможности описания и использования в преподавании языка) // Русистика, Берлин. 1990. № 2. С. 20–30.

Д.Г. Антипова, Е.А. Шпомер²

**ЭЛОКУТИВНАЯ ПРАГМАТИКА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(ОПЫТ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЗОРА)**

In the article authors propose the attempt of analytical review of problems and outlooks of development of the theory of figures on modern stage as a phenomenon of making of effective communication. The authors describe ways of formation and development of theory of figures. They pay attention to principle organization of elocutive means of language. The authors retrace outlooks in the development of questions of elocutive pragmatics, enumerate scientific schools, which are busy with this range of problems.

Key words: *rhetoric, elocution, pragmatics, tropes, figures of speech, effective communication, persuasion.*

Ключевые слова: *риторика, элокуция, прагматика, тропы, фигуры речи, эффективная коммуникация, убеждение.*

В настоящее время проблемы эффективной коммуникации приобретают особое значение, в связи с чем наблюдается актуализация такой древней науки, как риторика, которая направлена прежде всего на формирование у говорящего навыков убеждения и умелого использования способов и методов речевого влияния на аудиторию.

В большей степени внимание современных теоретиков и практиков риторического знания привлекает элокуция – раздел риторики, изучающий средства и приемы словесного выражения замысла. Главной задачей, над решением которой работают специалисты, является создание единой непротиворечивой классификации элокутивных средств.

Попытки систематизации тропов и стилистических фигур предпринимались неоднократно начиная с античности (Аристотель, Квинтилиан, С. Дюмарсе, Х. Перельман, М.В. Ломоносов, И. Рижский, Н. Кошанский, Н. Ливанов, К. Зеленецкий и др.). Однако так как за основу предлагаемых классификаций брались разные основания, комплексного описания единой системы, объективно отражающей семантико-структурно-функциональную прагматику элокутивов, до настоящего момента не представлено.

Исследования в этом направлении продолжаются и сегодня, например в работах Н.Н. Васильковой [1991], Е.С. Грищевой [2009], Г.А. Копниной [2009], В.И. Королькова [1973–1974], А.А. Кузнецовой [2009], С.В. Лопаткиной [2000], Н.А. Мартыановой [2011], А.К. Михальской [1996], В.П. Москвина [2007], И.В. Пекарской [2000, 2004–2006, 2010], Ю.Н. Скребнева [1992], Т.Г. Хазагерова, Л.С. Шириной [1994] и др. При этом следует отметить, что, как подчеркивает А.П. Сковородников, заметной тенденцией в развитии современной теории фигур является перенос акцентов с вопросов формальной

² Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И.В. Пекарская

классификации, которая чаще всего сводилась к увеличению номенклатурного списка (поскольку уже имеющиеся составляющие постоянно подвергались детализации), на поиски конструктивного *принципа* системной организации стилистических фигур [Сковородников, 1981, 1989].

Риторика как наука, изучающая искусство красноречия, появилась в V веке до н. э. в Древней Греции. За все время существования она по разным причинам переживала в своем развитии периоды расцвета и спада (вплоть до полного забвения). Однако в силу своей неразрывной связи с личностью и обществом риторика неоднократно возрождалась. На наш взгляд, сегодня эта наука в лице активно развивающейся «теории элокуции» [Пекарская 2006а: 110] переживает второй ренессанс (первым принято считать конец 80-х – начало 90-х годов XX века).

В основе изобразительно-выразительных средств языка лежат определенные принципы построения. Так, вслед за А.П. Сковородниковым, который говорил о принципах экономии/избыточности, Г.Н. Акимова рассматривала ряд фигур в аспекте их грамматической расчлененности/нерасчлененности, Э.М. Береговская указывала на принципы симметрии/асимметрии, И.В. Пекарская описывала систему фигур, построенных по принципу синтаксической контаминации [см. об этом: Пекарская, 2000].

В дальнейшем работа в данном направлении, по свидетельству И.В. Пекарской, была продолжена в исследованиях А.А. Кузнецовой, которая описала фигуры принципа синтаксического параллелизма, С.В. Лопаткиной, разработавшей принцип сравнения, А.В. Щербакова, предпринявшего попытку определения статуса градации, М.В. Веккесер, изучавшей асиндетон и полисиндетон в аспекте речевой экономии/избыточности, О.Н. Егорченко, рассматривающей принцип контраста, А.Н. Лелекиной, исследующей алогизм как принцип, Е.С. Грищевой, которая предложила свое видение окказиональности через систему синтагматических и парадигматических принципов, и др. [Пекарская, 2006а].

Комплексная системная классификация принципов организации элокутивов языка была представлена И.В. Пекарской в 2000 году. Автор предлагает выделять два общих парадигматических принципа с включением в них частных проявлений и один общих парадигматический принцип с целым рядом частных разновидностей. На основе соотнесённости этих принципов анализируется медиополе фигур, построенных по принципу контаминации.

И.В. Пекарская отмечает, что наступило время, когда становится возможным говорить о формирующихся и сформированных школах, изучающих изобразительно-выразительные средства: Смоленск (Э.М. Береговская), Красноярск (А.П. Сковородников), Ростов-на-Дону (Т.Г. Хазагеров) [Пекарская, 2004. С. 378]. Активно развивается подобная школа в Абакане (И.В. Пекарская). Она занимается системным описанием семантико-структурно-функционального макрополя элокутивов тропеического и фигурального характера и в целом проблемами эффективной коммуникации.

Еще одним направлением разработок теории фигур стало дальнейшее изучение специфики взаимодействия элокутивов в речи. Проблемы контаминации (наложения фигур одна на другую) и конвергенции (схождения в одном месте нескольких фигур, что непременно привлекает внимание адресата) освещены в работах А.П. Сковородникова, И.В. Пекарской, Г.А. Копниной, Е.С. Грищевой, С.В. Лопаткиной, Н.А. Мартьяновой и др. [см. список литературы].

Новый этап в изучении изобразительно-выразительных средств был связан, по мнению И.В. Пекарской, с проведением конференций различного уровня, посвящённых вопросам эффективной коммуникации: ежегодной Всероссийской (а впоследствии Международной) конференции в Абакане «Актуальные проблемы изучения языка и литературы» (2001 г.), конференции в Ачинске (2002 г.) [Пекарская, 2006 а].

Отметим, что впоследствии (2004–2012 гг.) идеи элокутивной прагматики продолжали развиваться в трудах учёных-стилистов и обсуждаться на уже названных и вновь организованных конференциях в Абакане (ежегодная Международная конференция «Актуальные проблемы изучения языка и литературы», 2004–2011 [Актуальные проблемы..., 2011]), Красноярске (СФУ: Всероссийские, затем – Международные филологические чтения имени проф. Р.Т. Гриб [Взаимодействие языка и культуры, 2011]; Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста» (см. например: [Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Диалог культур в аспекте языка и текста», Институт филологии и языковой коммуникации СФУ, 16–17 апреля 2012]) и др.

Сегодня продолжается поиск эффективных путей описания изобразительно-выразительной системы русского языка в уже сформировавшихся или формирующихся научных школах в Красноярске (см. работы А.П. Сковородникова [1989, 1998 и др.], Г.А. Копниной [2009 и др.], А.А. Кузнецовой [2009 и др.] и др.), Смоленске (см. работы Э.М. Береговской, Ю.В. Власовой, Т.В. Новиковой, Ю.Н. Пугачёвой и др. [Стилистические фигуры как система, 2007 и др.]), Абакане (см. работы И.В. Пекарской [2000–2011], Е.С. Грищевой [2009 и др.], С.В. Лопаткиной [2000], Н.А. Мартьяновой [2011]) и др., изучающих историю и современное состояние не просто теории фигур, но теорию и практику элокуции в соотнесённости с ведущими концептами культуры. В основе разработок учёных названных школ лежит системность и принципность в описании элокутивов (как орнаментальных, так и неорнаментальных).

Теорию фигур сейчас, по мнению И.В. Пекарской можно квалифицировать как составляющую теории элокуции, которая со временем включит в себя описания общей элокутивной системы с её подсистемами, такими как теория фигур разных уровней языковой структуры, теория окказионализмов-элокутивов разных уровней языковой структуры, теория речевых фразеологических элокутивов и др. Все названные орнаментальные

элокутивы целесообразно будет описать «в рамках полевой системности в межкультурном филологическом коммуникативном пространстве с учётом менталитетных и гендерных характеристик. Специальное внимание целесообразно будет уделить разработке диффузных зон полей разных принципов организации (пограничным фигурам, маргинальным фигурам), а также энантиоконтаминационным образованиям» [Пекарская, 2006а. С. 112].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов В.П., Пекарская И.В. Риторика как наука и предмет обучения (проблемы определения в ретроспективе и перспективе) // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков. Материалы Всероссийской конференции 25–27 сентября 2001 г. Вып. II. Абакан, 2001. С. 3 – 8.
2. Актуальные проблемы изучения языка и литературы: стратегии развития языка, литературы, культуры в системе гуманитарного знания. Материалы VI Международной научно-практической конференции 26–28 октября 2011 г. Абакан, 2011. 208 с.
3. Василькова Н.Н. Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II половины XVIII – начале XIX вв.: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1991. 20 с.
4. Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте: сборник научных статей // II Международные (XVI Всероссийские) филологические чтения имени проф. Р.Т. Гриб / отв. и научный ред. проф. Б.Я. Шарифуллин. Красноярск, 2011. Вып. 2 (11). 414 с.
5. Грищева Е.С. Лексическая окказиональность в аспекте теории элокутивного поля. Абакан, 2009. 156 с.
6. Диалог культур в аспекте языка и текста: программа Международной научно-практической конференции молодых исследователей. СФУ Институт филологии и языковой коммуникации. 16–17 апреля 2012.
7. Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания: монография. М., 2009. 576 с.
8. Корольков В.И. К теории фигур // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 78 / Отв. ред. Д.С. Светлышев. М., 1973–1974. С. 60–93.
9. Кузнецова А.А. Стилистические фигуры современного русского языка, построенные по принципу перестановки // Речевое общение: специализированный вестник / Сибирский федеральный университет; под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 10–11 (18–19). Красноярск, 2009. С. 90–100.
10. Лопаткина С.В. Проблема контаминационного взаимодействия тропов (на уровне контаминации и конвергенции) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Выпуск 1. Серия: Языкознание. Абакан, 2000. 160 с.

11. Мартыанова Н.А. Полевое описание элокутивных колоративов (на материале произведений А.И. Куприна). Абакан, 2011. 148 с.
12. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М., 1996. 416 с.
13. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000. Ч. I 247 с.; Ч. II 344 с.
14. Пекарская И.В. Риторика XXI века: аналитический очерк // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая политика в межкультурной среде: материалы Первой Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.П. Антонов, науч. ред. И.В. Пекарская. Абакан, 2006. С. 104–107.
15. Пекарская И.В. Выразительность речи и изобразительные средства языка: опыт системного принципового описания тропов // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень / под ред. И.В. Пекарской. Вып. 3. Абакан, 2006. 206 с.
16. Пекарская И.В. К проблеме описания общей системы элокутивных (стилистически значимых) средств русского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Выпуск 1. Серия: Языкознание. Абакан, 2000. 160 с.
17. Пекарская И.В. Современная теория элокуции: достижения и перспективы // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: толерантность и интеграция: материалы Четвертой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова и 60-летию образования факультета русской филологии Института филологии / отв. ред. Л.С. Перкас, науч. ред. И.В. Пекарская. Абакан, 2004. С. 376–381.
18. Пекарская И.В. Текстовые фигуры принципа контаминации // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия 5. Филология: Языкознание. Выпуск 7 / гл. ред. С.А. Боргояков, отв. ред. И.В. Пекарская. Абакан, 2005. 201 с.
19. Пекарская И.В. Теория фигур и теория элокуции (ретроспективный очерк) // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании: сборник материалов Десятой Международной конференции по риторике / научн. ред.-сост. В.И. Аннушкин. М., 2006. С. 110–114.
20. Пекарская И.В. Теория элокуции на современном этапе: актуальная проблематика и перспективы разработки // Русское слово в мировой культуре. Русский язык и русская речь сегодня: старое – новое – заимствованное. X Конгресс МАПРЯЛ. СПб, 2003. С.301–311.
21. Пекарская И.В. Орнаментальные элокутивы симметрии/асимметрии в языке // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Серия 5. Филология: Языкознание. Выпуск 10. Серия 6. Филология: Литературоведение / гл. ред. И.В. Пекарская, отв. ред. В.П. Антонов. Абакан, 2010. 180 с.

22. Пекарская И.В. Принциповая константность в описании фигуральных элокутивов: опыт системного представления // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: стратегии развития языка, литературы, культуры в системе гуманитарного знания. Материалы VI Международной научно-практической конференции 26–28 октября 2011 г. Абакан, 2011. С. 8–14.
23. Речевое общение: специализированный вестник / Сибирский федеральный университет; под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 10–11 (18–19). Красноярск, 2009. 317 с.
24. Риторика и синтаксические структуры. 1–3 февраля 1989. – Краевая науч.-техн. конференция. – Красноярск: Ин-т РЯ АН СССР, КрГУ, 1989.
25. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск, 1981. 255 с.
26. Сковородников А.П. Актуальная проблематика теории стилистических фигур // Риторика и синтаксические структуры. 1–3 февраля 1989. – Краевая науч.-техн. конференция. Красноярск, 1989. С. 147–151.
27. Сковородников А.П. Аллюзия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Науч. метод. бюллетень. Вып. 6. Красноярск – Ачинск, 1998. С. 114–116.
28. Скребнев Ю.Н. Экспрессивная стилистика и лингвистика субъязыков // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2 / отв. ред. Т.Г. Хазагеров. Ростов-на-Дону, 1992. С. 19–26.
29. Стилистические фигуры как система. Коллективная монография / Министерство образования и науки РФ; Смоленский гос. ун-т. Смоленск, 2007. 416 с.
30. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Курс лекций. Словарь риторических фигур. Ростов-на-Дону, 1994. 192 с.

А.Н. Белошапкин³

**ПРЕСС-РЕЛИЗ КАК ОСНОВНОЙ ЖАНР
ИНФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕСС-
СЛУЖБЫ ГУ МЧС РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕСС-
СЛУЖБЫ ГУ МЧС РОССИИ ПО РЕСПУБЛИКЕ
ХАКАСИЯ)**

The article represents the description of the revealed communicative features of press releases of the press service of GU Ministry of Emergency Situations of Russia across Khakassia and determination of language specifics of press releases of department. Attempt of detection of features of work of the press service combining in functions of PR department (the relation with the public) and communications with mass media (the relations with the press) on an example of the press service of GU Ministry of Emergency Situations of Russia across Khakassia became features of this approach.

³ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И.В. Пекарская

Key words: *press service, press release, mass media, expressiveness, contamination, convergence.*

Ключевые слова: *пресс-служба, пресс-релиз, СМИ, выразительность, контаминация, конвергенция.*

В последние годы все больше организаций и компаний вводят в свой штат должность специалиста по связям с общественностью или пресс-секретаря, а то и вовсе отдельную пресс-службу. В арсенале пресс-секретарей имеется большое количество разнообразных технологий, посредством которых создается положительный имидж компании, а также осуществляется взаимодействие с общественностью и СМИ. В крупных организациях эти две функции распределены между PR-отделом и отделом по связям с прессой. В провинциальных компаниях такого разграничения полномочий нет. Это касается в том числе и пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия.

Целью данного исследования является выявление коммуникативных и речевых особенностей пресс-релизов, исходящих из ГУ МЧС России по Республике Хакасия.

Актуальность данной темы заключается в том, что ГУ МЧС России по Республике Хакасия является авторитетным государственным ведомством, которое обеспечивает безопасность граждан республики. Значение вопросов безопасности жители республики особо остро почувствовали после аварии на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г., поэтому резко возросло внимание граждан к любой информации, исходящей от пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия. Соответственно, от того, насколько оперативно, профессионально и грамотно пресс-служба ГУ МЧС России по Республике Хакасия будет подавать информацию в СМИ, зависит, будут ли граждане верить в открытость и честность работы этого ведомства и чувствовать себя в безопасности в той или иной ситуации.

В данной статье нами будут описаны выявленные коммуникативные особенности пресс-релизов пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия и определена языковая специфика пресс-релизов ведомства.

Особенность данного подхода – попытка выявления специфики деятельности пресс-службы, совмещающей в себе функции PR-отдела (отношения с общественностью) и связей со СМИ (отношения с прессой) на примере пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия.

Наиболее распространенный способ передачи прессе информации со стороны пресс-службы— информационное сообщение, или пресс-релиз. После написания его отправляют по электронной почте в различные газеты и периодические издания, на радио и телевидение.

Пресс-релиз, по замечанию А.Н. Чумикова, представляет собой: 1) обзорную информацию для печати; 2) специально подготовленную информацию о товаре или фирме, распространяемую фирмой для возможного опубликования в печати [Чумиков, 2003. С. 155].

Пресс-релизом также называют краткое информационное (не рекламное) сообщение, подготовленное для журналистов и редакторов СМИ,

рассказывающее о значимом событии, мероприятии или ином информационном поводе [Тарашвили, 2000. С. 189].

Пресс-релиз, как правило, содержит официальную позицию организации в виде реакции на тот или иной информационный повод.

Текст пресс-релиза не должен быть эмоционально окрашен с помощью вопросительных или восклицательных знаков, «громких» эпитетов. Вопросительный или восклицательный знаки, а также эпитеты допустимы в прямой цитате [Комаровский, 1997. С. 110].

Информационные агентства, как правило, редактируют пресс-релиз и полный его текст не распространяют, поэтому в текст пресс-релиза всегда нужно включать как можно больше конкретных фактов, а также дополнительную информацию по теме. Пресс-секретари постоянно ведут и обновляют список получателей материалов, чтобы пресс-релизы распространялись без задержки.

Пресс-релизы ежедневно конкурируют с огромным количеством подобных материалов, которые получают редакторы. Поэтому пресс-секретари придают своим текстам легкоузнаваемый внешний вид, используя логотип или так наз. «шапку», особый шрифт и т. д. Также четко указывается фамилия, имя и адрес отправителя, фамилия, имя и номер телефона ответственного лица, к которому можно при необходимости обратиться за дополнительной информацией.

Главное правило оформления пресс-релиза: текст должен быстро и легко восприниматься читателем.

Анализируя пресс-релизы, поступающие от пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия в период с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2011 г., мы выявили ряд особенностей.

Сведения, размещаемые в текстах пресс-релизов управления, отвечают требованиям честности и достоверности. Анализируя содержание газетных материалов и выпусков новостей местных телевизионных СМИ, мы не выявили никаких расхождений с той информацией, которая размещена на сайте ГУ МЧС России по Республике Хакасия или в пресс-релизах ведомства.

Особенность работы пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия заключается в том, что любая информация, поступающая из этой организации, заслуживает внимания как потенциальная новость. Часто такая информация подается в новостном блоке либо как краткое сообщение, либо (при необходимости) в более развернутом виде, с небольшими комментариями или таблицами.

Сообщения от ГУ МЧС России по Республике Хакасия обычно передаются в довольно краткой форме, поэтому и сами пресс-релизы, как правило, имеют небольшой объем. Это позволяет СМИ публиковать их без купюр и дополнений.

Пресс-служба ГУ МЧС по Республике Хакасия имеет относительно постоянный список получателей материалов, так как рынок СМИ Хакасии отличается стабильностью. Сообщения МЧС постоянно публикуются в

определенных СМИ, таких как информационные агентства «Хакасия» и «Хакасия-Информ», газеты «Хакасия» и «Абакан», телепрограммы «Нота Бене», «Вести-Хакасия» и другие.

В самом пресс-релизе сотрудники пресс-службы ГУ МЧС России по Республике Хакасия всегда указывают дату, а при необходимости ставят пометку «срочно», так как иногда сообщения необходимо распространить незамедлительно.

Анализируя тематику пресс-релизов ГУ МЧС России по Республике Хакасия за 2010 и 2011 годы, мы распределили материалы по следующим группам.

Как оказалось, из 355 пресс-релизов, подготовленных пресс-службой в рассматриваемом периоде, большая часть (96; 27,4 %) – это информационные сообщения, предупреждающие население республики об опасности, разъясняющие правила поведения во время ЧС и т. д. Содержат информацию о мероприятиях МЧС, направленных на предотвращение ЧС (профилактические работы, своевременное принятие мер по предотвращению ЧП), 76 пресс-релизов (21,4 %). Информация о пожарах содержится в 74 (21,4 %), а информация о чрезвычайных ситуациях, возникших по вине человека (в том числе техногенных), – в 54 пресс-релизах (15,2 %). Другие темы: достижения и награды сотрудников ГУ МЧС России по Республике Хакасия, связанные с их профессиональной и спортивной деятельностью – 48 пресс-релизов (13,5 %); чрезвычайные ситуации, возникшие в результате воздействия стихии – 6 (1,7 %). Среди прочего мы также нашли один пресс-релиз (0,3 %), который негативно характеризует ведомство: о взятке сотрудника, впоследствии осужденного.

Таким образом, большинство своих пресс-релизов пресс-служба ГУ МЧС России по Республике Хакасия создает для предупреждения населения об опасности, а также для информирования о деятельности ведомства, направленной на обеспечение безопасности граждан.

Что касается речевых особенностей пресс-релизов, то язык текстов ГУ МЧС России по Республике Хакасия отличается своей выразительностью и образностью.

По определению И.В. Пекарской, выразительность речи – это её способность привлекать и удерживать внимание адресата от начала до конца сообщения за счёт речевой прагматики [воздействия], которую усиливает с различной степенью интенсивности [количество, мера усиления = интенсивность экспрессивности] экспрессивность [способность речи усиливать воздействие языковых/речевых единиц, образная (или необразная), эмоциональная (или неэмоциональная)]. Это способствует образности речи [способности создавать образы, представления], усилителями которой являются тропы и стилистические фигуры, чьё совместное последовательное употребление усиливает речевую выразительность в целом.

Усилителями образности речи становятся тропы, фигуры, контаминация названных элокутивов (любых образных и выразительных

средств экспрессивного (в том числе и эмоционального) характера, тропов и фигур речи). Они создают яркие рельефные образы, задерживающие на себе внимание адресата речи.

Усилителями выразительности речи И.В. Пекарская называет связь «сцепления», эффект обманутого ожидания, конвергенцию элокутивов (тропов, фигур), текстовые фигуры и их контаминацию [Пекарская, 2000. С. 104–105].

В результате анализа свыше 80 пресс-релизов нам удалось выявить несколько групп усилителей изобразительности и выразительности речи.

Усилители изобразительности. Чаще всего в текстах используются **метафоры**. Метафора – это разновидность сравнения (имплицитное сравнение). Метафора наблюдает в себе лишь компонент «что сравнивается» (не бинарна, т. к. компонент «с чем сравнивается» имплицитен, «скрыт»).

Практически каждую весну р. Абакан преподносит новые сюрпризы – метафора, так как есть лишь один компонент (*р. Абакан*) – то, что сравнивается (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 18.04.2011). *Подачу тепла на объекты котельная не прекращает*. Метафора: *подачу тепла* (пресс-релиз ГУ МЧС России по Хакасии от 23.12.2010).

Использование в пресс-релизах метафор не только привлекает внимание аудитории, но и создает эффект приближенности автора к аудитории, а также заостряет внимание на важных моментах в тексте. Задача пресс-службы ГУ МЧС России – предотвращать возможные чрезвычайные ситуации, привлекая внимание к проблемам, поэтому использование метафор в текстах очень частотно.

Также для привлечения внимания к определенным фактам пресс-служба ГУ МЧС России по Республике Хакасия использует в своих текстах **метонимию**, в основе которой лежат когнитивные механизмы, связанные с законом языковой экономии [Пекарская, 2001. С. 9].

Чаще всего в текстах ГУ МЧС России по Республике Хакасия используется «чистая метонимия» (собственно метонимия). Она выделяется по аналогии с «чистой метафорой»: *Больницу было решено эвакуировать – легкобольных распустили по домам, тяжелобольных перевезли в стационар ЦРБ Таштыпского района*. Метонимия: *больницу* (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 18.04.2011). *Республика покупает одну единицу техники, и мы даем одну. Республика покупает пять, и мы поставляем столько же*. Метонимия: *республика* (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 29.11.2011).

Кроме того, в пресс-релизах ГУ МЧС России по Республике Хакасия можно встретить **олицетворения**. Олицетворение – перенесение свойств живых объектов на неживые. *Практически каждую весну р. Абакан преподносит новые сюрпризы*. Олицетворение: *р. Абакан преподносит сюрпризы* (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 22.04.2010). *Вода резко поднялась, подтопив два домовладения*. Олицетворение: *вода поднялась* (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 16.04.2011). *Машина ушла под лед сначала передними колесами, затем постепенно, в*

течение 10–15 минут провалился весь кузов. Олицетворение: *машина ушла под лед* (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 19.01.2011).

Как мы уже отмечали ранее, все перечисленные тропы, использующиеся в пресс-релизах ГУ МЧС России по Республике Хакасия, относятся к усилителям изобразительности речи. Для усиления ее выразительности пресс-служба ведомства прибегает к таким приемам, как контаминация и конвергенция.

Частотно в пресс-релизах совместное использование элокутивов: контаминация (их взаимоналожение и взаимовкрапление) и конвергенция (взаимоследование) [см. о разграничении контаминации и конвергенции: Пекарская, 2000. Ч. I. С. 203–228]. Проиллюстрируем сказанное.

Контаминация. *Первыми тревогу забили власти Алтайского района.* Инверсия сочетается с метафорой «забили тревогу» (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 18.04.2011). *Больницу было решено эвакуировать – легкобольных распустили по домам, тяжелобольных перевезли в стационар ЦРБ Таштынского района.* Инверсия сочетается с метонимией «больницу», антитеза «легкобольные – тяжелобольные» сочетается с эллипсисом «эвакуировать, а именно...» (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 15.03.2011). *Подачу тепла на объекты котельная не прекращает.* Инверсия сочетается с олицетворением «котельная не прекращает» и метафорой «подача тепла» (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 26.12.2010).

Конвергенция. *Вода резко поднялась, подтопив два домовладения, но через некоторое время уровень упал.* За олицетворением «вода поднялась» следует метафора «уровень упал» (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 20.04.2010). *Машина ушла под лед сначала передними колесами, затем постепенно, в течение 10–15 минут провалился весь кузов.* За олицетворением «машина ушла под лед» следует олицетворение «провалился кузов» (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 19.01.2011). *Погодные условия также не позволяют поднять в воздух вертолет.* За метафорой «погодные условия не позволяют» следует метонимия «поднять в воздух» (пресс-релиз ГУ МЧС России по Республике Хакасия от 29.04.2011).

Таким образом, рассмотрев пресс-релизы ГУ МЧС России по Республике Хакасия, опубликованные с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2011 г., мы выяснили, что большая часть из них – это информационные сообщения, предупреждающие население республики об опасности, правилах поведения во время ЧС и т. д., а также о мероприятиях МЧС, направленных на предотвращение ЧС (профилактические работы, своевременное принятие мер по предотвращению ЧП). Кроме того, пресс-служба ГУ МЧС России по Республике Хакасия работает и в направлении создания положительного имиджа ведомства и его отдельных сотрудников, поэтому нередко пресс-служба выпускает пресс-релизы о достижениях и наградах спасателей.

Что касается речевых особенностей текстов, то они состоят в употреблении усилителей образительности и выразительности речи. Среди усилителей выразительности наиболее частотны метафоры, эпитеты, инверсии.

Тропы привлекают внимание читателей, а также создают определенный образ. Для удержания внимания в пресс-релизах нередко используется конвергенция и контаминация. Те или иные образительные и выразительные средства употребляются практически во всех пресс-релизах ГУ МЧС России по Республике Хакасия, что повышает интерес читателей и позволяет донести ту или иную информацию доступным и «живым» языком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белошапкин А.Н. Пресс-служба как средство коммуникации между компанией и СМИ // Наука и общество: взгляд молодых исследователей: материалы Третьей научной конференции школьников и студентов. Абакан, 2010. С. 69–70.
2. Бортник Е.М. Управление связями с общественностью. М., 2002. 220 с.
3. Викентьев И.Л. Правила хорошего текста. М., 2001. 320 с.
4. Ворошилов В.В. Современная пресс-служба. М., 2009. 224 с.
5. Гнетнев А.И. Современная пресс-служба. М., 2010. 414 с.
6. Демин В. Организация работы пресс-служб: международные стандарты. Тараз, 2005. 230 с.
7. Каминская Т.Л. Паблик рилейшнз: общение со СМИ с помощью письменного текста (пресс-релиз). Великий Новгород, 1999. 200 с.
8. Комаровский В.С. Связи с общественностью в политике и государственном управлении. М., 2001. 230 с.
9. Комаровский В.С. Связь с общественностью – «паблик рилейшнз» – государственной власти и управления. Алматы, 1997. 120 с.
10. Пекарская И.В. К проблеме системного описания тропов (на материале русского и немецкого языков) // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: международный тематический сборник научных трудов. Вып. 4. Омск, 2003. С. 3–16.
11. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000. Ч. I. 248 с.
12. Пекарская И.В. Теория фигур на современном этапе: Актуальная проблематика и перспективы изучения // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всероссийской конференции 25–27 сентября 2001 года. Абакан, 2001. С. 8–11.
13. Тарашвили Е. Связи с общественностью в государственных структурах. М., 2000. 258 с.
14. Чумиков А.Н. Связи с общественностью: теория и практика. М., 2003. 189 с.
15. Яковлев И.П. Паблик рилейшенз в организациях. СПб., 1995. 540 с.

Л.Ю. Бехметьева⁴

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ РОК-ГРУПП: АНОМИЯ В РЕАЛЬНОСТИ И ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА

This article presents the linguistic and culturological analysis of rhetorical devices in the works of modern rock-bands in connection with the current situation of anomie in the society.

Key words: *the anomie, an institute of socialization, the crisis of identity, the standard, a rhetorical device, rockdiscourse.*

Ключевые слова: *аномия, институт социализации, кризис идентичности, норма, риторический приём, рок-дискурс.*

В настоящее время можно говорить о сложившейся в России ситуации аномии (< фр. *anomie* — отсутствие закона < греч. *a...* не, без + *nomos* — закон, «вне нормы», «неуправляемый») [Крысин, 2008. С. 71].

Данный термин ввёл в оборот социолог Э. Дюркгейм для объяснения состояния общества, при котором наступают разложение, дезинтеграция и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок. Необходимое условие возникновения аномии в обществе — расхождение между потребностями и интересами части его членов, с одной стороны, и возможностями их удовлетворения — с другой, в ситуации, когда старая иерархия ценностей рушится, а новая ещё не сложилась [Ковалёва, 2005. С. 155], что вполне соответствует общей тенденции общества к индивидуализации, наращиванию темпов потребления под влиянием культуры Запада и ценностей американской культуры. Ситуация в России усугубляется недавними историческими потрясениями и, как следствием, утратой преемственности поколений с последующей потерей культурных ориентиров. Если в СССР государство во многом обеспечивало связь между традиционными институтами социализации личности, то ныне, в ситуации падения авторитета церкви и государства, в рамках общей тенденции к индивидуализации, человек вынужден самостоятельно выстраивать личностные отношения в системе норм, институтов, ценностей.

Рок-культура и рок-среда, словно зеркало, отражают процессы, происходящие в обществе, живо реагируя не только на события, но и на складывающуюся в обществе идеологическую ситуацию, порождающую динамику различного типа норм на текстовом уровне.

Мы проанализировали риторические приёмы в текстах песен современных рок-групп в связи со сложившейся в обществе ситуацией аномии. Под риторическими приёмами в данной работе, вслед за А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной, мы понимаем осуществляемые в

⁴ Научный руководитель — к. филол. наук, доц. А.А. Кузнецова

процессе речевой деятельности прагматически целесообразные отклонения от языковых и/или речевых, логических, лингвоэтологических и онтологических норм и выделяем, соответственно, стилистические, паралогические, параэтологические и параонтологические разновидности риторических приёмов как результат отклонения от данного типа норм [Сковородников, 2003. С. 598].

Стилистические риторические приёмы реализуются на четырёх уровнях языка. На фонетическом уровне для текстов песен рок-коллективов характерно частотное использование аллитерации, ассонанса, звукоподражаний. Звуковой почерк рок-текстов, по мнению М.А. Солодовой, в целом можно охарактеризовать как мрачный, зловещий, угрюмый, что объясняется выбором «тёмных звуков», удлинением фонетических единиц, сопровождающимся их трансформацией [Солодова, 2002. С. 10].

Продемонстрируем явление фонетической деформации на примере ассонанса как отступления от количественной нормы употребления звуков в тексте песни «Ближе» коллектива «Агата Кристи»:

*Я тебя ненавижу-вижу,
Но ко мне ты всё ближе-ближе.
Ты меня ненавидишь, но-но-но,
Но ко мне ты всё ближе всё равно.*

В данном отрывке обыгрывается множественность употребления частицы «не» и союза «но» как единиц, несущих негативную семантику отрицания. Анализ ряда других текстов показал, что характерной особенностью многих рок-текстов является частотность употребления приставок раз- (рас-), от-, вы- со значением деструктивности. Как например, в тексте песни «Чудеса» группы «Агата Кристи»:

*Черный дом мироздания отрывает нам тормоза,
Расширяет нам подсознание до конца, до конца.*

На морфологическом уровне в рок-текстах, как правило, обыгрывается статус словоформы, её нечленимость, непроницаемость, аномалией является большое количество повторов, что иллюстрирует композиция «Жабры» коллектива «Мумий Тролль»:

*Мы еще красивее-е-е, и жабры порвутся е-е-е.
Спасибо, жабры, спасибо большое,
Большое, большое, большое о-е.*

Результатом навязчивого повторения является разрушение тождества семантики слова, что напрямую соотносится с деструктивной установкой рок-дискурса в целом.

На уровне лексическом, как правило, обыгрывается многозначность слова посредством одновременной актуализации нескольких значений слова в узком контексте. Эту тенденцию отражает амфиболия, встречающаяся, например, в тексте песни «Не меняй меня» группы «Танцы-Минус»:

*Забрызгать стёкла асфальтом,
Размазать грязь по лицу*

*И раствориться в форматах,
Меня жизнь на мечту.*

В приведённом тексте видим двусмысленность, конструктивным принципом которой является нарушение тождества семантики слова (высказывания) посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово (высказывание) одновременно реализует два разных значения. Таким образом, нарушение логического закона тождества позволяет говорить о том, что перед нами синкретичный паралогический риторический приём.

Особым приёмом, работающим на лексическом уровне и способствующим интенсивному нагнетанию смыслов в пределах узкого контекста, является использование аллюзий. Зачастую аллюзии работают на фоне лексического повтора и приёма языковой игры, как например, в тексте песни «Квазимодо» группы «Танцы-Минус»:

*Квазимодо, Квазимодо,
Нелегка жизнь уroda.
И даже если это мода,
Ты все равно Квазимодо.*

Отсылка к персонажу известного произведения В. Гюго воскрешает в сознании слушателя ассоциативные образные ряды, что способствует созданию особенной атмосферы в пространстве рок-текста.

Анализ синтаксиса рок-дискурса позволяет говорить о частотности употребления приёмов, таких как амплификация, хиазм, полисиндетон, множественности эллиптических конструкций и, как следствие, о размытости формальной структуры текста и разрушении традиционных синтаксических форм. Наиболее частотен на синтаксическом уровне хиазм. В частности, обнаруживаем его в композиции «Два корабля» коллектива «Агата Кристи»:

*Корабли без капитана,
Капитан без корабля,
Надо заново придумать
Некий смысл бытия.*

Крестообразное изменение последовательности семантически значимых элементов высказывания привлекает внимание слушателя, придаёт дополнительную экспрессию тексту.

Широко представлена в текстах песен рок-коллективов фрактата. Так, например, она функционирует в тексте песни Александра Башлачёва «Пляши в огне»:

*Гадами ползут времена, где всяк себе голова.
Нынче – Страшный зуд. На, бери меня, голого!
Нынче – Скудный день. Горе горном, да смех в меха!
С пеньем на плетень, горлом красного петуха.*

Очевидно, в данном случае актуализируются прецедентные тексты «Страшный суд» и «Судный день», причём они включаются в новый текст без явной логической связи с ситуацией и контекстом, что позволяет считать фрактату синкретичным паралогическим риторическим приёмом.

Достаточно частотны в текстах песен рок-коллективов параонтологические риторические приёмы, основанные на отклонении от онтологической нормы как присущих человечеству в целом или какому-либо социуму представлений о бытии, его строении, законах и формах [Сковородников, 2003. С. 600]. Так, отклонения описанного характера обнаруживаем в тексте песни «Три цвета» группы «Сплин»:

*Первый снег был самым красным,
Самый первый снег был самым красным,
Я не знал, где кровь, а где вишнёвый сок.
Волхвы несут дары всем сразу,
И качается фонарь под глазом.*

В представленном отрывке изображение фактов (а именно: выпадения снега и наличия гематомы под глазом) носит характер намеренного искажения реальности, представления ситуации в фантастическом, фантазмагорическом виде.

Параонтологические риторические приёмы широко представлены в творчестве поэта и рок-музыканта Александра Башлачёва. Тесно переплетаясь с мотивами трансформации сознания и ухода от неприглядной, пугающей действительности, данные приёмы в творчестве поэта формируют особый тип реальности. Проиллюстрируем это на примере композиции «Час прилива»:

*Безнадёжно глупа затея плыть и выплыть первым.
А мы свои черепа открываем, как консервы.
На песке расползлись и червями, червями сплелись
Мысли, волосы и нервы.*

Отклонение от онтологической нормы в данном тексте разворачивается на фоне реализации физиологических и зоологических мотивов, объединённых мотивом автодеструкции и пространством инобытия. Таким образом, можно говорить о том, что параонтологические риторические приёмы, определённым образом структурируя реальность, формируют особый тип действительности в пространстве рок-текста.

Параэтологические риторические приёмы также достаточно частотны в текстах песен рок-коллективов; они являются результатом прагматически целесообразного отклонения от этических норм в широком смысле и речеповеденческой нормы – в частности.

Приём данного типа обнаруживаем в композиции «Пригородный блюз» группы «Зоопарк»:

*Какая-то мадам звонит мне третий раз,
От нее меня тошнит, тошнит уже не первый час,
Я говорю ей: "Ненавижу, не люблю и не хочу!"
Я говорю: "Меня здесь нет, я давно ушел к врачу"...*

Данный пример иллюстрирует отклонение от третьего из правил ведения речи, выделяемых Н.И. Формановской: «Говорящему не рекомендуется ставить в центр внимания собственное “я”» [Формановская, 1989. С. 19], а также нарушение постулата истинности сообщаемой информации. Стоит отметить,

что отклонение от лингвоэтологической нормы в данном примере задаётся интенцией персонажа и носит характер игры с собеседником.

Интересно также, что отклонение от лингвоэтологических норм, столь характерное для текстов песен рок-коллективов, как правило, не является прагматически целесообразным и носит характер речевой агрессии. Данное явление иллюстрирует текст песни «Как на войне» группы «Агата Кристи»:

Ляг, отдохни и послушай, что я скажу:

Я терпел, но сегодня я ухожу.

Я сказал: «Успокойся и рот закрой.

Вот и все, до свидания, черт с тобой».

Отклонение от лингвоэтологической нормы в данном отрывке очевидно, проявляется оно в нарушении первого из выделяемых Н.И. Формановской правил эффективной коммуникации, которое гласит, что «говорящему предписывается доброжелательное отношение к собеседнику» [Формановская, 1989. С. 18]. В ситуации, когда актант допускает в адрес собеседницы реплики типа «успокойся и рот закрой», «чёрт с тобой», говорить о владении им правилами речевого этикета не приходится.

Ещё один пример грубого нарушения постулатов успешной коммуникации находим в тексте песни «Блюз простого человека» группы «Аквариум»:

Вчера я шел домой – кругом была весна.

Его я встретил на углу и в нем не понял ни хрена.

Спросил он: "Быть или не быть?",

И я сказал: "Иди ты на...!"

Данный пример иллюстрирует одновременное нарушение почти всех выделяемых Н.И. Формановской постулатов речевого этикета, а именно: предписания говорящему проявлять уместную вежливость, проникаться эмпатией к собеседнику и ставить его в центр внимания, учитывать личность собеседника, степень осведомлённости в теме и заинтересованности в предмете речи, а также осуществлять отбор языковых средств, ориентируясь на избранную стилистическую тональность беседы и ситуацию общения в целом [Формановская, 1989. С. 18–22].

Последние примеры ярко иллюстрируют магистральную для текстов песен рок-коллективов установку на агрессию, ультимативную и бескомпромиссную форму подачи диктумной информации, утрату этического компонента коммуникации.

Таким образом, данное исследование, проведённое на стыке лингвистики, социологии и культурологии, позволило проанализировать сценарии отклоняющегося поведения, реализуемые в текстах песен современных рок-коллективов, в связи со сложившейся в обществе ситуацией аномии. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что отклонение от различного типа норм, реализованное в пространстве рок-дискурса, отражает ситуацию последовательной декристаллизации нормы в сфере социальной коммуникации и гуманитарного права. Рок-тексты лишь отражают тенденцию

всеобщей утраты нормы, долгие годы имеющую место в российской действительности и стремительно нарастающую в последние годы.

В настоящее время ситуация аномии в сфере социальных отношений и этического знания усугубляется кризисом западной цивилизации, в рамках подражания которой строится внутренняя политика государства последних лет; а это, в свою очередь, является катализатором реализации ряда негативных социальных сценариев, которые находят отражение в том числе и в рок-дискурсе.

В контексте реальной ситуации аномии, политической нестабильности, тотальной неудовлетворённости общества процессами, происходящими в стране, окраску истинно пророческих приобретают как тексты песен рок-музыкантов, пронизанные мотивами агрессии, тоски, отчаяния, ухода от реальности, так и слова М. Веллера о том, что «мнение о сегодняшнем величии России – это память о вчерашнем дне и надежда на день завтрашний. Вчерашний день прошёл. Завтрашнего может не быть» [Веллер, 2012. С. 96].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веллер М. Россия как страна третьего мира // Отцы наши милостивцы. М., 2012. С. 86–97.
2. Ковалёва А.И. Аномия // Знание. Понимание. Умение. Вып. № 4. М., 2005. С.155–156.
3. Крысин Л.П. Аномия // Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. С. 71.
4. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Риторический прием // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003. С. 598–602.
5. Солодова М.А. Текст и метатекст молодёжной субкультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 21 с.
6. Формановская Н.И. Правила ведения речи // Речевой этикет и культура общения. М., 1989. С. 18–24.

Ю.В. Бобрикова⁵

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖЕНЩИНА»: АНТОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ)

The article focuses on the different types of antonyms representing the ideographic. The describing of linguistic estimations of woman's characteristics and qualities emotional, moral and ethical and aesthetical ideas about her in the folk speech interests in the plan of studying specific character of the world's national vision. The semantic-stylistic analysis of the words helps to make the integral image of the

⁵ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Л.М. Городилова

woman in the dialect picture of the world.

Key words: *antonyms, dialect picture of the world, emotionally appraisal vocabulary.*

Ключевые слова: *антонимы, диалектная картина мира, эмоционально-оценочная лексика.*

В современной лингвистике при изучении языковых явлений доминирует принцип антропоцентризма. При изучении человека в языке большую роль играют индивидуальные характеристики языковой личности, к важнейшим из которых относится пол. Пол определяет социальную, культурную и когнитивную ориентацию человека в мире [Дзасежева, 2006. С. 4]. В связи с этим представляется интересным изучение лексем, называющих женщину в народных говорах.

Словарный состав народных говоров представляется наиболее важным материалом исследования для максимально полного отражения диалектной картины мира, что является актуальным для современной лингвистической науки в целом. Как известно, в настоящее время под влиянием повсеместно распространенного литературного языка диалекты нивелируются, с каждым годом носителей определенных говоров становится все меньше, а диалектология как лингвистическая дисциплина все более уходит в область истории языка.

Русские говоры Приамурья представляют собой интереснейший объект лингвистического изучения, поскольку это говоры переходного типа, сформировавшиеся в условиях межъязыкового и междиалектного контактирования. Начав формироваться в середине XIX в. в связи с активным переселением на Дальний Восток забайкальских казаков, русские говоры Приамурья отразили взаимодействие разных славянских культур: русской, украинской и белорусской [Оглезнева, 2003. С. 107–110]. Кроме того, русское население Юго-Восточного Забайкалья подверглось метисации – смешению с коренным населением (бурятами и тунгусами). Таким образом, «...на новой территории, в Приамурье, образовался своеобразный сплав забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты». [СРГП, 2007. С. 4].

Идеографическое поле «женщина», построенное на материале русских говоров Приамурья, – это тематическое объединение класса слов и фразеологических единиц, называющих в изучаемых говорах концептуальное понятие – ядро изучаемого поля. В центре идеографического поля объединяются существующие в русских говорах Приамурья микрополя – лексико-семантические группы (далее – ЛСГ), характеризующие тематическое ядро «женщина» по разным основаниям: внешний вид, физиология, характер и поведение, возраст, социальный статус, этнографическая соотнесенность, наименования по степени родства и др. Внутри ЛСГ формируются парадигматические (гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические), эпидигматические и варианты отношения.

Цель данной работы: описание антонимических отношений в исследуемом идеографическом поле.

Антонимия как сложный семантический процесс отражает противоположность, то есть существенное с точки зрения человеческой практики различие в предметах и явлениях действительности. Эта противоположность осознается в результате оценки этих предметов и явлений относительно определенной нормы или точки отсчета [Русский язык. Энциклопедия, 1997. С. 28].

Антонимия – один из важнейших типов парадигматических отношений, отображающих системные связи в идеографическом поле, поскольку антонимические слова и выражения являются основным средством создания контраста при описании жизненных реалий.

Как известно, антонимы существуют далеко не у всех слов, поэтому и в русских говорах Приамурья не во всех ЛСГ представлены антонимические пары наименований женщины. Самой продуктивной в отношении формирования антонимических парадигм является ЛСГ «Черты характера и поведения», где отражена оценка женщины носителями говоров по таким традиционно важным качествам характера и поведения человека, как аккуратность, трудолюбие, активность, жизнерадостность. Причем один из членов антонимической пары осознается носителями говора как норма, а другой – как крайнее отступление от нормы.

Рассмотрим антонимическую пару *обиходница* (о женщине аккуратной, любящей наводить чистоту) [СРГП, 2007. С. 284] – *необиходница* (неряшливая женщина) [СРГП, 2007. С. 277]. Общий семантический компонент данных антонимов – отношение к аккуратности; они выражают комплементарную (неградуальную) противоположность, когда один член парадигмы обозначает наличие рассматриваемого качества, а второй указывает на его отсутствие. По структуре эти антонимы однокорневые (лексико-грамматические), так как при общности корня противоположность значения у них выражается наличием в одном из членов пары отрицательной приставки *не-*.

Наименование аккуратной женщины *обиходница* и его дублеты⁶ *чистоплотка*, *чистотка*, *чистулька*, *чистушка* вступает также в антонимические отношения со словами *анчутка* (в 1-ом значении) [СРГП, 2007. С. 21], *охлепёста* (*расхлепёста*) [СКНД, 2003. С.130, 153]; *понява* [СКНД, 2003. С. 141]; *маланга* (во 2-ом значении) [СРГП, 2007. С. 241], *неряшиха* (*неряшка*) [СРГП, 2007. С. 278], *шумануха* [СРГП, 2007. С. 515], *утумалка* (*утуманка*) (во 2-ом значении) [ТДЭ № 342, 2007], *замурдышка* [ЭКРЯ]. У этих лексем одинаковое лексическое значение («неряха, растрёпа, грязнуля, неряшливая женщина»), и в лексикографических источниках они имеют стилистическую помету «неодобрительное». Рассматриваемые антонимы являются собственно лексическими, разнокорневыми по структуре и выражают комплементарную противоположность. В данном случае наблюдаются антонимические отношения, позволяющие выразить противопоставление

⁶ Дублетно-синонимические отношения в рассматриваемом идеографическом поле описаны нами в следующей работе: Бобрикова Ю.В. Лексико-семантическая группа «Внешний вид женщины»: синонимический аспект // Сборник статей аспирантов и студентов ДВГУ / Под ред. Л.В. Блинова. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2012.

понятий в незакрытом, многокомпонентном ряду, когда одному и тому же антониму (в одном и том же значении) противопоставляются несколько слов – вариантов, формально выраженных по-разному.

Открытый антонимический ряд составляют наименования социального статуса женщины по отношению к партнёру-мужчине. Слова, называющие законную и незаконную жену: *мужняя, дружина, баба (замужняя женщина, жена) – милка, мила, милашка* [СКНД, 2003. С. 108], *сухарница* [СРГП, 2007. С. 443] (во 2-ом значении), *пристяжка* [СРГП, 2007. С. 360] (*любовница, незаконная жена*), выражают комплементарные (неградуальные) антонимические отношения, являются собственно лексическими разнокорневыми по структуре антонимами.

Представляет интерес, на наш взгляд, коррелятивная пара, выражающая комплементарную противоположность по отношению к оценке женской судьбы в целом: *счастливица* [АС, 2010. С. 252] (счастливая девушка, женщина) – *бессчастливица* [СРГП, 2007. С. 38] (несчастливая женщина). Это однокорневые по структуре лексико-грамматические антонимы, в которых значение противоположности выражает приставка *бес-*.

Контрарная противоположность наблюдается и в антонимической паре *большуха* (в 1-ом значении старшая дочь или сестра) – *малуха* (младшая дочь или сестра) [СРГП, 2007. С. 43], входящей в ЛСГ «Наименования женщины по степени родства». Корреляты этой пары, являющиеся собственно лексическими антонимами, разнокорневыми по структуре, указывают на крайние симметричные точки упорядоченного множества, между которыми может существовать средний промежуточный член (*младшая – средняя – старшая*).

При описании антонимических отношений в идеографическом поле «женщина» в русских говорах Приамурья нам встретились пары слов, которые, по мнению ряда исследователей (Л.А. Новиков, Ю.Д. Апресян), не являются истинными (точными) антонимами. Их следует считать **квазиантонимами**. Квазиантонимы – это приблизительные, не совсем точные по своему компонентному составу и толкованию слова, которые отличаются не только одним смысловым компонентом, но и другими компонентами лексического значения [Новиков, 1982. С. 255]. Так, например, квазиантонимами являются наименования женщины в зависимости от ее отношения к труду. Дублетам, называющим ленивую женщину, – *легостойка* [СКНД, 2003. С. 100], *плёшница* [СРГП, 2007. С. 328], *лодырка* [СРГП, 2007. С. 234], противостоит наименование *статная работница* (работящая женщина, мастерица на все руки) [СРГП, 2007. С. 234]. Рассматриваемая противоположность характеризуется различием в значениях на смысловой компонент «не»: «ленивая – неленивая». Однако помимо общего с противопоставляемыми членами парадигмы семантического компонента «отношение к труду», наименование *статная работница* имеет дополнительное значение: «*мастерица на все руки*», то есть не только **не** ленивая, но и умелая.

Квазиантонимами представлено отношение к полноте/худобе женщины в ЛСГ «Внешний вид», где выделяются следующие корреляты: *быдла* (высокая

худая девушка) [СРГП, 2007. Электронная версия. С. 49⁷] – *ладвина* (слишком полная женщина) [СРГП, 2007. С. 226]. В значениях данного типа присутствует интуитивно осязаемый смысловой компонент «норма»: при характеристике лица со стороны полноты или худобы носители языка мысленно сравнивают его с некой «нормальной» величиной. Эти корреляты различаются смысловым компонентом «больше нормы» – «меньше нормы» и могут иметь промежуточный компонент: «толстая – нормальная (средняя) – худая». Однако в данном случае нельзя в полной мере говорить о контрастной противоположности, поскольку помимо общего семантического компонента «вес», каждый коррелят имеет свои, отличные от противоположного, элементы лексического значения. Во-первых, возраст: «девушка – женщина»; во вторых, отношение к росту: слово *быдла* содержит элемент значения «высокая».

Наименования женщины в зависимости от отношения к ней мужчины также представлены квазиантонимами: *сухарница* (в 1-м значении), *симпатёрочка* (девушка, с которой встречается и которую любит парень) [СРГП, 2007. С. 409] и *брошенка* (женщина, от которой ушел муж, то есть разлюбил её) [АС, 2010. С. 31], *разженуха* (женщина, разведенная с мужем) [СРГП, 2007. С. 374], *вековуха* (старая дева, то есть никем не любимая) [ЭКРЯ]. Общий семантический компонент в рассматриваемых словах – «любовь мужчины к женщине». Однако в первых двух наименованиях речь идет о девушке до свадьбы, третье и четвертое наименования – для женщины, побывавшей замужем и утратившей любовь мужа, в последнем случае представлена женщина, никогда не бывшая замужем, однако когда-то она могла быть и *симпатёрочкой*, и/или *сухарницей* (как в 1-м, так и во 2-м значении). Таким образом, несмотря на некоторую общую семантическую часть, в других компонентах значений данных слов наблюдаются существенные различия. Поэтому перечисленные наименования не могут считаться истинными антонимами.

Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении слов *веселуха* (жизнерадостная, веселая девушка, женщина) [СРГП, 2007. С. 63]; *игруха* (веселая девушка) [СРГП, 2007. С. 171] – *стыруча* (сварливая, вздорная, склочница) [СКНД, 2003. С. 166]; *вредница* (вредная женщина; о недоброжелательном, злом характере) [СРГП, 2007. С. 78]. Общий семантический компонент в данных наименованиях – «оценка характера женщины с точки зрения «легкости» его восприятия окружающими». Различаются данные наименования по следующим семантическим компонентам: 1) «возраст» – в первых двух случаях речь идет скорее о девушке, нежели о взрослой женщине; 2) «степень интенсивности проявления признака» – третье и четвертое наименования между собой являются семантическими синонимами, так как *вредница* – это не просто сварливая, склочная женщина, но и злая.

⁷ В работе используются изданный СРГП и его электронная версия (рабочие материалы), которые содержательно различаются.

Таким образом, корреляты *веселуха, игруха – стыруча, вредница* являются квазиантонимами.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в описываемом идеографическом поле наблюдаются разные виды антонимов:

I. По структуре: **однокорневые/разнокорневые** (*обиходница – необходимница; счастливка – несчастница*). В данных парах противоположное значение создается словообразовательными средствами.

II. По характеру противопоставления своих значений:

1) **комплементарные антонимы**, один из которых обозначает наличие признака, а второй его отсутствие: 1. *Обиходница, чистоплотка, чистотка, чистулька, чистушка – анчутка, охлепёста (расхлепёста), понява, маланга* (во 2-ом значении), *неряшиха (неряшка), шумануха, утумалка (утуманка)* (во 2-ом значении), *замурдышка*; 2. *Мужняя, дружина, баба – милка, мила, милашка, сахарница* (во 2-ом значении), *пристяжка*. Данные антонимы можно истолковывать, обнаруживая различие в значениях на смысловой компонент «не»: «аккуратная – неаккуратная», «законная – незаконная»;

2) **контрарные антонимы**, один из которых обозначает большую величину признака, а другой – меньшую его величину (*большуха – малуха*).

III. По степени точности противопоставления: **истинные антонимы** (точная противоположность) и **квазиантонимы** (приблизительная противоположность). Так, квазиантонимами являются следующие корреляты:

1) *легостойка, плёшница, лодырка – статная работница*;

2) *быдла – ладвина*;

3) *сахарница* (в 1-м значении), *симпатёрочка – брошенка, разжениха, вековуха*;

4) *веселуха, игруха – стыруча, вредница*.

Большинство антонимов по формальным средствам выражения семантической противопоставленности разнокорневые (87 %), однокорневых значительно меньше (13 %).

Более широко представлены комплементарные антонимы (80 %); контрарные антонимы представлены лишь одной коррелятивной парой, что составляет 20 % от общего числа собственно антонимов.

Хорошо представлены квазиантонимы: из девяти случаев противопоставленности лексических единиц на квазиантонимы приходится четыре. Этот факт свидетельствует о ёмкости лексических значений противопоставленных языковых единиц.

В работе приняты следующие сокращения:

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья;

СКНД – Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского;

ТДЭ – Тетрадь диалектологической экспедиции студентов и преподавателей кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета;

АС – Албазинский словарь (Галуза О.Ю.);

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галуза О.Ю. Албазинский словарь. Благовещенск, 2010. 296 с.
2. Дзасежева Л.Х. Лексико-семантическое поле «женщина» в разных культурных сообществах (на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков). Дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 177 с.
3. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
4. Оглезнева Е.А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Материалы Региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней», посвященной 360-летию похода В.Д. Пояркова и 150-летию первого Муравьевского сплава по Амуру (люди, события, факты) 23–24 октября 2003 г. Благовещенск, 2003. 398 с.
5. Русский язык. Энциклопедия. / Главный редактор Ю.Н. Караулов. М., 1997. 704 с.
6. Словарная картотека Г.С. Новикова-Даурского / Подготовили к печати: Л.В. Кирпикова, В.В. Пирко, И.А. Стринадко; Вступит. ст. и ред. Л.В. Кирпикова. Благовещенск, 2003. 199 с.
7. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Благовещенск, 2007. 544 с.
8. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Благовещенск, 2007. 528 с. [Электронная версия].

И.В. Грекова⁸

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА СВЯТОСТИ В ТЕКСТЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТОГО

This article considers the concept of holiness and its linguistic realization in the hagiography text. It shows the dependence of various means of the conceptual component of the missionary's image on the genre.

The article describes diverse linguistic means which in addition to and interacting with each other form a unity and organize the concept of holiness. The emphasis is given to the antinomic nature of the concept.

Key words: *text, a biography, the concept of holiness.*

Ключевые слова: *текст, жизнеописание, концепт святости.*

⁸ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М.Г. Шкуропацкая

В настоящее время в лингвистике наметился интерес к таким видам дискурса, которые раньше не были предметом ее активного изучения. В данном случае речь идет о религиозном дискурсе. Ученых в первую очередь интересуют те тексты с религиозным содержанием, которые становятся достоянием широкого круга читателей и слушателей и к которым проявляется интерес со стороны различных групп российского населения.

Среди этих текстов значительное место занимает житийная литература, в т. ч. тексты, описывающие жизнь подвижников, которые были причислены церковью к лику святых в XX – начале XXI вв. Эти произведения стали относить к жанру жизнеописания, которое своей основой восходит к древнерусскому житию.

Тексты с религиозным содержанием изучаются с разных точек зрения. Одним из важных направлений является описание концептуальной сферы религиозного сознания и ее языковая репрезентация в текстах.

Целью данной статьи является рассмотрение репрезентации в тексте современного жизнеописания концепта святости. В качестве примера мы взяли «Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева), первоапостола Алтая» [Жизнеописание..., 2009].

Для нас большое значение будет иметь такой важный признак текста, как его коммуникативная направленность. При рассмотрении текста жизнеописания с точки зрения его коммуникативности мы в первую очередь опираемся на понятие концептуальной структуры текста, которая находит в нем словесное воплощение.

Трактовке термина «концепт» посвящено большое количество работ [Кубрякова, 1996; Карасик, Стернин, 2007], но единого мнения по этому вопросу еще не сформировано. Под концептом, вслед за С.Г. Воркачевым, мы будем понимать единицу коллективного знания/сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), имеющую языковое выражение и являющуюся одной из единиц мышления [Воркачев, 2005]. Следовательно, концептуальное содержание сознания и текста эксплицируется именно через язык.

Заметим, что концепт может и не иметь обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован средствами языка.

В тексте жизнеописания концепт святости выражается при помощи номинативных полей, объединяющихся в следующие тематические блоки: а) благо, добро, смирение, кротость, самоотверженность, вера, учительство; б) благовоспитанный, благочестивый, сердечный, ласковый и т. д. Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа [Карасик, Стернин, 2007].

Следует отметить, что концептуальные составляющие образа, передающие как портретное, так и внутреннее состояние святого, принимают в тексте различные формы, имеют разное категориальное значение. Если автор

говорит о таком важном качестве святого человека как «смирение», то здесь наглядно проявляется некое постоянное качество, без которого человека к лику святых причислить невозможно. Другое дело, когда автор употребляет глагол «смирился». В этом случае уже проявляется процессуальность, делается акцент на том, что человек привел себя в это качество усилием воли, показывается его духовная борьба не только с окружающим миром, но и с самим собой.

В жанре жизнеописания, как и в жанре жития, концепт святости воплощается, в первую очередь, в образе человека и является, с нашей точки зрения, текстообразующим. От его воплощения зависит композиционное построение текста, его идейно-семантическое содержание, а также построение самого образа святого с помощью языковых единиц, выражающих духовное содержание как главнейшее свойство человека в жизнеописании [Болотнова, 2001].

М.Н. Казеннова в концепт святости включает следующие компоненты: вера в Бога, любовь к ближнему; постоянная молитва и пост; смирение, кротость и терпение; постоянное наблюдение за своими помыслами и действиями; послушание; отсутствие всякого излишества и т. д. [Казеннова, 2007]. Перечисленные выше добродетели рождают особое отношение к смерти как началу новой жизни. Свидетельством обретения святости также является указание на различные чудесные дарования, которые обретает подвижник как награду за неустанный духовный труд. На наш взгляд, целесообразным будет добавить в этот список ряд положений, касающихся жизни именно святителя-миссионера. Это активная деятельность обучения грамоте и церковному писанию непросвещенных народов, перевод на их языки богослужебных книг, строительство храмов, постоянная борьба с природными стихиями и др. [Грекова, 2011].

Концепт святости является константой, обуславливающей появление так называемого житийного канона, предполагающего единообразное построение всех агиографических текстов. А значит, при описании языковых средств, которыми эксплицируется содержание концепта святости в структуре текста жизнеописания, мы можем говорить не только о новых языковых элементах, выбор которых, по нашему предположению, диктует сам текст, но и о сохранении жанрового единства различных вариантов житийных текстов.

Безусловно, время написания и сфера бытования жизнеописания, оказывает решающее воздействие на то, как концепт организует не только структуру произведения, но и языковые единицы, посредством которых выражается. Прежде всего, это проявляется в употреблении синонимических лексических единиц. Конечно, агиограф ориентируется на церковное представление о святости, утвержденное в традиции. Он не может изменить эти общецерковные понятия. Но конкретная историческая обстановка, окружающая святого, на наш взгляд, во многом оказывает влияние на формирование и восприятие текста жизнеописания. В частности, рассматриваемое нами «Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева), первоапостола Алтая» несет на себе отпечаток своего времени.

Концепт святости как когнитивная единица имеет свои формы выражения в тексте жизнеописания. Прежде всего, он имеет антиномийный характер, который проявляется с самого начала жизнеописания Макария Глухарева. Автор вводит противопоставление сразу, разграничивая мир святого и мир простого человека: доброта и праведность противопоставляются злости и греховности. Это два противоположных содержательных плана. Ведь, «святой» – это идеальный, проникнутый высокими чувствами человек, обладающий божественной благодатью, посвятивший свою жизнь церкви и религии, а после смерти признанный образцом праведной жизни и носителем чудотворной силы [Ожегов, 1995. С. 695]. А грешный – это человек, нарушающий религиозные предписания и правила, совершающий грех – т. е. нечто вредное, дурное, противоположное добру и святости в принципе [Ожегов, 1995. С. 141]. Следует обратить внимание на тот факт, что большая часть слов, составляющих идеальный образ человека в агиографической литературе, в современной языковой картине мира частично или полностью утрачивает отпечаток сакральности и переходит в обиходное употребление (мудрый, хитрый, блаженный, святой) [Завальников, 2004].

Итак, картина мира, эксплицируемая в жанре жизнеописания, формируется при помощи определенных контрастных характеристик. Религиозный художественный мир жизнеописания представлен в виде строгих ментальных и этических оппозиций: земное – небесное; истинное – ложное; обыденное – сакральное; любовь к Богу – страх перед Богом и т. д. Подобные антиномии являются, на наш взгляд, своеобразным каркасом, на котором строится содержательный план произведения. Мы постигаем сущность концепта не только через набор конкретных лексических единиц, но и через очевидное противопоставление таких признаков, вводимых в произведение, как святость, послушание, детскость, духовное начало – с одной стороны, и гордыня, грех, зависть, непросвещенность – с другой.

Автор не просто вводит в текст данные антиномии, но наделяет их специфическими признаками, которые передают мировосприятие коренного населения. Ведь именно из жизнеописания мы узнаем, что в основе религиозных взглядов алтайцев-язычников прослеживается дуализм, то есть присутствие двух начал: светлого (Ульгень) и темного (Эрлик). Следовательно, перед миссионером стоит непростая задача: открыть и передать народу понятие о всемогуществе Бога – Христа, то есть пробудить в их душе именно святое начало, благодаря чему человек сможет ощутить чувство свободы и открыть свое сердце божественному, праведному и вечному.

Антиномии в тексте жизнеописания могут проявляться и косвенно, что видим в следующем примере: «И его спокойный и ясный голос *точно обухом* ударил подлетевших на конях инородцев» [Жизнеописание..., 2009. С. 18]. В этом предложении словно три части, которые может выделить читатель, оперируя своим когнитивным опытом, полученным в результате прочтения данного текста: 1) спокойный и ясный голос Макария Глухарева; 2) дерзкие и грубые инородцы; 3) «точно обухом» – ключевое, на наш взгляд, сочетание

слов к пониманию данного противопоставления. В нашем сознании отчетливо выстраивается логическая цепочка: человек, причисленный к лику святых, наделен особой Божьей благодатью, особыми качествами, с которыми даже темное человеческое начало бороться не в состоянии. Это два разных полюса, и либо человек принимает учение миссионера, меняет себя, либо остается непросвещенным всю жизнь. То есть через восприятие всех средств выражения концепта формируется не только представление о святости, но и приходит осознание таких важнейших его компонентов, как кротость, любовь, терпение, доверчивость, бескорыстие, учительство, гуманность и т. д.

Важным моментом, на наш взгляд, является то, что антиномии могут выражаться в тексте и в форме диалога [Жизнеописание..., 2009. С. 24]:

«– Зачем идешь опять? – забыв долг гостеприимства, сказал он (Борис) с ненавистью. – *Мне противно глядеть на тебя, и речи твои мне постыли.*

– *А я тебя люблю,* – сказал с *кротостью* отец Макарий и сел, по обычаю, на крылечко, со своими *кроткими* словами о праведном Боге».

Весь смысл, все учение Божие заключил автор в речь Макария. Через нее он словно передает основную Заповедь Христа о любви к своему врагу.

Таким образом, антиномии, выражающие концепт святости, прежде всего репрезентируются через систему отношений элементов понятийной сферы, которые связаны между собой не только прямым, но и косвенным образом в рамках текста жизнеописания. Они помогают более точно понять смысл такого явления, как «святость». К тому же читателю иногда легче понять сущность концепта именно косвенно, в результате образного его восприятия.

Важной особенностью текста жизнеописания, отличающей его от жития, является то, что главным действующим лицом (наряду с миссионером) становится автор, который раньше не был непосредственным участником происходящего, а просто составлял житие и передавал его людям. Вышеприведенный диалог как раз и описан через восприятие автора.

«Миссионерская жизнь – это дорога, бесконечные переезды, порой по местам необычно диким и непроходимым, в любую погоду, невзирая ни на что», – говорит автор [Жизнеописание..., 2009. С. 28]. А в качестве подтверждения достоверности своих слов приводит свидетельства протоиерея о. Стефана Ландышева, преемника святого Макария по Миссии. В этих свидетельствах представлено поведение Макария Глухарева в борьбе с природными стихиями: «А молнии, все продолжавшие сверкать ослепительными змеями, освещали речную пучину; на лицах моих спутников было тоже выражение страха и нерешимости, и только этот маленький сильный духом человек дернул поводья своей дрожащей лошади, и та покорно скользнула с берега в воду... Я помню эту минуту и теперь, ясно помню... он, слабый и не молодой, показал пример нам, молодым и сильным; его лицо, освещенное молниями, было кротко и покойно» [Жизнеописание..., 2009. С. 30]. Данный отрывок текста являет собой ёмкую антиномию, обрамляющую словесный каркас формирования в сознании читателя концепта «святость». Макарий Глухарев, «слабый и не молодой», с кротким и спокойным лицом, в то

время как его спутники достаточно молоды и сильны, но с выражением страха и нерешимости на лице.

Также рассматриваемый нами концепт находит свое выражение в монологах, представленных проповедями святого, в диалогах миссионера с самим собой. Даже несмотря на то, что монолог – это одностороннее явление, автору через использование подобной формы удастся наглядно донести до читателя главную мысль.

Таким образом, в тексте жизнеописания концепт святости реализуется как прямо, так и косвенно. То есть в тексте есть слова с прямым значением, которые непосредственно указывают на проявление святости – как правило, понятные читателю даже изолированно от контекста. Косвенное же восприятие требует от человека большего внимания и сосредоточенности, так как косвенное выражение концепта святости возможно понять только в системе, а не отдельно взятыми фразами и словами. О косвенном представлении концепта мы уже говорили ранее, но не следует упускать из виду специфическую и устаревшую лексику, окружающую образ святости в тексте жизнеописания в целом: *склеп, рясы, аскет, келья, просфора, раскольник, семинария, кончина* и т. д. И не столь важно, что речь идет о современных святых: нельзя писать другим языком, он предопределен историей. Хотя новые элементы и вносятся, но в целом тенденция к сохранению стиля и канона не разрушается.

Прямое же воплощение святости представлено конкретными лексемами через описание внешности и духовного мира Макария Глухарева: «В семинарии инспектор Глухарев с его *бескорыстием, гуманностью, честностью* выгодно выделялся на общем фоне своих сослуживцев. Мягкий по природе, он чуждался всякой грубости и в свои отношения к воспитанникам ввел тон самый *дружелюбный, самый сердечный, ласковый, обнадеживающий*» [Жизнеописание..., 2009. С. 7]. Отметим, что духовный облик святого выражается в тексте жизнеописания не только при помощи лексических и синтаксических средств, но и единицами морфологического уровня, в первую очередь благодаря словам разной частеречной принадлежности: «Такая доброта и смирение архимандрита имели благодетельное влияние на народ» [Жизнеописание..., 2009. С. 28], «Он заметно выделялся и скромностью и вместе отсутствием всякого подобострастия... и простотой, и безыскусностью обращения во время служения, и особенно кротким и приятным выражением в чертах лица. В глазах его светилось искреннее, благоговейное настроение души» [Жизнеописание..., 2009. С. 54].

Именно при описании внутреннего состояния миссионера наблюдается скопление лексем, выражающих качественную его характеристику. Как правило, это сосредоточение в одном простом предложении однородных определений, последовательно идущих друг за другом. Это свидетельствует о том, что концепт святости, являясь текстовой доминантой, включается в произведение и получает свое распространение в разнообразных лексических единицах. В тех же местах, где говорится о том, сколько трудов и ответственности возлагается на плечи миссионера, наблюдается

сосредоточение существительных, выполняющих глагольную функцию: «Миссионерам приходилось заниматься всем: обучением вере и навыкам земледелия, преподаванием грамоты детям и взрослым, поставками сельскохозяйственного инвентаря, продовольствия и одежды, лечением и даже принятием родов» [Жизнеописание..., 2009. С. 52]. Отметим, что обилие повторов союза «и» создает особое стилистическое восприятие фрагмента. Это усиливает восприятие слов в тексте, придает особую семантическую экспрессию и динамичность. Как справедливо заметил В.П. Завальников, это своеобразные «интенсификаторы», репрезентирующие значение неустанной работы святого не только над самим собой, но и усиливающие активную миссионерскую деятельность [Завальников, 2004].

Заканчивая произведение, составитель не забывает отдать дань традиции. В заключительной части текста прописаны точные даты кончины преподобного, дни его памяти с последующим акафистом. Это происходит по причине того, что перед нами – церковная литература, которая сама диктует правила своего написания; ведь в текстах подобного рода раскрывается сущность не обычного человека, а именно святого. Следовательно, мы видим зависимость лексических элементов, их связей и отношений от коммуникативного намерения автора и общей целевой программы текста. С помощью такого понятия, как «святость», в жизнеописании отражается концептуальная картина мира, которая является результатом всей духовной активности человека.

Лексический, семантический, смысловой уровень текста находится в отношениях взаимного подчинения: лексическая структура текста определяет его семантическую структуру, а семантическая – смысловую структуру текста. Читатель постигает смысл текста и образа в первую очередь через различные связи лексических единиц, поэтому они имеют первостепенное значение для коммуникативной стороны текста; в частности, плана интерпретации. Лексическая структура текста – это основа к пониманию текста, это форма репрезентации семантического и смыслового уровня жизнеописания [Болотнова, 2001]. Вся эта сложная система гармонизируется на морфологическом и синтаксическом уровнях текста.

Несмотря на то, что жанр жития с течением времени подвергся изменениям, произведения, призванные выражать, нести единственную Божественную Истину, составляют некое единое смысловое пространство. И такое проникновение в смысловое содержание позволяет читателю понять мотивы, побуждающие автора писать так, а не иначе; понять все, что подразумевает писатель: внутреннюю логику его текстового сообщения. Этот уровень понимания включает и оценку языковых средств выражения мысли, использованных автором (которые, в свою очередь, опираются не только на сюжет, но и грамматический контекст). Это и структура предложения, и порядок слов, и предпочтение в употреблении той или иной формы времени, и использование определенных лексем или лексем в определенной последовательности, и отличительные эпитеты — все то, что В.В. Виноградов называл «словесными рядами» [Виноградов, 1978. С.186]. Это элементы стиля на всех

языковых уровнях, которые находятся в отношении взаимодействия и взаимообусловленности: синтаксическом, лексическом, грамматическом, словообразовательном, звуковом, ритмическом.

Таким образом, текст жизнеописания является системой, состоящей из избирательно вовлеченных элементов, которые различными способами и на разных уровнях текста репрезентируют концепт святости, вступают в тексте в отношения взаимодействия и позволяют читателю сфокусироваться на его основной теме: святость преподобного-миссионера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. 331 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. Том 4. М., 1978. 319 с.
3. Воркачев С.Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография. Волгоград, 2005. 214 с.
4. Грекова И.В. Жанр жития и жизнеописания святого: проблема тождества и различия // Наука и образование: проблемы и перспективы: материалы 13-й Региональной научно-практической конференции аспирантов, студентов и учащихся. В 2-х частях. Часть 2. Бийск, 2011. С. 16–19
5. Жизнеописание преподобного Макария (Глухарева), первоапостола Алтая с акафистом. Бийск, 2009. 75 с.
6. Завальников В.П. Языковой образ святого в древнерусской агиографии (проблематика взаимной обусловленности лингвистического и экстралингвистического содержания языкового образа человека в определенной социокультурной ситуации): Дис. на соискание ученой степени канд.филол.наук. Омск, 2003. 162 с.
7. Казеннова М.Н. Некоторые особенности бытования житийной литературы: вопрос эволюции жанра // Церковь и проблемы современной коммуникации: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Нижегородская Духовная семинария, 5–7 февраля 2007. Нижний Новгород, 2007. С. 93–10
8. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. М., 2007. 512 с.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995. 928 с.

Е.С. Гришцева⁹

ЭЛОКУТИВНАЯ СИСТЕМНОСТЬ ТРОПЕЙЧЕСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ

In this article the author examines structural-semantic and functional specificity of tropeic lexical and lexical-graphic occasionalism, that is occasionalism-tropes and occasionalismes composed of tropes. the author postulates that elocutive system of occasionalism is realized in occasionalism-tropes and occasionalism-figures, shows that the structure and functions of occasional tropes in whole are like to peculiarities of the usual. language material shows that graphic occasionalism is presented often such tropes as graphic metaphor and graphic simile. the article is done on the material of speech units of art and journalistic discourse, of language of the advertising.

Key words: *lexical occasionalism, graphical occasionalism, tropeical occasionalism, occasional metaphor, occasional metonymy, occasional epithet, occasional simile, occasional periphrasis, graphical metaphor, graphical simile.*

Ключевые слова: *лексический окказионализм, графический окказионализм, тропейческая окказиональность, окказиональная метафора, окказиональная метонимия, окказиональный эпитет, окказиональное сравнение, окказиональный перифраз, графическая метафора, графическое сравнение.*

Окказиональность (шире – неологизация, т. е. процесс появления новых явлений языка/речи) активно изучается в нескольких аспектах: словообразовательном, лексикологическом, лексикографическом, стилистическом, когнитивном, психолингвистическом, культурологическом и других.

В настоящее время многими лингвистами признается изоморфный характер окказиональности: предпринимаются попытки исследования окказиональности фонетической, грамматической, графической, однако под пристальным вниманием до сих пор остается окказиональность лексическая как наиболее яркое средство речевого воздействия. В последнее время активизируется интерес лингвистов к так называемым «визуальным», или графическим, окказионализмам. Как средство формирования прагматики языка СМИ, в том числе рекламы, графические новации рассматриваются в работах Д.В. Гугунавы, Е.А. Земской, В.П. Изотова, С.В. Ильясовой, Б.В. Кривенко, Т.В. Поповой, Т.И. Суриковой, А.Р. Сухорукова и др.; в качестве приметы идиостиля того или иного автора названное средство изучается Н.А. Николиной, Н.Г. Бабенко, О.Г. Артемовой и др.

Задача данной публикации – рассмотреть с точки зрения элокутивной системности особенности фигуральной (тропейческой) лексической и графической окказиональности в художественном и публицистическом дискурсе. Представляется целесообразным аспект, изучающий окказиональность с точки зрения элокутивной организации (как средства

⁹ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т.Г. Боргоякова

формирования тропов и стилистических фигур), называть **элокутивным**. В данном материале особенности окказиональных тропов рассмотрены на примере собственно лексических (лексико-словообразовательных) и графических окказионализмов, хотя семантические окказионализмы (единицы, возникающие в результате процессов семантизации) также могут носить тропеический характер.

Источником языкового материала послужили лексические и графические окказионализмы, полученные методом сплошной выборки из художественных произведений писателей и поэтов XX – н. XXI веков, из контента российских и региональных СМИ (газетно-публицистических текстов и телевизионных программ различной жанровой специфики, рекламных текстов), а также единицы номинации различных городских объектов.

Тропеическую окказиональность можно определить как способность окказионализмов, в большей степени лексических, формировать тропы как лексемы или обороты речи, содержащие перенос наименования с одного предмета на другой с целью создания изобразительно-выразительного высказывания. Такие окказионализмы в силу своей специфики являются более образными, привлекающими и удерживающими внимание адресата, а, значит, и прагматически яркими по сравнению с нефигуральными единицами.

Лексическая окказиональность традиционно реализуется на уровне слова в лексико-словообразовательном (собственно лексическом) и семантическом типах. Графическую окказиональность интерпретируем широко: *графические* инновации – это любые отступления от графической, орфографической, пунктуационной нормы языка, это маркирование той или иной языковой/речевой единицы при помощи различных графических средств, ведущее либо только к новой (оригинальной) визуализации лексем, либо еще и к созданию окказиональной лексем с новой семантикой.

С учетом соотнесенности лексических и графических окказионализмов с тропо-фигуральными средствами можно говорить о двух разновидностях новаций: окказионализмах-тропах и окказионализмах-фигурах.

Некоторые исследователи, например В.П. Москвин, постулируют мысль о том, что тропеический и фигуральный характер могут иметь и графические инновации. Исследователь приводит примеры графических элокутивных средств (графической метафоры, графического сравнения, графической зевгмы, графической градации и др.), которые выступают в качестве средств создания графической экспрессивности: П@УТИН@ (название компьютерного центра), CRE\$U\$ (имя сказочного богатырского царя), ROT\$HILD. Знак \$ является здесь двуплановым по своему содержанию: в первом (основном) своем плане он функционально равнозначен букве S; в буквальном (фоновом) плане – является символом доллара, денег, богатства [Москвин, 2007. С. 212].

Языковой материал показывает, что окказиональные единицы тропеического характера можно соотнести со всеми известными общеязыковыми тропами.

Окказиональный эпитет – художественное определение, в основе которого лежит окказионализм. К.В. Голубина, исследуя когнитивные механизмы эпитета, говорит о том, что в основе эпитета чаще всего лежит метафора, реже – метонимия. Она приводит примеры и метафорических эпитетов, совмещающих метафорические и метонимические признаки [Голубина, 1998]. Наш языковой материал отражает следующие модели создания окказиональных эпитетов, характерные для художественного и публицистического дискурса: А. Гипертроп эпитет + метафора: (1) *Невоплощаемую воплотив/ В серебряно-луныщихся сонатах...* (И. Северянин. Бетховен). (2) *Развевался и флаг партизанский,/ И французский, и англитский был,/ И зебростый американский...* (Е. Евтушенко. Итальянские слезы) – троп создает образ, выражает эмоциональное отношение и характеризует предмет. (3) *И алошарая вершина/ Светла венком стеклянной проседи* (В. Хлебников. Город будущего). Б. Гипертроп: эпитет + метонимия. (1) *...протянула какой-то их фрукт... как из бабьих жалетельных рук* (Е. Евтушенко. Итальянские слезы) – метонимический эпитет создает образ, выражает эмоционально-оценочное отношение, характеризует предмет. Образность усиливается за счет конвергенции (последованности тропов) (эпитет *бабьи* + метонимический эпитет *жалетельные*). (2) «...*SMSнутые* подростки...» (АиФ. № 49.2004) – *SMSнутый* – часто отправляющий SMS-сообщения. На первый план выступают функции выражения эмоционального отношения и характеристики. (3) *Из приморской глуши куропатчатой...* (И. Северянин. С озер незамерзших) – функции создания образа и характеристики предмета.

Окказиональная метафора – это троп, основанный на сходстве (в широком смысле) между отражаемыми реалиями и имеющий в составе окказионализм. Такие единицы, как отмечает Н.В. Черникова, возникают с целью эмоционально-экспрессивного обновления лексики [Черникова, 1998. С. 10].

Анализ языкового материала позволяет констатировать, что окказиональные метафоры представлены тремя основными разновидностями: собственно окказиональная метафора, олицетворение и антиолицетворение [термин принадлежит И.В. Пекарской: Пекарская, 1997. С. 61–63]. (1) *Потом дождь участился, помельчал и наклонно забисерил в окна, скрыв простор* (Ю. Нагибин. Меринга). (2) *Мутная, затянутая пленкой вода не отражала неба и потому чужда была переливам сини и золота, разве что слегка радужилась у гранитных берегов* (Ю. Нагибин. Пик удачи). В приведенных иллюстрациях содержатся собственно окказиональные метафоры, основанные на сходстве способа представления действий. Собственно окказиональные метафоры могут носить фразеологизированный характер (3) – *Поднимайся, братан! – предложил ему Север дружелюбно. – Хватит болта гонять* (Д. Щербаков. Нимфоманка: рабыня крутых) – *Болта гонять* = бездельничать. (4) *Режиссура Коршуноваса «огнеликая», строгая, без признаков этического пафоса...* (МН. Янв.-фев.2002). (5) *Не орудовский красный кирпич, – свастика, символ мирового зла, научилась перед ним* (Ю. Нагибин. Гибель пилота). В

примерах (4, 5) представлены *окказиональные олицетворения*. (6) *Огромный полуметровый угорь выметнулся из воды и рухнул на мосток возле самых ног Валькова. Он спетлил тело и рванулся вперед к другому краю плотины (Ю. Нагибин. На тихом озере)*. (7) *Петра Владимировича просто ненавидеть стала, если, не дай бог, с ним в магазине сталкивалась, меня аж **крючило** (Д. Донцова. Любимые забавы папы Карло) – метафоры-антиолицетворения*.

Окказиональные метафоры, как и любые другие, в контексте сохраняют свои функции тропа: создание образа (1, 2, 5, 6); создание образа и выражение эмоционального отношения (3, 6); создание образа, выражение эмоционального отношения и характеристика (4).

Значительная часть нашего языкового материала представлена примерами графической метафоры. *Дело о **пираМММиде** (РГ. 17.01.2011). СОЧИНение (АиФ на Енисее. № 9. 2011) – о строительстве объектов олимпийских баталей. **€стественный отбор** (110 миллиардов спасут экономику Греции...) (РГ. 04.05.2010). Где бы **поШАРить?** (АиФ. № 31. 2002) = боулинг. Механизмы возникновения метафорического образа в графических метафорах в целом сходны с принципами обычных метафорических переносов. Двуплановость содержания графической метафоры реализуется через взаимодействие ассоциативных полей неких двух объектов метафоризации, при этом с помощью графических маркеров актуализируется какой-то из двух релевантных в лексеме смыслов. Различные графемы (символы) создают двойной образ предмета (в лексеме **пираМММиде** МММ – как бы вершина пирамиды и название компании финансовой пирамиды «МММ»; **€стественный €** – буква Е и знак евро – символ денег, богатства).*

*Окказиональная метонимия – это троп, основанный на смежности (связи) между отражаемыми реалиями и имеющий в составе окказионализм. В основе метонимического переноса, как известно, лежат когнитивные механизмы, связанные с законом языковой экономии. (1) *С Димкой я живу шесть лет в гражданском браке. Сначала снимали дешевую «**молодоженку**» (Моя семья. 10.09.2004) – квартира для молодоженов. (2) *Вот и открываются по Москве «**стриптизовки**». Ой, извините, – «эротические шоу» (МК. 21.07.2003). Номинация осуществлена по связи *заведение ↔ его специфика*. Модель подобных метонимических переносов Н.В. Черникова определяет так: *объект – другой объект, содержащий первый объект* [Черникова, 1998. С. 19]. (3) *Вырванный из **привычья**, он обрел свободу...* (Ю. Нагибин. Пик удачи). Перенос по формуле *часть ↔ целое*: привычная сторона жизни (*единичное*) – привычная жизнь (*целое*) – синекдоха. Синекдоха наблюдается и в иллюстрации (4) *Невыносимая **левость** бытия (АиФ. № 32.2005). – Левая политическая ориентация (часть жизни) – левость бытия («левая» целая (вся) жизнь*). (5) *Стала пить, дуреха. К маме бы ей,/ А она дымилась «**мальбориной**» (Е. Евтушенко. Случай в Барнаульской гостинице) – сигарета марки «Мальборо»*. (6) *«**Властаризация**» давно и прочно вошла в городскую практику (Взгляд. 10.03.2004) – распространение на территории города магазинов «Власта»*. В примерах (5, 6) перенос по принципу: *род ↔ вид*. (7) *Но****

попался мне сосед до того **скулежный**, на себя, на белый свет, – просто невозможный (Е. Евтушенко. Бляха – муха). – Скулежный – тот, который скулит: человек, обладающий данным свойством. Скулежный характер ↔ скулежный человек. Т. е. перенос по принципу: «имеющий определенное свойство (о человеке) ↔ свойственный подобному человеку, выражающий такие свойства» [см., например: Современный русский язык, 2001. С. 212].

Окказиональные метонимии в контексте также сохраняют свои тропеические функции: создание образа (5, 6); создание образа и выражение эмоционального отношения (3); создание образа, выражение эмоционального отношения и характеристика (1, 2, 4, 7).

Окказиональный перифраз – двух- и более компонентные окказиональные словосочетания, представляющие собой речевой описательный оборот, заменяющий узуальное слово. При этом перифраз не просто тождественен узуальному слову, а «...всегда содержит в себе указание на некоторый новый по сравнению с лексическим наименованием признак. Этот признак в перифразе играет роль основания перефразирования» [Базарская, 1988. С. 11].

(1) *Первые выезды на природу для ребенка из «каменного мешка» – стресс (Взгляд. 05.08.2004).* – Каменный мешок = панельный дом. В речевом перифразе за счет окказиональной сочетаемости лексема *мешок* приобретает дополнительные семы: «из твердого материала», «замкнутое вместилище», которые не входят в сигнификативное значение слова. Ср.: *Мешок* – «сделанное из мягкого материала вместилище для сыпучих тел, для различных мелких предметов» [Ожегов, 1992. С. 363]. Расширение лексической сочетаемости ведет, по сути, к утрате (нивелировке) отдельных узуальных сем, актуальных в значении данного существительного.

Как показывает языковой материал, за счет включения узуального слова в окказиональное словосочетание происходит не только расширение значения первого, но и наделение его дополнительными коннотациями. *В Россию прибыли рогатые француженки (...950 отборных французских телок) (Взгляд. 03.03.2003).* Образность данного перифраза усиливается за счет эффекта обманутого ожидания.

Окказиональному перифразу в художественном и публицистическом дискурсе также свойственны функции тропа.

Окказиональная антономасия – троп, основанный на окказионализме и включающий, по нашему мнению, как замену нарицательного имени собственным при обозначении человека, так и замену именем собственным какого-либо типичного связанного с ним явления. (1) *От разнообразных «анишлагов», «кривых зеркал», «юморин» и прочих петросянов тошнить стало даже патологических любителей подобной веселухи (Взгляд. 13.01.2005).* Функция создания ироничности высказывания усиливается за счет конвергенции (в данном случае следовании названных тропов друг за другом). Кроме того, обыгрывается расширение значения слова *петросяны*, при котором данная лексема уже не индивидуализирует предмет, а называет класс предметов. (2) *Весь чечнями, как шершнями, поискусан, оробел (Е. Евтушенко.*

Две снежинки). Данная антономасия позволяет создать живой образ, актуализировать качественное наполнение данной лексемы. (3) *Я в детстве шикарно рыдал, **ниагарно**, всю притворялся – отнюдь не бездарно...* (Е. Евтушенко. *Поздние слезы*) – как река Ниагара. Окказиональная антономасия представляет собой имплицитное сравнение (*рыдал, как Ниагара*), что усиливает ее выразительность и позволяет актуализировать параметрическую сему в значении слова (*большая, сильная река*).

Окказиональное сравнение – троп, основанный на установлении черт сходства между предметами: два похожих предмета сравниваются в одном контексте; такое сравнение содержит окказионализм. В анализируемом языковом материале тропы-сравнения немногочисленны и не отражают многих традиционных способов формирования сравнения: обороты со сравнительными союзами, конструкции со сравнительной степенью наречия, существительные в творительном падеже и др. Окказиональные сравнения, как правило, эксплицированы (1) сравнениями-сопоставлениями: *Апрель-мокрель дымит,/ Играет в чет и нечет...* (Г. Ворошилов. *Апрель*) и (2) оборотами с эллиптированными союзами: *Женщина, ты – семиструние,/ Женщина, ты – семиветрие* (Е. Яночкин. *Женщина*). А имплицитные сравнения представлены традиционными метафорическими переносами.

В графических сравнениях в роли компаратора и компаранта выступают какие-либо изображения, похожие по форме на буквы, а потому заменяющие их (такой способ образования графических лексем рассматривает Д.В. Гугунава, называя его идиографией). Так, в рекламе водки «Мягков» вместо «ь» в слове «*Мальчишник*» графическое изображение бутылки, и слоган «*Мальчишник. Символ мягкости для приятных поводов*». В рекламе снаряжения для туризма, альпинизма и активного отдыха в слове «*СНАРЯЖЕНИЕ*» вместо буквы «А» изображена палатка, над ней облака. В названном примере репрезентован как бы целый сюжет: рисунок палатки, облаков над ней как символ отдыха.

Чаще всего в графических сравнениях рисунок предмета и буква, которую он заменяет, подобны именно по форме. *ЗВЕРОВОЙ. Оружейный салон*. Первая в слове графема «О» изображена в форме мишени. *ЕВРОИНТИМ. Магазин для взрослых*. Вместо буквы «О» в названии обозначены знаки ♀♂, как бы накладывающиеся друг на друга, при этом визуально они не только воспринимаются как символы, заменяющие графему и одновременно обозначающие мужское и женское начало, но и как два лежащих рядом кольца, что в свою очередь, является символом некоего союза двух людей.

Языковой материал показывает, что механизмы графической метафоризации и графического сравнения в целом сходны, что обуславливает необходимость их дальнейшего детального изучения.

Окказиональная гипербола традиционно троп преувеличения, в составе которого окказионализм. (1) *Чтоб тебе стать всеглобально известным,/ Мальчик мой, вынь свое сердце из ножен!* (В. Высоцкий. *Смерть Клавдия*). (2) *Я*

домой возвращаюсь, преисполнен восторга, преисполнен сознания,/ Что она звездоносна, неиссячна эта питьевая вода! (И. Северянин. Купанье звезд). (3) Там были церкви златоглавы/ И души хрупотней стекла (И. Северянин. В пути). (4) В тот миг принимали иначе мы/ И всю внепредельность/ И то, что дано нам в удел (Г. Ворошилов. А звезды...). (5) ...в двадцать первый протиснусь, протырюсь,/ где беспаспортность и беспартийность,/ бесправительственность на земле (Е. Евтушенко. Двадцать первый век). В приведенных примерах гипербола преувеличивает: (1) – масштабы известности; (2) – свойства воды; (3) – качество душ; (4) – размеры земли; (5) – степень анархичности земной жизни. В примере (3) на гиперболу накладывается сравнение, а в примере(4) гипербола вступает в отношения контаминации с олицетворением, что придает тропу бóльшую образность. Гипербола выполняет следующие функции в данных иллюстрациях: создание образа (1, 4); создание образа, выражение эмоционального отношения и характеристика (2); создание образа, характеристика (3); создание образа, характеристика и выражение эмоционального отношения (5).

Таким образом, можно утверждать, что тропеичность окказионализмов разнообразна в своих проявлениях и, как правило, контекстуально полифункциональна; кроме того, окказионализмы-тропы и окказионализмы в составе тропов имеют свои структурно-семантические особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базарская Н.И. Вторичная номинация в системе языковых знаков: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Саратов, 1988. 15 с.
2. Голубина К.В. Когнитивные основы эпитета в художественном тексте (на материале англоязычной художественной прозы): автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1998. 25 с.
3. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. 960 с.
5. Пекарская И.В. Об изобразительных и выразительных особенностях метафоры как актуализатора прагматики высказывания // Синтаксическая семантика: проблемы и перспективы. Орел, 1997. С. 61–67.
6. Современный русский язык: учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова и др. СПб.: Лань, 2001. 864 с.
7. Черникова Н.В. Аспекты изучения семантических неологизмов // Учебное пособие к спецкурсу. Мичуринск, 1998. 80 с.

А.Р. Дегтярёва¹⁰

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТИПОВ ЭВФЕМИЗМОВ В НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯХ (на материалах «Lenta.ru», радио «Свобода»)

The study built a classification model of euphemisms system axis of which is a communicative act, prescribing each type of euphemisms in place strategies and tactics of communication participants seeking to escape the legal and ethical risks in public communication. The principle of functional classification is that euphemisms are divided into groups corresponding to different communicative settings and communicative reactions of the speaker and hearer. Accordingly in the classification we select the zone of the speaker and hearer's zone. The study was conducted in a comparative perspective: as the material chosen news Internet editions – "Lenta.ru" and radio "Svoboda".

Key words: *euphemism, risks, public communication.*

Ключевые слова: *эвфемизм, риски, публичная коммуникация.*

Актуальный в современной лингвистике вопрос субъектно-объектных отношений в процессе коммуникации обусловлен совокупностью как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Так, классическое понимание процесса эвфемологии отходит на второй план, на первый план выходит рассмотрение этого явления с функциональной позиции.

Предпосылки функционального рассмотрения эвфемизмов мы находим в работах М.Л. Ковшовой, которая изучает природу эвфемизмов с точки зрения коммуникативных функций, выполняемых данными единицами. Исследователь отмечает, что основное коммуникативное назначение эвфемизма – «непрямой способ именованья чего-либо, выполняющая функцию смягчения речи, своеобразной речевой игры» [Ковшова, 2007].

С помощью эвфемизмов участник коммуникации стремится замаскировать предмет речи или свою оценку, делая попытку ухода от правовых и этических рисков. Актуальность такого подхода обусловлена функциональной нагрузкой, которые эвфемизмы несут в деятельности говорящего и слушающего. Имеющиеся классификации, выполненные с позиций имманентной лингвистики, не покидают границ «микроструктуры» языка; соответственно, не могут, на наш взгляд, охватить весь спектр исследуемого явления: не могут описать эвфемизмы во всей их функциональной полноте [Ковшова, 1970; Крысин, 1989; Куркиев, 1977; Ларин, 1961; Москвин, 1999; Санников, 2002; Сенечкина, 2006; Шмелёв, 1979].

Принцип функциональной классификации состоит в том, что эвфемизмы подразделяются на группы, соответствующие различным коммуникативным установкам и коммуникативным реакциям говорящего и слушающего. Соответственно, в классификации мы выделяем зону говорящего (Г) и зону слушающего (С).

¹⁰ Научный руководитель – к. филол. наук М.А. Осадчий

Функциональная классификация эвфемизмов с позиции говорящего

Г1 По степени интенциональнойнагруженности:

Г1.1 интенционально ненагруженные (автоматические, не осознаваемые как эвфемизмы) (*Хз, блин, тупец*);

Г1.2 интенционально нагруженные, среди них – по типу интенции:

Г1.2.1 с целью ухода от правовых рисков:

Г1.2.1а собственно правовые эвфемизмы (*вся эта история производит впечатление крайней непрозрачности вместо производит впечатление обмана*);

Г1.2.1б легевфемизмы (*ни для кого не секрет, что не только крайние националисты, но и большинство обычных россиян не испытывают симпатий к уроженцам этого южного региона*);

Г1.2.2 с целью ухода от этических рисков (*представители сексуальных меньшинств вместо геи, лесбиянки*).

Г2 По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

Г2.1 явные (*изверг из желудка весь обед вместо стошнило*);

Г2.2 затемненные (*массированная психологическая обработка вместо предварительный сговор*);

Г2.3 перверсные (*«скромное обаяние» расизма вместо не скромное обаяние, ужасное деяние, «ласковые милицейские руки» вместо грубые милицейские руки*).

Функциональная классификация эвфемизмов с позиции слушающего

С1 По степени вычленимости в потоке речи, то есть степени потенциальной идентификации как эвфемизма:

С1.1 невычленимые (*Ой, блин, как больно!*);

С1.2 вычленимые (*некие "не мальчики-одуванчики" вывезли его (Эдуарда Багирова) в Россию вместо организаторы побега, сообщники; финансово-неблагополучный вместо бедный*).

С2 По способу корреляции между языковым знаком и денотатом:

С2.1 непрозрачные (*разные поведенческие стереотипы вместо межнациональная рознь*);

С2.2 прозрачные (*"обогатился" на политзаключенных вместо незаконно получил доход; уснул вечным сном вместо умер*).

С3 По типу герменевтической опоры:

С3.1 прецедентные (*у него в комнате авгиевы конюшни вместо у него грязно*);

С3.2 непрецедентные (*в обществе перечеркнута надежда на мирную революцию, тандем расколот до пупа вместо несогласованность, неслаженность в рядах правящей элиты*).

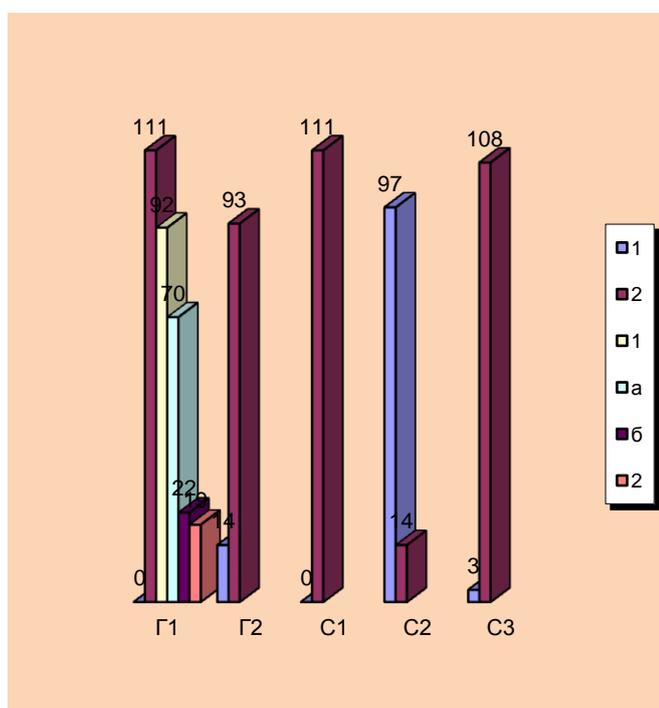
Классификация с позиции говорящего коррелирует с классификацией с позиции слушающего, что является вполне закономерным: коммуникативный акт представляет собой конструктивные взаимодействия говорящего и слушающего, послы и реакции которых являются взаимными, но эта взаимная реакция может быть разной, так как она подчиняется стратегии говорящего и

коммуникативным способностям слушающего, обстоятельствам коммуникации.

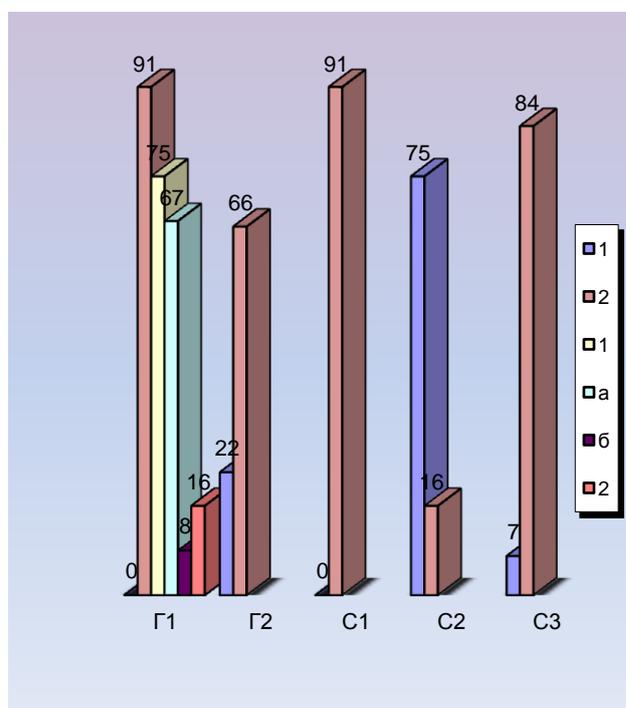
В настоящей статье описаны результаты исследования, проведенные с целью регистрации частотности реализации типов эвфемизмов в соответствии с предложенной выше функциональной классификацией. В качестве источников материала избраны русскоязычные новостные интернет-издания: «Lenta.ru» и радио «Свобода».

В период за сентябрь – ноябрь 2011 года в данных СМИ зарегистрировано 202 случая использования эвфемистических замен, частотность реализации которых можно проследить в представленных гистограммах, цветовая гамма и буквенно-цифровое изображение которых, соответствуют порядковому обозначению в классификационной модели, приведенной выше.

«Lenta.ru»

Радио «Свобода»

На данных рисунках мы видим абсолютное доминирование типов C1.2, C2.1, C3.2 (с позиции слушающего) и G1.2 (с позиции говорящего) – это вычленимые, непрозрачные, беспрецедентные, интенционально нагруженные эвфемизмы, что является вполне закономерным, так как невычленимые эвфемизмы коррелируют с автоматическими (G1.1, использование которых не было обнаружено). Данный тип эвфемизмов присущ разговорной речи и не воспринимается слушающим как эвфемистические замены пейоративов. Часто такого рода эвфемизмы являются исключительно словами-связками в процессе коммуникации, поэтому данные случаи использования эвфемизмов на страницах исследуемых источников не были обнаружены.

В пунктах Г1.2.1, С2.1 мы наблюдаем идеальную корреляцию с единичным отклонением, что вполне объяснимо. Интенционально нагруженные эвфемизмы с целью ухода от правовых рисков по способу корреляции между языковым знаком и денотатом являются непрозрачными, что позволяет избежать правовой ответственности.

Данные типы не могут быть легко прочитаны и участвуют в конкретной коммуникативной стратегии говорящего, но эти стратегии могут быть разными. Так, собственно правовые эвфемизмы (Г1.2.1а) ориентируются на слушающего; коммуникативная стратегия построена таким образом, чтобы замаскировать правовой риск или избежать его. Такие эвфемизмы стилистически нейтральны, ориентированы на реакцию слушающего, поэтому более частотны, нежели легевфемизмы (Г1.2.1б) – «эвфемизм, используемый с целью ухода от правовых рисков» [Осадчий, 2011. С.213–214].

Легевфемизмы более эмоциональны, ориентированы на говорящего, их цель не просто замаскировать, а нейтрализовать правовой риск, тем самым исключить возможность быть привлеченным к правовой ответственности. Говорящий, прибегающий к такому типу коммуникативной стратегии, выражает абсолютную уверенность в достоверности своего высказывания, поэтому в правовом плане более уязвим.

Типы Г1.2.2, Г2.1, С2.2 являются менее употребимыми. Это связано прежде всего с тем, что данная группа эвфемизмов (явные, прозрачные эвфемизмы, используемые с целью ухода от этических рисков) больше присуща разговорной речи, нежели публицистическому тексту, так как участники коммуникации, стараясь быть вежливыми и подчиняясь правилам тактичного общения, выстраивают свое речевое высказывание таким образом, чтобы оно было понятно собеседнику (что позволяет избежать коммуникативных неудач).

Классифицируя полученные результаты с позиции говорящего и с позиции слушающего по всем пунктам классификационной модели, мы выявили следующие ряды сочетаемости типов эвфемизмов (таблицы 1, 2):

Таблица 1 – Частотность реализации эвфемизмов (по типам) – «Лента.ру»

№	Комбинации сочетаемости	Кол-во повторений
1	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.2	61
2	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.3, С1.2, С2.1, С3.2	4
3	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.1	1
4	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.2	3
5	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.1	1
6	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1б, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.2	22
7	Г1.2, Г1.2.2, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.2	9
8	Г1.2, Г1.2.2, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.2	9
9	Г1.2, Г1.2.2, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.1	1

Таблица 2 – Частотность реализации эвфемизмов (по типам) – «Радио Свобода»

№	Комбинации сочетаемости	Кол-во повторений
1	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.2	46
2	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.3, С1.2, С2.1, С3.2	9
3	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.2	7
5	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.1	3
6	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1а, Г2.3, С1.2, С2.2, С3.1	2
7	Г1.2, Г1.2.1, Г1.2.1б, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.2	8
8	Г1.2, Г1.2.2, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.2	3
9	Г1.2, Г1.2.2, Г2.1, С1.2, С2.2, С3.1	2
10	Г1.2, Г1.2.2, Г2.2, С1.2, С2.2, С3.2	2
11	Г1.2, Г1.2.2, Г2.2, С1.2, С2.1, С3.2	7
12	Г1.2, Г1.2.2, Г2.3, С1.2, С2.1, С3.2	2

Данные сводные таблицы демонстрируют случаи стабильной сочетаемости, подтверждая гипотезу корреляции типов эвфемизмов. Соответственно, мы можем говорить о взаимозависимости типов эвфемизмов с позиций, предложенных классификаций. Доминирующими типами эвфемизмов в текстах анализируемых интернет-изданий выступают типы комбинаций под номером 1. Данные типы описывают эвфемизм, реализованный в высказывании: *«Песков отреагировал на заявление Маккейна о том, что смерть ливийского лидера Муаммара Каддафи – повод "начать нервничать" для диктаторов»* вместо «бояться за свою жизнь, готовиться к смерти». Непрецедентные, вычленимые, затемненные, собственно правовые эвфемизмы, используемые с целью ухода от правовых рисков, не могут быть легко прочитаны и воспринимаются адресатом как речевая замена, однако это их свойство не делает текст менее конфликтогенным. Такая эвфемистическая замена затемняет смысл высказываемого, помогая избежать юридической ответственности.

Иллюстрируя тип сочетаемости под номерами 6 (Lenta.ru) и 7 (радио «Свобода»), следует процитировать высказывание из публикации в Lenta.ru:

«Депутаты отдельно попросили поручить проверку "ответственным работникам центрального аппарата" МВД и СК, так как есть основания полагать, что проверки, проведенные на местах, не будут объективными и всесторонними» вместо «будут некачественными, предвзятыми, нечестными». Перед нами затемненный, вычленимый, непрозрачный, unprecedentedный легевфемизм. В данном типе автор не скрывает смысл высказываемого, а напротив, пытается убедить читателя в достоверности своих слов. С помощью эмоционального высказывания автор одновременно избегает правового риска и юридической ответственности. Данную гипотезу можно подтвердить следующим примером: *«Ни для кого не секрет, что не только крайние*

националисты, но и большинство обычных россиян не испытывают симпатий к уроженцам этого южного региона». В данном высказывании автор прибегает к приему «двойной эвфемизации». Адресант не скрывает истинности высказываемого (нетолерантность к лицам кавказской национальности), его коммуникативное намерение легко прочитывается адресатом, но при помощи затемнения денотата нейтрализует конфликтогенный потенциал высказывания.

Прецедентные эвфемизмы (типы эвфемизмов под номерами 3, 5, 9 – «Lenta.ru», 5, 6, 9 – радио «Свобода») были зарегистрированы в единичных случаях. Для обращения к данному типу эвфемизмов нужно учитывать коммуникативные интенции и компетенции участников коммуникации. Адресант строит высказывание таким образом, чтобы без труда быть понятым адресатом. Например, во фразе: *«Начальника камчатской почты посадили за "мертвые души". Установлено, что Чечиков формально принял на работу сотрудника, который на самом деле не имел отношения к "Почте России". Деньги с зарплатной карты этого человека регулярно снимал в банкомате сам глава филиала»*. Для понимания данного высказывания читатель намерен обратиться к интертекстуальной отсылке – одноименному произведению Н.В. Гоголя. Таким образом, коммуникативные стороны должны обладать общим багажом фоновых знаний для прочтения данной реминисценции.

В результате исследования обнаруживается неравномерная частотность использования эвфемистических замен в печатных новостных интернет-изданиях. Анализ языкового материала позволяет отметить принципиальное отличие типов эвфемизмов с целью ухода от правовых рисков. Собственно правовые эвфемизмы ориентированы на слушающего, менее эмоциональны, их стратегическая цель – предугадать реакцию адресата, затемнить денотат, минимизировать правовой риск. Легевфемизмы, напротив, ориентированы на говорящего, более эмоциональны. Основное назначение легевфемизма – нейтрализовать правовой риск. Адресант (говорящий) уверен в достоверности своего высказывания, его стратегическая цель – убедить участника коммуникации в истинности своих слов. Информация в подобном виде эвфемистической замены исключаящая, эмоциональная, оценочная.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов. М.: Гнозис, 2007.
2. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка // Русский язык конца 19 столетия. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.
3. Куркиев А.С. О классификации эвфемистических названий в русском языке. Классификация эвфемизмов по порождающим мотивам. Грозный, 1977.

4. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Ларин Б.А. Проблемы языкознания: сб. статей, посвящ. 75-летию акад. И.И. Мещанинова. Л.: ЛГУ, 1961.
5. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. М.: Ленард, 2007.
6. Осадчий М.А. Легевфемизмы в публичной коммуникации современной России // Материалы VI Международной научной конференции «Язык, культура, общество» / Науч. ред. Э.Ф. Володарская. Отв. ред. А.Л. Федотова. Москва, 2011. С.213–214.
7. Санников В.З. Эвфемизм // Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 462–466.
8. Сенечкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006.
9. Шмелёв Д.Н. Эвфемизмы // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. М.: Советская энциклопедия, 1979.

Е.И. Шаерман¹¹

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ КАК СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА Г. БИЙСКА)

The article is devoted to consideration of youth slang as a structural-functional formation. Youth slang is first of all a lexico-semantic system therefore the author considers the main thematic groups, describes systemic relations, considers the lexico-semantic way of word formation in the youth slang of Biysk, and also identifies the main sources of loan in modern slang. The author offers an original approach in the field of slang word formation, relying on the functions of the sociolect under study. Cases of territorial stratification of vocabulary are also considered in the article, the author describes features of the «Biysk youth slang» itself in particular,. The author believes that youth slang is a language inside the language, a natural phenomenon showing a certain specific character at all levels. The main feature of youth language is a language game which shows itself in all spheres of studies of this sociolect.

Key words: youth slang, argot, jargon, common jargon, urban vernacular, sociolect, language world image, the lexico-semantic system, anthropocentricity, urbanicity, the systematic organization of vocabulary, secondary nomination, borrowing/loanword, language game, territorial stratification of vocabulary.

Ключевые слова: молодежный сленг, аргот, жаргон, общий жаргон, городское просторечие, социолект, языковая картина мира, лексико-семантическая система, антропоцентричность, урбанистичность, системная организация лексики, вторичная номинация, заимствования, языковая игра, территориальное расслоение лексики.

Сленг очень интересен для лингвиста: это та лаборатория, в которой все свойственные живому языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению.

¹¹ Научный руководитель – к. филол. наук, доц. У.М. Трофимова

Надо заметить, что все социальные диалекты, к которым относится и сленг, в отличие от территориальных диалектов никогда не бывают первым и единственным способом коммуникации для тех, кто ими пользуется. Молодежный сленг исследовался лингвистами с разных позиций, но несмотря на разработанность многих аспектов, до сих пор нет единства в определении и использовании термина «молодежный сленг», недостаточно четко обозначены границы между понятиями «арго», «жаргон», «сленг», до конца не разработаны критерии выделения сленговой лексики, отсутствуют систематизированные описания молодежного сленга разных регионов России, в том числе и г. Бийска. Между тем эти вопросы очень важны и наиболее трудны для разрешения.

Термин «сленг» в нашем исследовании используется для обозначения так называемого *общего жаргона*, т. е. нестандартной подсистемы лексики русского языка, которую городское население вне зависимости от возраста, образования и профессии использует в непринуждённом личном общении (а в современной социолингвистической ситуации – и в публичной речи, а также в языке публицистики). Поэтому сленг противопоставлен другой нестандартной подсистеме русского языка – городскому просторечию, которым пользуются необразованные и полубразованные горожане, не владеющие литературной нормой [Розина, 2002. С. 3].

Цель данной статьи – рассмотреть молодежный сленг г. Бийска как языковую систему, выявить специфические лексические и словообразовательные средства. Эта статья является результатом обработки материала, накопленного за период 2011–2012 гг.

Материалом для настоящего исследования послужили сленговые единицы в общем количестве 1288 слов и 80 выражений, собранные в результате анкетирования; а также записи речи молодежи при непринужденном общении в кругу сверстников; интернет-опрос через систему Google-документов. В круг информантов (148 человек в возрасте 12–26 лет) были привлечены учащиеся школ, средне-специальных и высших учебных заведений г. Бийска, а также работающая молодежь. Поскольку молодежь не существует вне общества и не представляет собой некоего монолитного единства, в речи молодежи выделяются различные пласты – в зависимости от сферы применения языковых единиц: в школе, ПТУ, вузе, армии, неформальных молодежных объединениях, по месту работы, а также в «сфере» наркомании, криминала, музыки, спорта и др. Таким образом, сленгизмы репрезентируют в ЯКМ молодого поколения наиболее значимые для него участки действительности (сфера взаимоотношений). В связи с этим молодежный сленг является своеобразным отражением эмотивно-оценочной КМ (мировоззрения, менталитета) современной молодежи.

Молодежный сленг – это прежде всего лексико-семантическая система. Проведенный тематический анализ собранного материала позволил нам выделить 15 тематических групп, наиболее объемными (кроме «Наименования лиц», «Учебной сферы», «Сознание, интеллектуальная деятельность, чувства») оказались группы «Наркотики», «Пьянство», «Криминальная сфера». Как

говорится, какая жизнь, таков и язык. Данный анализ, охватывающий основные сферы интересов молодежи, подтверждает представление лингвистов об «антропоцентричности» и «урбанистичности» современных социолектов.

Молодежному сленгу как подсистеме языка присущи признаки системной организации лексики. К примеру, самый длинный синонимический ряд представляет лексема «Мама».

Антонимическое образование происходит либо от одного корня с помощью разных словообразовательных способов (*понтовый/беспонтовый*), либо от основ разных лексем (*старшак* «ученик старших классов» – *малыш* «ученик младших классов»). Нередко в антонимические отношения вступают и целые группы синонимов (*замётано, зашибись, здорово, кайф, класс, классно, клёво, круто, ништяк* – «отлично»; *голяк, лаж, непруха, отстой, хреновасто, хреновастенко и т. д.* – «плохо»).

Безусловно, антонимия в молодежном сленге указывает на экстремальность мышления и «полярность» в оценках разного рода, это проявляется в номинировании противопоставленных предметов.

Омонимические отношения в молодежном сленге представлены прежде всего лексическими модификациями литературного языка (*прокатит, пронесет* – «все будет хорошо, обойдется»).

Специфика молодежного сленга заключается в том, что наиболее частотным является лексико-семантический способ словопроизводства или вторичная номинация, представленная метафорой и метонимией.

Метафорические переосмысления происходят чаще всего либо по внешнему/внутреннему признаку (*гуманоид* «странный человек»), либо по функции (*мензурка* «учитель химии»), либо по форме (*пузырь* «водка»). Глагольные и прилагательные метафоры встречаются гораздо реже: *пахать, батрачить, молотить* «работать»; *гасить, бухать, жахать* «пить спиртное»; *неслабый* «отличный»; *железный* «надежный».

Метонимические переносы встречаются крайне редко. В основном они связаны с такими отношениями, как «причина – следствие»: *гастрит* – «дешёвый пирожок», *тошиловка* – «столовая», *потеть* – «волноваться».

Важным источником пополнения молодежного сленга являются заимствования из иностранных языков. Например, в речи молодёжи функционируют такие цыганизмы, как *тырить* (*teres* – держать, иметь, брать, ждаться) – «прятать, скрывать, воровать»; *лавэ* (*lowe*) – «деньги»; *чувак* – «молодой человек» и т. д. Любопытно, что англицизмов не так много по сравнению с языковой ситуацией, наблюдавшейся 7–10 лет назад. Заимствования из английского языка происходят в основном в сфере компьютерных и интернет-технологий. Например, популярное и модное сегодня слово *девайс* – «устройство» (от англ. *device* – приспособление, прибор).

Также молодежный сленг богат заимствованиями из других социолектов, прежде всего из арго: субъекты антиобщественных действий (*мокрушник*

«убийца»), объекты криминальной оценки (*тормоз*, *хмырь* «ненормальный человек») и т. д.

Переходя к специфике словопроизводства, следует отметить, что словообразование в сленге, как и в разговорной речи, выполняет 4 основные функции: экспрессивную, номинативную, компрессивную, конструктивную [Земская, 1981. С. 85]. Однако в процессе коммуникации далеко не всегда можно чётко определить границы каждой из этих функций. Зачастую они совмещаются. Как правило, благодаря номинативной и экспрессивной передаётся новое содержание, а компрессивная и конструктивная функции служат для экономии речевых усилий, что особенно актуально для данного социолекта, так как основная форма бытования сленгизмов – устная.

В исследуемом социолекте экспрессивная функция словообразования преобладает над номинативной, что связано, в первую очередь, с непринуждённостью отношений между партнерами в процессе общения. А отличительной способностью, присущей нелитературному словообразованию, мы считаем высокую образность сленговых единиц, направленную на передачу разного рода оценок. У глаголов к экспрессивным средствам словообразования относятся, например, суффиксы *-ану-* и *-ну-*, обозначающие степень интенсивности действия: *ляпнуть* – «случайно проболтаться, сказать лишнее», *жахнуть* – «быстро выпить какой-нибудь спиртной напиток», *ломануться* – «резко ворваться куда-либо, резко побежать».

Номинативная функция реализуется в процессе создания нового слова носителями сленга, когда даётся необычное имя тому или иному явлению действительности: *преподша* – «преподаватель женского пола» (образуется наименование лиц женского пола от сленгизмов, именующих лиц мужского пола по типу *генерал – генеральша*).

Очень часто в сленговом словообразовании реализуется компрессивная функция, которая состоит в построении единиц, представляющих собой разного рода сокращения имеющихся уже в языке слов и словосочетаний. Данная функция осуществляется разными способами: усечением – *инфа* «информация», *комп* «компьютер», *бук* «ноутбук», аббревиацией – *СПТУ* «сюда придешь – тупым уйдешь», универбизацией с суффиксацией – *тяжелаятина* – «тяжелая музыка».

Конструктивная функция сленгообразования проявляется в образовании слов, передающих содержание синтаксических конструкций с помощью одного слова. Эта функция реализуется, например, отглагольными именами существительными со значением отвлеченного действия: *трепотня* – «пустая болтовня» (от гл. *трепаться* – «говорить без определенной цели»), *бухаловка* – «распитие спиртных напитков, пьянка» (от гл. *бухать* – «распивать спиртные напитки»).

Специфика сленгового словообразования (в отличие от литературного) заключается в том, что здесь более ярко проявляется игровое начало. Сленговое словообразование служит не столько для того, чтобы создавать новые номи-

нации, сколько для порождения ярких, образных, несущих игровое начало выразительных слов.

Следует также отметить возможность территориального расслоения лексики: молодёжь каждого региона может иметь свой набор лексических единиц, доступных только для жителей определённой местности. Так, например, при анализе и сопоставлении со словарями было отобрано 40 единиц непосредственно «бийского молодежного сленга», не зафиксированных в словарях. Самой большой по численности группой оказались фразеологические единицы: 12: из них 5 единиц под знаком «+», то есть экспрессивно-оценочный компонент непосредственно в контекстах скорее положительный (*масть прет* – удача в чем-либо; *нормально всё!* – то же, что «все хорошо»; *Очковый период* – возраст 21 год; *по бане заводит/по тяжелой* – совершать что-либо, прилагая максимальные усилия); 5 единиц под знаком «-», то есть экспрессивно-оценочный компонент непосредственно в контекстах скорее отрицательный (*маму потерял* – то же, что «рамсы попутал» – ошибка, недопонимание; *на нервяке/на измене* – состояние переживания, стресса; *не катит* – так не пойдет; *не потей* – не переживай); 2 единицы под знаком «+/-», то есть экспрессивно-оценочный компонент непосредственно в контекстах скорее нейтральный, в зависимости от описываемой ситуации, компонент этот может смещаться в ту или иную сторону (*по ходовой разберемся* – решим вопрос/проблему во время действия; *по-любому* – точно).

Далее по численности «лидируют» имена существительные – 11 единиц: из них 4 единицы – описание лиц (*молодые* – более младшие по возрасту товарищи, в противовес привычному для нас понятию молодые – недавно вступившие в брак); *салопон* – дилетант в чем-либо; *старшеки* – напротив, более старшие по возрасту товарищи; *халява* – легкодоступная девушка); 6 единиц – топонимы (*Бийбург, Пийск* – г. Бийск, *Пятак, Колосок, Кирпухасити* – районы города, *Чернобыль* – ТЭЦ); 2 единицы – отрицательное стечение обстоятельств (*болт* – плохой результат, в отличие от зафиксированного в словарях сленга значения – перстень, печатка; *пападос (пападалово)* – неудача, провал);

На выражения действий приходится 6 единиц: из них 3 единицы характеризуют поведение человека (*нозить* – выводить из себя, надоедать, *лишковать* – многое себе позволять, *побородить* – не выполнить обещание); 1 единица – физическое воздействие (*вжарить* – ударить); 1 единица – речь (*закуситься* – поспорить, *поругаться*); 1 единица – нацеленность на результат (*(не) прокатит* – (не) получится).

И, наконец, только одно специфичное прилагательное, как никогда точно и полно характеризующее современную молодёжь, да и большинство взрослых – *култорный* – культурный. Здесь мы наблюдаем метатезу с явным оттенком иронии и насмешки.

Слово- и фразотворчество молодежного сленга отличает спонтанность и хаотичность. Однако выделяются некоторые определенные закономерности создания «нового». Этот процесс не следует называть созданием «нового» –

скорее, преобразованием уже существующего, поскольку источниками молодежной лексики являются все формы существования русского национального языка, а также заимствования из иностранных языков и других социолектов. В свою очередь молодежный сленг обогащает их формально или семантически «новыми» единицами, в результате чего происходит тесное взаимодействие названных языковых подсистем, их границы размываются или становятся более проницаемыми.

Основные трудности изучения современного молодёжного сленга заключаются именно в его смешанном характере, в нечёткости, размытости его границ и в его динамической природе. Наше исследование показывает, что молодёжному сленгу как социальному варианту языка свойственна некоторая размытость границ. Вычленить его как замкнутую подсистему, как объект наблюдения можно только условно.

Таким образом, можно заключить, что картина мира современной молодёжи – носительницы жаргона в настоящее время серьезно трансформировалась. Носители молодёжного жаргона проявляют себя не в науке, не в технике, не в искусстве, не в профессии, а в быту, в развлечениях, в досуге, во взаимоотношениях полов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 85 с.
2. Розина Р.И.. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. №2. 2002. С. 3
3. Химик В.В. Русское городское просторечие // Материалы XXVIII межвуз. науч.-метод. конф. препод, и аспирантов. Часть 2. СПб., 1999. С. 21–25.

II ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Д.Г. Антипова¹²

ЭЛОКУТИВНАЯ ПРАГМАТИКА СМИ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

The subject of this article is the influence of elocutive resources using in press on the formation international language person.

Key words: the theory of elocution, the system of figurative and expressive resources, the international language person, elocutive pragmatic of mass-media, the effective verbal communication.

Ключевые слова: теория элокуции, система изобразительно-выразительных средств, интернациональная языковая личность, элокутивная прагматика СМИ, эффективное речевое взаимодействие.

В настоящее время проблемы эффективного речевого воздействия приобретают особое значение, в связи с чем наблюдается актуализация задачи формирования навыков убеждения и умелого использования способов и методов влияния на аудиторию в процессе коммуникации. Это вызвало появление множества научных исследований, где были предприняты попытки описания и систематизации тропов, фигур, других эмоциональных и экспрессивных языковых средств, изучения особенностей их семантики, специфики взаимодействия и функционирования в речи. Сразу в нескольких городах (Красноярск, Абакан, Смоленск и др.) формируются научные школы, изучающие историю и современное состояние не просто теории фигур, но теорию и практику элокуции [см. об этом: Пекарская, 2004. 2006].

Грамотное применение накопленных знаний о специфике употребления элокутивов позволяет привлекать и удерживать внимание адресата от начала до конца сообщения; соответственно, неумелое обращение с этими средствами актуализации прагматики высказывания в лучшем случае сделает коммуникацию безрезультатной, а в худшем может привести к возникновению межличностного конфликта.

Проиллюстрировать сказанное можно на примере процесса формирования интернациональной языковой личности с помощью использования в журналистских произведениях изобразительно-выразительных средств. Они в силу своей экспрессивности и эмоциональности не только мотивируют адресата к прочтению, просмотру или прослушиванию информации до конца, но и способствуют воспитанию определенных черт

¹² Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И.В. Пекарская

характера, в данном случае – толерантного отношения к представителям других народов.

Идеи гармонизации межэтнических отношений всегда находили отражение в газетах, на радио и телевидении. Так, в СМИ советского периода тема дружбы народов была одной из главенствующих, поэтому в газетах регулярно публиковались, например такие, не лишённые выразительности и эмоциональности тропеические и фигуральные выражения: «Сила советского патриотизма» (метафора + эпитет), «народы СССР – единая трудовая семья» (сравнение + эпитеты + эллипсис), «героический подвиг советского народа» (цепочка эпитетов), «братство народов – братство литератур» (эллипсис + повтор + метонимия + метафора) и многие другие. С их помощью читателям, зрителям, слушателям прививалась любовь к Родине, культурным традициям представителей разных национальностей, населяющих страну.

Проведение политики, направленной на интернациональное воспитание граждан и формирование у них культуры межнационального общения, чувства патриотизма, веротерпимости, не потеряло своей значимости и сегодня, особенно в полиэтничных регионах, где компактное проживание представителей разных народов на одной территории нередко вызывает напряжённость в межкультурном взаимодействии, что может привести к серьёзным межэтническим конфликтам. Предотвратить эти столкновения позволит пропаганда толерантного отношения к другому укладу жизни, языку, традициям, способствующая формированию интернациональной языковой личности, которая благодаря освоению «своей» культуры и «чужой» без труда может создавать и воспринимать речевые произведения, касающиеся жизни разных этнических групп, и тем самым свободно вступать в продуктивный диалог с ними [Антипова, 2012. С. 30–31].

Интернациональное воспитание с использованием ресурсов СМИ, по нашему мнению, включает в себя несколько составляющих:

- знакомство аудитории со спецификой национальных языков для обеспечения участников межкультурной коммуникации информацией, необходимой для успешного взаимодействия;

- воспитание у читателей, зрителей, слушателей толерантного отношения к другой культуре;

- формирование интереса к представителям разных национальностей, мотивация к общению с ними [Там же].

Однако успешность публикаций поликультурного характера обусловлена не только чётко обозначенной темой и верно поставленными задачами, но и умелым использованием средств и приемов словесного выражения замысла.

Сегодня в арсенале журналиста имеется множество инструментов, значительно повышающих эффективность речевого воздействия на адресата сообщения. Они разрабатывались ещё в античной риторике. С течением времени эта сформированная система изобразительно-выразительных средств регулярно дополнялась различными компонентами, в результате чего

появлялись новые классификации [см. Антонов, Пекарская, 2005; Копнина, 2009 и др.].

На основе анализа материалов поликультурной тематики, опубликованных в ежедневной республиканской газете «Хакасия» за период с 2000 по 2011 гг., выявим, какие изобразительно-выразительные средства являются наиболее характерными для современной региональной журналистики. Данное издание имеет статус республиканского и выходит пять раз в неделю; его целевой аудиторией являются преимущественно люди среднего и старшего возраста, что, по-нашему мнению, оказывает непосредственное влияние на содержание материалов, поэтому публикации национальной тематики на страницах «Хакасии» появляются чаще, чем в других газетах региона. Основной акцент сделан на печатные СМИ в силу того, что телевизионные программы и радиопередачи, в которых присутствует поликультурная тематика, выходят редко и, как правило, представляют небольшие новостные сюжеты, которые в большей степени носят информационный характер и не отличаются особой языковой выразительностью, а национальный колорит в них передается через яркие зрительные или звуковые образы.

Статьи в газете «Хакасия», направленные на формирование гармоничных межэтнических отношений, в основном посвящены различным национальным праздникам, культурным традициям коренного народа, выдающимся представителям, внесшим значительный вклад в экономику, искусство, спорт, образование региона; кроме того, с 2010 года на страницах издания ведутся отдельные рубрики: «Как это по-хакасски» и «Уроки словесности», где вместе с членом союзов писателей Олегом Шульбаевым и кандидатом филологических наук Светланой Лопаткиной читатели изучают специфику хакасского и русского языков. В каждом из этих материалов присутствуют элокутивы. Наиболее часто авторы используют:

эпитеты, например: «*божественно-прекрасная (страна)*» [Казанцев, 2007. С. 1]; «*благодатный (край)*» [Анненко, 2007. С. 6].

метафоры: «*щедрые окрестности аала*», «*колхозная старина*» [Самрина, 2001. С. 4–6]; «*несметные табуны*», «*красавцы-жеревцы сафьяновской породы*» [Верещагина, 2001. С. 7]; «*шум политических страстей*» [Анненко, 2007. С. 6]; «*полотна жизни*» [Абумов, 2004. С. 6.]; «*залы памяти*» [Абумов, 2004. С. 6.].

сравнения: «*У них (навахи, апачи) шестиугольная деревянная юрта, как у тувинцев, хакасов и бурят*» [Кичук, 2001. С. 6]; «*Всюду зияют бреши на некогда густо уставленных домами улицах, словно в беззубом рту*» [Самрина, 2002. С. 4–5]; «*Жизнь человека – картинная галерея*» [Абумов, 2004. С. 6.].

перифраз: «*народный певец Хакасии*» (о М.Е. Кильчичакове) [Кошелева, 2005. С. 7].

оксюморон: «*Солнце и тучи над Салбыком*» [Чуруксаева, 2005. С. 8].

градацию: «*И мать, и жена, и актриса*» [Селигеева, 2005. С. 8].

антитезу: «Там за прогнившими досками – XXI век, а здесь, над крышей, века XIX – XX» [Самрина, 2002. С. 4–5],

интерзиопезу: «На чердаке заброшенного дома было интересно и ... немного жутко» [Самрина, 2002. С. 4–5].

анадиплозис: «Мать, обняв, прижимает к себе последнего из оставшихся в живых детей – сына – и плачет. Плачет, провожая в дальнюю дорогу» [Абумов, 2004. С. 6].

риторические вопросы: «Кто он – бог или, может быть вождь, или другой выдающийся человек того далекого времени?» [Угольков, 2000. С. 5]. Часто риторические вопросы используются в заголовках, что сразу привлекает внимание читателей, например: «Кто предки индейцев?» [Кичук, 2001. С. 6].

эффект обманутого ожидания: «Был он сильный, красивый человек, ростом до двух метров и силы немереной – поднимал в каждой руке по кулю муки и бросал их через амбар. Сам умирал диких жеребцов. Этим себе и жизнь укоротил» [Верещагина, 2001. С. 7].

контаминацию элокутивов (их взаимоналожение и взаимовключение [Пекарская, 2000, Ч. I. С. 223–229]):

«На наш взгляд, именно с тех далеких пор на **огромных** (эпитет) просторах Евразии и Америки остались сотни **маленьких осколков – малых народов** (сравнение), **разбросанных и перемешанных временем** (метафора (олицетворение))» [Кичук, 2001. С. 6]; «Смахнув **завесу дождя** (метафора), **солнце высвечивает** (метафора (олицетворение)) **захватывающий дух мир** (метафора), где происходят метаморфозы **воды времени и пространства** (восходящая градация)» [Самрина, 2002. С. 4–5]. **Сизо-белые** (эпитет) **облака скользили** (метафора (олицетворение)) над землей, **словно совершая танцевальные па** (сравнение)» [Чуруксаева, 2005. С. 8].

конвергенцию (взаимоследование элокутивов [Пекарская, 2000, Ч. I. С. 223–229]): «Каким еще человеком был этот титан науки, энциклопедист?» [Майногашева, 2001. С. 8]; «**Жителям Хакасии** несказанно повезло. Это **благодатный** (эпитет) край, где уже тысячелетия **не перестает биться человеческая мысль** (метафора (олицетворение)). И путешествия по этому краю необходимы. Хотя бы для того, чтобы поразмыслить: **так ли новы наши проблемы и горести** (риторический вопрос)? На дымящиеся трубы наших заводов, **многоэтажные коробки зданий** (метафора), бетонные и железные дороги **смотрят каменные бабы** (метафора (олицетворение)), **словно о чем-то хотят сказать** (сравнение). Или напомнить. Или о чем-то предостеречь... (парцелляция, анафора, апозиопеза)» [Анненко, 2007. С. 6]; «Когда над одним холмом **шел дождь** (метафора (олицетворение)) (знаете, как это красиво, когда дождевое **облако истончается снизу, размазываясь, рассеиваясь, растягиваясь** (метафора (олицетворение)) до самой земли!), над другим – порхали, купаясь в **лимонно-желтом** (эпитет), **звенящем от солнца воздухе** (метафора), **беспечные жаворонки**» (антитеза) [Чуруксаева, 2005. С. 8].

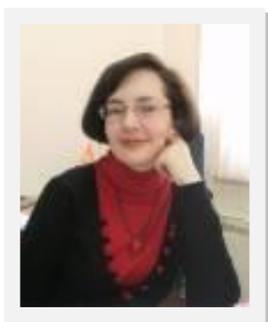
текстовые фигуры: кольцо «Словно о чем-то хотят сказать. Или напомнить. Или о чем-то предостеречь... (далее следуют пять абзацев текста)...*Стоят в степи каменные бабы и смотрят на нас – говорят, напоминают, предостерегают*» [Анненко, 2007. С. 6].

Все эти средства значительно усиливают изобразительность текста, позволяют автору точно и, что важно, ярко выразить мысль, которую он хотел донести до читателей, сформировать в их сознании правильные образы и ассоциации, вызвать определенные эмоции, что свидетельствует об эффективности речевого воздействия. Приведенные нами примеры наглядно демонстрируют, что материал о традициях разных народов, их истории, археологических памятниках, подготовленный с использованием различных усилителей экспрессивности, гораздо точнее может передать национальный колорит, настроение и характерные черты, которые делают ту или иную культуру самобытной. Что касается особенностей употребления тропов и фигур, то они обусловлены индивидуально-авторским стилем, формирующимся с течением времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абузов Ю. Жизнь человека – картинная галерея // Хакасия, 17.01.2004. № 10. С. 6.
2. Анненко А. Взором таинственным // Хакасия, 17.05.2007. № 90. С. 6.
3. Антипова Д.Г. Влияние средств массовой информации на формирование толерантной интернациональной языковой личности // Материалы 50-й юбилейной Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 2012. С. 30–31.
4. Антипова Д.Г. Роль средств массовой информации в процессе интернационального воспитания // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая картина мира и языковая личность: материалы IV Международной научно-практической конференции. Абакан, 2009. С. 71–72.
5. Антонов В.П., Пекарская И.В. Речеведение. Русский язык и культура речи. Курс лекций. В 2-х частях. Абакан, 2005. Ч. I. С.71–95.
6. Верещагина Т. Род Сафьяновых // Хакасия, 25.01.2001. № 14. С. 7.
7. Казанцев К. 300 лет дружбы // Хакасия, 24.03.2007. № 53. С. 1.
8. Кичук А., Лобачев А. Кто предки индейцев? // Хакасия, 30.01.2001. № 17. С. 6.
9. Копнина Г.А. Риторические приёмы современного русского литературного языка: опыт системного описания. М, 2009.
10. Кошелева А. Народный певец Хакасии // Хакасия, 15.01.2005. № 6. С. 7.
11. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. I. Абакан, 2000.
12. Пекарская И.В. Риторика XXI века: аналитический очерк // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая политика в

- межкультурной среде: материалы Первой Международной научно-практической конференции. Абакан, 2006. С. 104–107.
13. Пекарская И.В. Современная теория элокуции: достижения и перспективы // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: толерантность и интеграция: материалы Четвертой Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию образования Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова и 60-летию образования факультета русской филологии Института филологии. Абакан, 2004. С. 376–381.
14. Самрина В., Колбасов А., Потапова Т. Добежит ли сосна до аала или аал до сосны? // Хакасия, 28.06.2001. № 212. С. 4–6.

Е.Г. Бутерус¹³

ДИСКУРС КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: МНОГОАСПЕКТНОСТЬ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ

This article is devoted to the problem of discourse definition and various approaches to the studies of discourse as a linguistic category. The emphasis is on the cognitive approach, which takes into account the consideration of language phenomena in relationship with the man, his mind, thinking, as well as with the processes of cognition.

Key words: *discourse, text, approach to the studies of discourse, cognitive-discursive paradigm.*

Ключевые слова: *дискурс, текст, подход к изучению дискурса, когнитивно-дискурсивная парадигма.*

Дискурс как лингвистическая категория представляет собой сложный и многоаспектный объект исследования. В современной парадигме дискурсивных исследований понятие «дискурс» рассматривается по-разному.

Как отмечает У. Чейф, «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование при условии сведения дискурса к одному или двум измерениям» [Chafe, 1996. P. 49]. Следовательно, имеет смысл рассматривать дискурс не только с позиций исключительно лингвистики, но и с учетом положений социолингвистики, прагмалингвистики, лингвофилософии.

Термин «дискурс» (фр. *discours*, англ. *discourse*, от лат. *discursus* «бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор») означает «речь, процесс языковой деятельности; способ говорения». Данный термин, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст – статический объект,

¹³ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О.В. Магировская

результат языковой деятельности. Предпочтительным является такое понимание термина «дискурс», которое включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (т. е. текст).

В настоящее время в лингвистической науке существуют различные подходы к определению дискурса. Одним из них является формально-структурный подход (Борботько 1998, 1999; ван Дейк, Кинч 1983; Кох 1978; Москальская 1981; Николаева 1978; Stubbs 1983). Дискурс в данном понимании означает «тексты в их текстовой данности» [Степанов, 1998. С. 670]. Т.М. Николаева в «Словаре терминов лингвистики текста» при определении термина «дискурс» пишет следующее: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляем рядом авторов в значениях почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева, 1978. С. 467]. Значительно позднее лингвисты, исследующие дискурс в рамках формально-структурного подхода, начинают отмечать, что дискурс – это не только «данность текста», но также и «системно языковые структуры целого текста» (ван Дейк, Кинч 1988), и «речемыслительный процесс, приводящий к образованию структуры» (Борботько 1998). Однако эти исследования не выходят за рамки текстообразующего подхода.

Второй подход представляет собой функционально-структурное описание дискурса как всякого «употребления языка»: «*the study of discourse is the study of any aspect of language use*» [Fasold, 1990. P. 65]; «*the analysis of discourse is necessarily, the analysis of language in use*» (Brown, Yule 1983; Schiffrin 1994). Этот подход предполагает анализ функций дискурса в широком социокультурном контексте: «изучение дискурса – изучение любого аспекта использования языка» [Fasold, 1990. P. 65], анализ дискурса неизбежно предполагает анализ языка в его использовании (Brown, Yule 1983). В рамках данного подхода важным является взаимодействие единиц друг с другом; то, как они дополняют и изменяют текст.

Теория дискурса как прагматизированной формы текста берет свое начало в концепции Э. Бенвениста, одним из первых придавшего слову «дискурс» (*discourse*) терминологическое значение, т. е. речь, присваиваемая говорящим. «Речь (*discourse*) следует понимать при этом в самом широком смысле, как всякое высказывание, предполагающее говорящего и слушающего и намерение первого определенным образом воздействовать на второго... Таким образом, различие, которое мы проводим между историческим повествованием (*recit*) и речью (*discourse*), никоим образом не совпадает с различием между письменной и устной разновидностями текста» (Бенвенист 1974). Начиная с 80-х годов, данный подход разрабатывается многими исследователями (Булыгина 1981; Васильев 1988; Винокур 1984; Зернецкий 1988; Седов 1996; Сусов 1988 и др.).

Третий подход основывается на прагмалингвистической модели дискурса, которая строится на основе коммуникативной деятельности и противопоставляется структурной модели речевой деятельности. И.П. Сусов первым выделил два подхода к дискурсу, под которым понимал коммуникацию посредством текста: коммуникативно-прагматический и системно-структурный (Сусов 1988). Сторонники системно-структурной парадигмы считают, что семантический компонент языка органично включается в структурный компонент, дающий необходимую детализацию целей и условий коммуникации для содержания речевого действия. Эта позиция представлена Ю.Н. Карауловым в его трехуровневой дифференциации языковой личности: лексикон (формальный, вербальный уровень), тезаурус (когнитивный уровень) и прагматикон (мотивационный уровень) (Караулов 1987). Однако коммуникативно-прагматическая парадигма – не просто отображение вышеназванных уровней; она существенно отличается в том смысле, что при анализе точкой отсчета являются личные интеракции, а не лингвистические значения. Коммуникация состоит не из предложений и слов, а из коммуникативных шагов и речевых актов в дискурсе (Безменова, Герасимов 1984; Вежбицка 1985; Гак 1998; Гордон, Лакофф 1985; Кобозева 1986; Конецкая 1997; Романов 1988; Серль 1986; Сусов 1998; Хомяков 1991; Austin 1962; Clark, Carlson 1982; Yule 1996). Дискурс понимается как воздействие, общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности; это общение, описанное с позиции одного из коммуникантов, когда он рассматривает себя как субъект воздействия, полагая своего собеседника объектом (Безменова 1990, Федорова 1991). Действия субъекта воздействия направлены на решение следующих задач: 1) организации общения (привлечение и удержание внимания, создание благоприятной атмосферы и т.д.), 2) оказания собственно воздействия – побуждение объекта воздействия к некоторой деятельности (указание на имеющуюся потребность, демонстрация предмета – мотива, указание на деятельность, осуществление которой приведет к удовлетворению имеющейся потребности). Цель воздействия определяется как соответствующая организация деятельности человека – объекта или группы – объекта воздействия, а результат воздействия – как реально достигнутое в процессе воздействия изменение деятельности объекта воздействия. В основе дискурса лежит интенция говорящего, т. е. желание, для реализации которого предпринимаются определенные шаги.

В русле социально-прагматического подхода дискурс как явление коммуникации – «промежуточное образование между речью как вербальным общением, как деятельностью, с одной стороны, и конкретным вербализованным текстом, зафиксированным в ходе общения, с другой стороны» [Карасик, 2000. С. 26]. В рамках данного подхода термин «дискурс» представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами <...>; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания

(когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» <...> » (данное определение является одним из признанных определений дискурса и принадлежит Н.Д. Арутюновой) [Арутюнова, 1990. С. 136]. Таким образом, с лингвистической точки зрения дискурс объединяет текст как вербализованный результат речи и контекст, в котором текст функционирует, – ситуативный и культурный. Направления исследований в данной парадигме представлены изучением конститутивных признаков дискурса, в том числе участников, условий, организации, способов и материала общения, т. е. людей, рассматриваемых с позиции общения и их статусно-ролевых и коммуникативных амплуа; сферы общения и коммуникативной среды; мотивов, целей, стратегий, развертывания и членения общения: канала, режима, тональности, стиля и жанра общения; знакового тела общения, текстов с невербальными включениями (Карасик 1998).

Социолингвистический анализ дискурса предусматривает исследования конститутивных признаков дискурса прежде всего по линиям участников общения, а также по целям и условиям общения. В рамках данного подхода выполнены работы, анализирующие такие виды дискурсов, как политический, рекламный, религиозный, педагогический (ван Дейк 1989; Водак 1997; Гудков 1999; Карасик 1999; Коротева 1999; Серио 1993; Шаховский 1999; Шейгал 2000).

Следующий подход к анализу дискурса – критический анализ (Водак 1997; Diamond 1996; Lakoff 1990; Fairclough 1995). Критическая лингвистика и критический анализ дискурса лучше всего могут быть определены как «единая перспектива при осуществлении языкового, семиотического или дискурсивного анализа» (ван Дейк, 1993). Эта единая перспектива, как отмечает Р. Водак, соотносится с термином «критический», возникшим под влиянием Франкфуртской школы (Ю. Хабермас). Критический анализ дискурса ставит своей целью изучение как неявных, так и прозрачных структурных отношений доминирования, дискриминации, власти и контроля, выраженных в языке, т. е. изучает «отношения подчинения, неравенства, дискриминации, разные идеологические и политические представления, выраженные в языке и дискурсе, их общую манипулятивность» [Макаров, 1998. С. 50].

С позиции лингвостилистики анализ дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц.

Лингво-моделирующий подход к анализу дискурса основан на выделении трех основных моделей коммуникации, на которые явно или неявно опирается всякое исследование языка: 1) информационно-кодированная, 2) инференционная и 3) интеракционная модели коммуникации (Макаров 2003; Schiffrin 1994). По мнению М.Л. Макарова, одно из существенных положений феноменологии дискурса состоит в противопоставлении информации и коммуникации: «От того, по какому пути пойти, зависит вся концептуализация природы человеческого опыта, а также его адаптивной, преобразующей направленности»

[Макаров, 1998. С. 28]. М.Л. Макаров подвергает критике научную парадигму, в которой главным в коммуникации признается процесс передачи информации. «При таком подходе коммуникация выступает как процесс оформления, своего рода «ратификации» репрезентаций в качестве информации и – более всего – как процесс, обеспечивающий ее трансляцию между индивидами» [Макаров, 1998. С. 27]. Он считает, что коммуникацию следует понимать не как трансляцию информации и манифестацию намерения, а как демонстрацию смыслов, необязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. Практически любая форма поведения – действие, бездействие, речь, молчание – в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. Данной точки зрения придерживаются также А.К. Михальская, В.В. Дементьев и К.Ф. Седов (Дементьев, Седов 1998; Михальская 1996).

Разрабатываемый в последнее время антропоцентрический подход к изучению дискурса основывается на понятии языковой личности. Подобно тому, как в осуществлении любого вида деятельности активное начало принадлежит субъекту деятельности, в организации дискурса такая роль принадлежит субъекту дискурса. В конкретных актах коммуникации участвуют не некие обезличенные человеческие существа, а конкретные личности; т. е. субъектом конкретного дискурса выступает конкретная языковая личность, у которой организация дискурса как особого вида текста предполагает наличие дискурсных способностей (Пушкин 1990). Связь между способами организации дискурса и дискурсными способностями личности является взаимообуславливающей. «Если за исходное взять дискурсные способности личности, то с некоторой долей уверенности можно прогнозировать порождение личностью определенного дискурса. В свою очередь, способ организации конкретного дискурса позволяет предполагать определенные способности личности, реализовавшиеся в данном дискурсе» [Пушкин, 1990. С. 52]. Личность, владеющую совокупностью дискурсных способностей на уровне всех «фаз интеллектуального акта», а именно ориентировки и планирования речевых и неречевых действий, формулировки плана действия в речевой форме, контроля и корректировки (по мере необходимости) речевых действий (Леонтьев 1977), предлагается называть языковой личностью (Караулов 1987; Пушкин 1990). Каким образом и в какой мере личность реализует свой потенциал дискурсных способностей, во многом зависит от условий коммуникативной обстановки, от свойств и отношений личности. О конкретной языковой личности можно говорить лишь в случае реализации в конкретном дискурсе ее конкретных дискурсных способностей.

При рассмотрении понятия дискурс в когнитивном аспекте значимыми представляются работы Н.Ф. Алефиренко («дискурс – это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами») [Алефиренко, 2008. С. 22]), Г.В. Токарева (дискурс как способ репрезентации содержания концепта), Т.А. ван Дейка (дискурс как высказывание, форму которого определяют когнитивные установки).

Т.А. ван Дейк говорит о дискурсе как о высказывании, содержание и форму которого определяют когнитивные установки (фреймы) [ван Дейк, 1989. С. 70–98]. Интерпретация дискурса, предложенная этим ученым, вошла в широкий научный обиход.

Концепция Т. ван Дейка строится на основе вовлечения в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т. п. (ван Дейк 1989). Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерений, эмоций, предпочтений, в соответствии с чем дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. В дискурсе, по мнению Т. ван Дейка, отражается сложная иерархия знаний, необходимая как при его порождении, так и при восприятии.

Преимущество такого понимания состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога: говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию.

Главной особенностью дискурсивного направления в целом, как справедливо считает Е.С. Кубрякова, является «убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его использованию» [Кубрякова, 2000. С. 10].

Решение проблемы определения дискурса становится возможным в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, учитывающей рассмотрение языковых явлений в русле антропоцентризма, то есть во взаимосвязи с человеком, его сознанием, мышлением, а также с процессами познания. Данный подход видится особенно актуальным, так как с позиций антропоцентрического направления может быть поставлена задача изучения языка в действии, когда «язык представляет собой инструмент, орудие, средство и механизм для осуществления определённых целей и реализации человеком определённых намерений – как в сфере познания действительности и её описания, так и в актах общения, взаимодействия с помощью языка» [Кубрякова, 1995. С. 217].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород, 2008. С. 22.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136.
3. Дейк Т.А. ван. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 70–98.

4. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса. М., 2000. С. 26.
5. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). Язык науки конца XX в. М., 1995. С. 217.
6. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: Теория, история, типология. М., 2000. С. 10.
7. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. С. 27–28, 50.
8. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста. М., 1978. С. 467.
9. Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990. С. 52.
10. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. С. 670.
11. Chafe W. Beyond Beads on a String and Branches in a Tree. Conceptual Structure, Discourse, and Language ed. by Adele Goldberg. Stanford, 1996. P. 49.
12. Fasold R. The Sociolinguistics of Language. Oxford, 1990. P. 65.

Ван Гуаннань¹⁴

КИТАЙСКИЕ ПРИМЕТЫ В СФЕРЕ ТОРГОВЛИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

In the article the author describes the results of public opinion poll of Chinese businessmen, their stereotypes, expressed in the texts of the professional omens.

Key words: professional community of trades, Chinese omens, professional subcultures, public opinion poll, stereotypes.

Ключевые слова: профессиональные сообщества торговцев, китайская примета, профессиональные субкультуры, опрос, стереотипные представления.

С 1990-х годов в России формируется и активно развивается профессиональное сообщество торговцев. Значительные доли в мелком и среднем бизнесе в Красноярском крае составили как русские предприниматели, так и мигранты из КНР. И те и другие сложились в самостоятельные профессиональные субкультуры с собственными нормами и стереотипами поведения, особенностями образа жизни и форм повседневного дискурса, символикой и атрибутами [Щепанская, 2003]. «Закрытость» традиций связана «с повышенной потребностью в идентификации и самоидентификации членов сообществ, стремящихся к культурной изоляции» [Современный городской

¹⁴ Научный руководитель – к. филол. наук А.К. Погребняк

фольклор, 2003. С. 11–12]. В то же время границы сообществ «неизбежно проницаемы» [Там же. С. 12].

Китайская и русская профессиональные субкультуры находятся в постоянном взаимодействии, частично заимствуя традиции друг друга.

Целью нашего исследования является выявление общих и специфических стереотипных представлений, которые бытуют и воспроизводятся в китайской и русской торговой среде в процессе повседневной коммуникации. В центре внимания находятся приметы: «нормативные суждения, где формулировка поведенческой нормы (правила, табу) подкрепляется ссылкой на разделяемые в данной среде представления» [Щепанская, 2006. С. 405]. В данной статье описывается первоначальный этап исследования, заключающийся в проведении опроса китайских предпринимателей.

Источником исследования послужили материалы интервью, собранные нами с сентября по декабрь 2011 года.

В опросе приняли участие 27 китайцев, связанных с торговой сферой: 24 предпринимателя, продавец, дизайнер-менеджер и студентка, чьи родители занимаются торговым бизнесом. Среди опрошенных оказалось 15 женщин и 12 мужчин, распределившиеся следующим образом по возрастным группам: 20–25 лет – 13 человек, 25–30 и 31–40 лет – по 7 человек. Таким образом, основную группу информантов составляют молодые люди, не имеющие высшего образования.

Большинство из опрошенных находится в России 2–3 года, трое никогда не были в России, а самый длительный срок пребывания составил 10 лет (1 человек).

Информантам было предложено 16 вопросов, касающихся способов привлечения удачи в торговле, предписаний и запретов, талисманов и действий с деньгами, символики чисел и дней.

На вопрос *Что приносит удачу в торговле?* большинство информантов сообщили, что предпочитают иметь какие-то талисманы и фигуры. Однако на похожий вопрос *Что нужно сделать, чтобы торговля была удачной?* информанты предлагали конкретные меры: исследовать рынок, рекламировать товар, набирать менеджеров. Судя по данным опроса, большое значение придается внешнему виду продавца: китайские предприниматели предпочитают деловой стиль в одежде. Значительная часть информантов сообщила, что надевает на работу любимую одежду.

Как и в русской культуре, в китайской традиции маркируется первый покупатель. Идеальный покупатель, по мнению китайского продавца, богат и щедр, он быстро выбирает и покупает товар не торгуясь. Чтобы привлечь такого покупателя, продавец обычно ставит главный товар (или кладет изображение товара) на самое видное место.

У китайских предпринимателей существует множество талисманов. В опросе было названо 9 талисманов, привлекающих покупателей, из них 2 мифологических существа, а также бог богатства.

Бог богатства – божество, которое ведаёт материальными ценностями людей. Считается, что во время Нового года он разбрасывает деньги людям; поэтому когда наступает Новый год, ему приносят что-то в жертву.

Мифологическими существами являются трёхлапая жаба с монетами во рту и Пи Сю – существо зеленого цвета с головой дракона, телом лошади и ногами дракона.

Особое значение имеет расположение жабы в доме и на рабочем месте: чтобы она приносила и увеличивала богатство хозяина, ее ставят лицом к внутренней комнате. Если ее поставить лицом к выходу, то деньги потеряются.

Пи сю может быть существом и мужского и женского пола. Оно имеет вид фигурки, подвески или браслета. Фигурку нельзя никому трогать; ее ставят напротив двери или окна определенным образом для привлечения покупателей.

Среди животных-талисманов были названы Счастливый кот, машущий одной лапой, будто приветствующий покупателей, и золотая рыбка. По-китайски золотая рыбка 金鱼 (цзинь юй). Последний иероглиф 鱼 «рыба» произносится так же, как иероглиф 余, означающий «избыток». Кроме фонетического принципа, в выборе этого животного в качестве талисмана сыграл роль смысловой принцип: золотой цвет символизирует золото, богатство.

Китайская капуста 白菜 (бай цай) по-китайски произносится так же, как и выражение «большое богатство» 百财 (бай цай), поэтому тоже используется в качестве талисмана в торговле.

Информанты упоминали в качестве талисманов растения, но не называли конкретных. Известно, что растительными талисманами являются Фу Гуй Чжу и дерево Яо Цянь. Фу Гуй Чжу (富贵竹) буквально означает «богатый дорогой бамбук» (富 фу – «богатый», 贵 гуй – «дорогой», 竹 чжу – «бамбук»).

Те, кто занимается торговлей, дома и на работе вешают изображение денежного дерева Яо Цянь 摇钱, на котором растут желтые плоды, похожие на монеты. 摇钱 Яо Цянь буквально означает «трясти деньги»: 摇 яо – «трясти, колебать, качать, шатать», 钱 цянь – «деньги, монета».

В качестве предметных талисманов используются хрустальный шар и колокольчик. Колокольчик, по китайским поверьям, исполняет желания. Хрустальный шар, использующийся при гадании, по-китайски 水晶球 (шуй цзин цю). Главным является последний иероглиф 球 «шар», написание которого близко к написанию иероглифа 求, означающего «обращаться за помощью, просить, умолять, спрашивать». Кроме этого, иероглифы 球 и 求 одинаково произносятся цю. Шар по-китайски 圆满 (юань мань), где иероглиф 圆 (юань) означает «круглый», а 满 (мань) – «полный, довольный», что также символизирует «благополучие». Первый и второй иероглифы в слове 水晶球 (шуй цзин цю) называют материалы: 水 (шуй) означает «вода, жидкость», 晶 (цзин) – «хрусталь».

Большинство информантов сообщило, что деньги первого покупателя они тратят. Что касается купюры, то многие считают, что большая купюра приносит удачу в торговле.

На вопрос *Складываете ли деньги определенным образом?* почти никто не дал ответа. Многие думают, что деньги надо считать, когда руки грязные. 12 человек кладут морскую или крупную соль в кошелёк, чтобы привлечь деньги. А 15 человек положат в кошелёк иностранную валюту.

На вопрос *Как поступите, если упадет мелочь на пол?* 17 человек ответили, что поднимут мелочь, остальные сказали, что выбросят её. Все информанты считают, что если чешется рука, то значит, что предстоят траты.

Счастливыми числами большинство информантов назвали 8 и 6. Число 8 (ба) произносится почти так же, как иероглиф 发 (фа), который означает «много денег». Число 6 по китайским представлениям символизирует успешность, спокойствие, безопасную дорогу. Несчастливым числом информанты назвали 4, так как по-китайски оно произносится так же, как иероглиф 死 (си), означающий «смерть».

На вопросы, касающиеся дней недели, были сообщены запреты: *В понедельник нельзя отдавать деньги; В пятницу нельзя носить чёрную одежду.* Большая часть информантов ответили, что лучшее время для продажи – вторая половина дня, а лучшее время для открытия бизнеса – начало месяца.

Результаты опроса показывают, что в сфере торговли бытуют как традиционные приметы и поверья (как например, представления о символике чисел), так и специфические, свойственные только данной профессиональной группе.

Оказалось, что после 30 лет китайцы верят в приметы меньше. В основном это люди, которые давно занимаются торговлей, поэтому в большей степени полагаются на свой опыт, знание рынка, чем на внешние факторы.

Большое значение для китайцев имеют талисманы. В выборе предмета действуют разные принципы или их сочетание, например, выбор китайской капусты, золотой рыбки в качестве талисманов обусловлен фонетическим принципом, а выбор хрустального шара – графическим, фонетическим и смысловым принципами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современный городской фольклор. М., 2003. 736 с.
2. Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 1. С. 139–161.
3. Щепанская Т.Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. 2. М., 2006. С.405–427.

К.П. Герасимова¹⁵

**ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
НА ФОНЕТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ТЕКСТА С ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ЭССЕ ОРХАНА
ПАМУКА «ДРУГИЕ ЦВЕТА»)**

The article is devoted to the problem of lexical units that have expression on the phonetic level while translating from Turkish into Russian. The basis of the article is a linguistic analysis of the essay collection "Oteki Renkler" by Orhan Pamuk. The translation methods of words the sound components of which could add additional image-bearing message are described. A special attention is paid to the examples showing differences and similarities in image-bearing sentences from the original essay collection and from its translation into Russian language. Also, the purposes of using expression-bearing lexical units on the phonetic level are mentioned in this article.

Key words: *lexical units, expression, phonetic level, translation methods, image-bearing sentence*

Ключевые слова: *лексическая единица, фонетический уровень, способы перевода, экспрессивные предложения*

Выбор верного эквивалента при переводе с одного языка на другой является важным аспектом взаимодействия нескольких разноязычных культур. Поэтому следует не выпускать из вида культурные особенности страны, а стараться интерпретировать их, сделать понятными для культуры страны переводящего языка. Также не стоит забывать и о том, что при переводе могут возникать трудности, связанные с переводом категории экспрессивности. Зачастую с помощью фонем передается смысл высказывания, эмоции автора. При неправильной интерпретации исходного текста на фонетическом уровне можно встретиться с потерей смысла, задуманного автором, в результате потеряется эффект, который хотел передать автор.

Турецкая литература содержит в себе большое количество экспрессивных единиц, даже на фонетическом уровне, выражающихся в звукоподражании, звукообразности, звукописи и звуковой метафоре, поэтому можно столкнуться с экспрессивностью даже в таком жанре, как эссе, который допускает использование формальной и нейтральной лексики, но не требует значительного количества экспрессии.

На материале сборника эссе Орхана Памука «Другие цвета» можно проследить, какие средства экспрессии используются в оригинале и каким образом они переводятся на русский язык, сохраняется ли в переводе категория экспрессивности, передаваемая автором, а если нет, то чем она заменяется и как это влияет на переведенный текст.

В наши дни не существует достаточного количества теоретических работ, связанных с переводом литературы с турецкого языка на русский язык. В связи с этим исследование, проведенное на материале сборника эссе Орхана Памука

¹⁵ Научный руководитель – к. филос. наук, доц. О.Н. Волкова

«Другие цвета», может помочь начинающим переводчикам учитывать и сохранять экспрессивные особенности текста на фонетическом уровне, принимая во внимание звуковые возможности турецкого и русского языков и передавая с их помощью все то, что было отражено в тексте-оригинале. Более того, данное исследование обратит внимание читателей на возможность звуков передавать определенную атмосферу, и позволит более внимательно отнестись к фонетическим особенностям предложения и текста.

Как было отмечено выше, категория экспрессивности на фонетическом уровне может быть выражена различными способами: с помощью звукоподражания, звукосимволизма, звукописи и звуковой метафоры. Для начала следует определиться, что подразумевается под тем или иным понятием.

В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой звукоподражание определяется как «условное воспроизведение звуков природы и звучаний, сопровождающих некоторые процессы (дрожь, смех, свист и т. п.), а также криков животных»; и как «создание слов, звуковые оболочки которых в той или иной степени напоминают называемые (обозначаемые) предметы и явления (хохот, кукушка, мурлыкать)» [Ахманова, 1966. С. 157].

Энциклопедия языкознания определяет звукосимволизм как «слова, обозначающие различные виды движения, световые явления: форму, величину, удаленность объекта, форму, походку, мимику, физиологическое и эмоциональное состояние человека и животных, напр. *англ. totter* «идти неверной походкой; трястись, шататься», *кхмер. тотрет-тотроут* «ходить пошатываясь», *лат. bulla* «водяной пузырь» [Языкознание // Энциклопедия языкознания].

В проведенном исследовании явление звукосимволизма не рассматривалось, так как для его определения не существует специальных словарей, а критерии его определения более расплывчаты чем, например, критерии определения звукоподражаний.

В литературной энциклопедии звукопись рассматривается как «совокупность приёмов фонетической организации текста; характеризуется звуковыми повторами, к числу которых относятся аллитерация, консонанс и ассонанс. Звукопись применяется для создания особой выразительности, образности речи, что способствует образной передаче мысли» [Литературная энциклопедия, 1939. С. 157].

Ю.М. Лотман определяет звуковую метафору как любое приравнивание одного звукового комплекса другому (рифма, разного рода звуковые повторы). Звуковая метафора основывается не на априорном сходстве звучаний, но сама устанавливает его [Звуковая метафора vs звуковая метонимия].

Например, в эссе «Взгляд из окна» категория экспрессивности передается как звукоподражанием и звукописью, так и звуковой метафорой. *Pencereden bakmak öylesine temel bir alışkanlıktı ki, televizyon Türkiye'ye geldiğinde ona pencereden dışarı bakar gibi bakılmaya başlandı* [Orhan Pamuk, 1999. С. 21]. *Смотреть из окна было настолько серьезным времяпрепровождением, что, когда в Турцию наконец «пришло» телевидение, то телевизоры смотрели так,*

словно смотрели из окна на улицу [Памук, 2008. С. 481]. В турецком предложении используется ассонанс, который с помощью широких звуков (/a/, /u/) передает ощущение долготы совершаемого действия, дает возможность прочувствовать, что совершаемое действие было важным событием, от которого невозможно оторваться. В переводе вышеупомянутого предложения на русский язык заметен тот же прием, но с использованием гласных звуков /a/ и /u/, что помогает сохранить впечатление, передаваемое автором в оригинальном тексте.

Babam, amcam, babaannem pencereden bakarken yaptıkları gibi, televizyon seyrederken ve birbirlerinin yüzüne hiç bakmadan konuşup kavga ederler, tıpkı pencereden dışarı bakarken yaptıkları gibi gördüklerini birbirlerine anlatırlardı [Orhan Pamuk, 1999. С. 21]. *Глядя в телевизор, отец, дядя, бабушка точно также разговаривали и ссорились, не глядя друг на друга, и точно также сообщали друг другу то, что видят* [Памук, 2008. С. 481]. Здесь можно выделить звуковую метафору и аллитерацию, выраженную повторением звука /r/ в оригинале, с помощью которой передается звук разговоров и споров, о которых идет речь. В переводе данного предложения на русский язык этот прием отображается полностью, так как в нем так же используется звук /p/.

Babaannemin salonu bütün öteki katlar gibi yarı karanlık olurdu, ama bana bizim katlardan daha da karanlıkmiş gibi gelirdi [Orhan Pamuk, 1999. С. 22]. *Гостиная в квартире бабушки была полутемной, как и наша квартира, но мне она казалась гораздо более мрачной* [Памук, 2008. С. 482]. В турецком предложении используется ассонанс, выраженный повторением широкого гласного звука /a/, что помогает восприятию данного предложения, рисуя в воображении просторную комнату. Кроме того, используя в сочетании с ассонансом аллитерацию (в данном случае повторение звуков /k/ и /r/), автор подчеркивает слово *karanlık* (*темнота*), что также наполняет уже созданный образ комнаты темнотой. В предложении-переводе ассонанс не теряется, а играет ту же роль, что и в оригинале, однако ощущение темноты не передается, что приводит к потере образности всего предложения. Отсюда следует, что оригинальное предложение более экспрессивно и образно.

Hiç açılmayan balkon kapılarının kenarlarından korkutucu gölgelerle sarkan tüller ve perdeler yüzünden belki [Orhan Pamuk, 1999. С. 22]. *Возможно, из-за тюлевых занавесок и штор, отбрасывающих жутковатые тени на никогда не открывавшиеся балконные двери* [Памук, 2008. С. 482]. В данном примере в обоих предложениях с помощью ассонанса, выраженного повтором долгого звука /a/, подчеркивается идея самого предложения, а именно: что балконная дверь никогда не открывалась. Однако из-за строения турецкого языка предложение-оригинал является более экспрессивным, так как образованные с помощью суффиксов причастия (-an), отрицания (-ma) и множественного числа (-lar) слова как бы состоят из сплошной цепочки гласных звуков /a/.

Belki de sedef kakmalı paravanalar, eski sandıklar, lenduha masalar, sehpa, üzeri çerçeveli fotoğraflarla dolu kuyruklu bir koca piyano ve diğer eşyalarla tıkkış tıkkış doldurulmuş havasız odalar sürekli toz koktuğu için öyle gelirdi bana [Orhan

Pamuk, 1999. С. 22]. *А может быть, мне так казалось из-за того, что душные комнаты были битком забиты инкрустированными перламутром ширмами, старинными сундуками, огромными грубыми столами, ломберными столиками и огромным пианино, верхняя крышка которого была уставлена фотографиями в рамках, и всегда пахло пылью* [Памук, 2008. С. 482]. В турецком предложении с помощью использования слов (*tıkış tıkış* - *переполненный*), содержащих, согласно этимологическому онлайн-словарю Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü Севана Нишаньяна [Sözlerin soyacağı // Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü // Sevan Nişanyan], звукоподражательный корень (*tık-*, изначально являющийся корнем *tak-* и передающий звук удара), благодаря ассонансу, выраженному в использовании долгих гласных звуков (/i/, /u/, /a/) и редупликации, выраженной повторением лексем *tıkış tıkış*, подчеркивается то, что комната наполнена ненужными вещами, что не отображается в предложении на русском языке. Однако использование ассонанса и аллитерации в окончании слов при перечислении как в турецком (*-lar*), так и в русском (*-ами*) предложениях помогает понять, что всех перечисленных вещей было слишком много, добавляя контекст их ненужности.

Boş caddeye uzun uzun baktım [Orhan Pamuk, 1999. С. 22]. *Я долго смотрел на пустую улицу* [Памук, 2008. С. 482]. В данном примере отчетливо видно подчеркивание долготы действия с помощью ассонанса, который в турецком предложении выражается не только с помощью долгих гласных звуков /u/ и /a/, но и с помощью редупликации (*uzun uzun*), занимающей особое место в звукоизобразительной системе турецкого языка. При использовании редупликации не только добавляются качественные и количественные признаки, но еще и меняется смысл всего выражения. В переводе предложения на русский язык так же заметен ассонанс, выраженный долгим гласным звуком *о*. Однако, выбирая для перевода лексему «долго», переводчик нейтрализует редупликацию предложения-оригинала, которая подчеркивает длительность описываемого действия. Этого можно было бы избежать, заменив вышеупомянутую лексему словосочетанием «очень долго». Тем не менее, отсюда можно сделать вывод, что здесь переводчик передал сообщение не только с его лексической, но и с его звукоизобразительной стороны.

Yağmur yağmaya başladığında annem hala ağır ağır saçımı okşuyordu [Orhan Pamuk, 1999. С. 31]. *Когда пошел дождь, мама все еще гладила меня по голове* [Памук, 2008. С. 494]. В оригинале используются аллитерация в сочетании с ассонансом для передачи длительности идущего дождя (*yağ-*, *-ıgı-*, *ağı-*) а также для того, чтобы акцентировать внимание на сходстве длительности природного явления и действия матери с добавлением оттенка грусти. Редупликация *ağır ağır* также подчеркивает длительность, что сохраняется в переводе на русский язык с помощью словосочетания *все еще гладила*. В предложении-переводе длительность подчеркивается ассонансом (гласный звук /e/), однако взаимосвязь с природным явлением не отображается. Но звуковой состав слова *дождь* (*yağmur*) в обоих языках вызывают ощущение падающих капель. Более

того, повторение гласных звуков /a/ и /o/ как в турецком, так и в русском предложениях подчеркивает их цельность и линейность.

Из вышеприведенных примеров видно, что в переводе на русский язык ассонанс и аллитерация в основном сохраняются, несмотря на то, что в некоторых предложениях данные приемы опускаются. Такая же тенденция прослеживается и в остальных примерах из данного произведения. Кроме того, во многих случаях используется и звуковая метафора, отражающая атмосферу, которую автор хотел передать в оригинале. В примерах с использованием звукоподражаний чаще всего встречается денатурализация звукоподражательных единиц (также называемых *ономатопами*) или же их опущение, реже – подбор соответствующего звукоподражательного эквивалента. Скорее всего, это объясняется тем, что турецкие ономатопы не имеют соответствующего звукоподражательного эквивалента в русском языке, и если в переводе не используется замена ономатопа звукописью или звуковой метафорой, то предложение и текст в целом теряют дополнительную экспрессивность. Однако учитывая, что рассматриваемый текст относится к жанру эссе, который (хоть и является жанром, близким к разговорному) не предусматривает использования избыточно экспрессивной лексики, можно сделать вывод, что при потере эффекта, передаваемого с помощью ономатопов, совершенно не теряется нужная стилевая окраска жанра. Таким образом, по причине недостатка в области передачи смысла и различных стилистических эффектов сам литературный жанр только приобретает свои дополнительные свойства.

Очевидно, что оригинал эссе более экспрессивно окрашен, чем его перевод на русский язык, так как турецкое предложение может содержать все рассматриваемые нами экспрессивные средства, а в его переводе они могут быть отражены каким-либо одним способом, теряя тем самым атмосферу и эффект, передаваемый автором в сборнике эссе на турецком языке. Таким образом, экспрессивно окрашенные предложения, встречающиеся в сборнике эссе Орхана Памука «Другие цвета», могут быть разделены на следующие подгруппы:

- предложения, в которых сохраняется экспрессивность и атмосфера, передаваемая автором, и в которых перевод был выполнен с помощью тех же средств, которые были использованы в оригинале;

- предложения, в которых экспрессивность передается другими средствами (как, например, использование вместо аллитерации ассонанса, либо вместо звукоподражания – фразеологизмов);

- предложения с потерей экспрессивности, образности, дополнительной эмоциональности, которую хотел передать автор.

Для перевода предложений, содержащих экспрессивно-окрашенные на фонетическом уровне лексические единицы, использовались следующие приемы:

- сохранение исходного фонетического приема;
- замена одного фонетического приема другим;

- денатурализация фонетического приема;
- опущение фонетического приема.

Кроме того, проделанный анализ позволяет определить, что средства экспрессии на фонетическом уровне служат для:

- расстановки определенных смысловых акцентов, связывая между собой нужные лексические единицы и удерживая внимание на том или ином действии, предмете;
- подчеркивания манеры совершения действия: его стремительности (повторение согласных звуков), частотности или длительности совершения действия (например, использование долгих или коротких гласных звуков, аллитерации, звуковой метафоры);
- предоставления воображению читателя возможности нарисовать обстановку происходящего действия;
- передачи звукового состава самого действия или характера объекта, его совершающего.

Пронаблюдав особенности перевода экспрессивно окрашенных на фонетическом уровне лексических единиц, можно прийти к выводу, что при правильном подборе лексических единиц и построении предложений текста-перевода существует возможность сохранить передаваемые в тексте-оригинале эффекты, образы и звуки. Данный процесс не нанесет никакого вреда стилю, так как все вышеперечисленные эффекты, осуществляемые посредством аллитерации, ассонанса, звукоподражания, звуковой метафоры и звукосимволизма, будут замечены читателем на подсознательном уровне и воссоздадут тем самым закодированную информацию, сообщаемую тем или иным предложением и текстом в целом, их образностью и выразительностью.

Отсюда следует, что не стоит избегать определенных стилистических эффектов на фонетическом уровне, ведь это помогает донести информацию до читателя без потери тех деталей, которые автор хотел передать с их помощью в тексте-оригинале. Если же использование данных приемов придает излишнюю экспрессивность и наносит ущерб стилю, можно подобрать другой прием, который передаст тот же эффект, но с меньшей экспрессией. Например, имея звукоподражательное слово в предложении-оригинале, можно отразить передаваемые им образы с помощью аллитерации, ассонанса или же звуковой метафоры.

Необходимо отметить, что хотя в русском переводе сборника эссе Орхана Памука «Другие цвета» и было замечено опущение некоторых экспрессивно окрашенных на фонетическом уровне лексических единиц, в основном в нём присутствует общая атмосфера и образность, которые передаются в предложении-оригинале и тексте в целом. Именно поэтому, читая сборник эссе и на турецком, и на русском языках, читатель получает не только информацию, но и впечатления от эмоциональной обстановки, передаваемой автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
2. Языкознание // Энциклопедия языкознания. Режим доступа: <http://jazykoznanie.ru/206/>.
3. Литературная энциклопедия. В 11 т. / под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского. М., 1939.
4. Звуковая метафора vs звуковая метонимия. Режим доступа: http://diction.chat.ru/zvuk_met.html.
5. Orhan Pamuk. Öteki renkler: seçme yazılar ve bir hikaye / Orhan Pamuk. – İstanbul, 1999. 440 с. Памук О. Другие цвета: избранные очерки и эссе / Орхан Памук; [перевод с тур. Аполлинаруи Аврутиной]. – СПб., 2008. 531 с.
6. Sözlerin soyacağı // Çağdaş Türkçenin Etimolojik Sözlüğü // Sevan Nişanyan. Режим доступа: <http://www.nisanyansozluk.com/>.

А.В. Гусейнова¹⁶

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИЯ

The article is devoted to the problems connected with language loyalty dynamics in the Republic of Khakassia. Analysis of the results of surveys showed different attitudes of Russian and Khakass respondents to the Khakass language.

Key words: *language loyalty, language tolerance, linguistic situation, dynamics of sociolinguistics processes, language shift.*

Ключевые слова: *языковая лояльность, языковая толерантность, языковая ситуация, динамика социолингвистических процессов, языковой сдвиг.*

Важным фактором оценки языковой ситуации является языковая лояльность. Этот термин трактуется исследователями двояко. Со стороны этнического меньшинства языковая лояльность – «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку. Я. л. проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения» [Словарь социолингвистических терминов, 2006. С. 261–262]. Второе значение этого термина – то же, что и «языковая терпимость» или «языковая толерантность», то есть «уважительное отношение со стороны численно или социально доминирующего на какой-л. территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам этнических групп, проживающих на той же территории» [Словарь социолингвистических терминов, 2006. С. 267].

¹⁶ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т.Г. Боргоякова

Высокий уровень лояльности к родному языку является показателем высокой этнической самооценки и комфортного самочувствия этноса на данной территории; толерантность по отношению к неродным языкам свидетельствует о наличии спокойных, добрососедских отношений между представителями этносов, населяющих регион, что является залогом их мирного сосуществования и успешной межкультурной коммуникации. Низкий же уровень языковой лояльности и языковой терпимости настораживает и сигнализирует о наличии каких-либо негативных явлений в области национального самосознания и межнациональных отношений. Именно поэтому для работы в области языковой политики так важно знать, насколько лояльно общество к родным и неродным языкам, функционирующим на данной территории.

Для того, чтобы определить уровень языковой лояльности и языковой терпимости в Республике Хакасия, в 2012 году нами было проведено анкетирование среди представителей русской и хакасской молодёжи в возрасте от 17 до 30 лет. Первыми вопросами анкеты были: «Думали ли Вы когда-нибудь изучать хакасский язык?» и «Было бы для Вас интересно изучать хакасский язык?». Положительный ответ на эти вопросы был получен от 21,5 % и 18 % русских респондентов соответственно, отрицательный – от 78,5 % и 82 %. Среди хакасских же респондентов только 5 % указали, что не интересуются хакасским языком и никогда не думали его изучать. Следует отметить, что результаты анкетирования по данным вопросам несколько разнятся с теми, что были получены 10 лет назад. Так, в монографии Т.Г. Боргояковой «Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири» представлены следующие данные: хотели бы выучить хакасский язык 26 % русских и 46 % респондентов других национальностей. [Боргоякова, 2002. С. 201]. Таким образом, показатель по первой группе уменьшился, по второй – увеличился; однако следует отметить, что во второй группе у автора исследования были информанты не только хакасской, но и других национальностей, что не могло не отразиться на результатах анкетирования.

На вопрос: «Как Вы думаете, все ли хакасы владеют хакасским языком?» 19 % русских респондентов дали положительный ответ, 76 % – отрицательный, 5 % затруднились ответить. При этом положительных ответов в группе хакасских респондентов было всего 5 %, столько же затруднились ответить на этот вопрос, а 90 % считают, что родным языком владеют не все хакасы. Названные респондентами причины невладения хакасами родным языком также разнятся. Русские респонденты считают, что главной из них является нежелание изучать родной язык. Часто указывается и на «преобладание русского языка и русского населения», а также на то, что «на нём не разговаривают в семье», «он не преподаётся». Хакасские же респонденты видят главную причину именно в том, что «язык не преподаётся», и лишь затем следует указание на «преобладание русского языка» и «нежелание изучать родной язык». На наш взгляд, причина такого расхождения во мнениях кроется в большей информированности хакасских респондентов относительно

реального положения дел в области преподавания хакасского языка. В силу того, что хакасам более близка эта тема, они знают, что лишь в небольшом количестве школ хакасский язык преподаётся как один из учебных предметов, а в качестве языка обучения его можно встретить ещё реже. И несмотря на то, что с нынешнего года положение хакасского языка в сфере образования изменилось в лучшую сторону [см. В школы республики возвращается хакасский язык], этого пока недостаточно для того, чтобы исключить образовательный фактор из списка причин, по которым не все хакасы владеют родным языком.

Респондентам был также задан вопрос: «Часто ли Вы слышите хакасский язык?» Здесь количество положительных и отрицательных ответов разделилось практически поровну: 45,5 % русских и 55 % хакасов ответили, что слышат его часто, соответственно 54,4 % и 45 % – редко. Однако различными оказались места и ситуации, в которых респонденты слышат хакасский язык: русские респонденты чаще всего слышат его на улице, в вузе, в общественном транспорте, в общепите, по телевидению, в деревне. Для хакасских респондентов он звучит прежде всего дома (в семье) и в деревне.

Далее респондентам было задано несколько вопросов, касающихся преподавания хакасского языка в школе. На вопрос «Если бы в вашей школе началось преподавание хакасского языка, хотели бы Вы, чтобы Ваши дети посещали этот предмет?» все хакасские респонденты ответили положительно, а в группе русских респондентов положительных ответов было всего 21,5 % (остальные 78,5 % не желали бы, чтобы их детям преподавался хакасский язык). Однако при ответе на вопрос «Считаете ли Вы необходимым, чтобы хакасские дети имели возможность изучать хакасский язык?» мнения обеих групп практически совпали: было получено 100 % положительных ответов в группе хакасских респондентов и 90 % – в русской группе. Такое единодушие свидетельствует о том, что этническое большинство, не желая изучать миноритарный язык, всё же признаёт это право неотъемлемым для коренного этноса, что свидетельствует об отсутствии враждебности по отношению к соседнему этносу и его языку и является показателем достаточного уровня языковой толерантности. На вопрос «Стоит ли сделать изучение хакасского языка обязательным для всего населения Республики Хакасия?» большинство респондентов (90 % русских и 65 % хакасов) ответило отрицательно, хотя здесь следует отметить, что сторонников такого потенциального нововведения в хакасской группе всё же больше (35 %), чем в русской (10 %).

Похожие результаты были получены Т.Г. Боргояковой в 2002 году. Оценивая витальность хакасского языка и выражая отношение к изучению его в школе, 84 % русских и 89 % респондентов других национальностей отметили, что, по их мнению, сохранять хакасский язык можно и нужно. При этом только 22 % респондентов из первой группы и 24 % из второй считают, что следует сохранять и развивать только русский язык. Сторонников введения обязательного изучения хакасского языка в группе русских респондентов –

19 %, в группе респондентов других национальностей – 48 %. [Боргоякова, 2002. С. 201].

Однако при всех этих положительных результатах внушает тревогу характер ответов на вопросы, которые касаются динамики социолингвистических процессов в Хакасии. Так, на вопрос «Делается ли в республике что-нибудь для распространения хакасского языка?» 37 % русских респондентов ответили положительно, 28 % - отрицательно, 35 % затруднились ответить. Среди тех мер, которые предпринимаются для распространения хакасского языка, ими были отмечены: преподавание языка в некоторых школах, трансляция телепередач на хакасском языке, а также проведение тематических вечеров и мероприятий, посвящённых хакасскому языку. Что же касается хакасских респондентов, то среди них значительно меньше тех, кто замечает какие-то специальные шаги по распространению хакасского языка: всего 20 %. 35 % респондентов этой группы полагают, что для популяризации языка ничего не делается, а 45 % затруднились ответить.

Один из основных вопросов анкеты звучал так: «Какие изменения в этом плане (то есть в плане распространения хакасского языка – А.Г.) Вы заметили за последние 20 лет?» Ответы на него оказались неутешительными. Всего 11 % русских респондентов и 15 % хакасских указали, что какие-то изменения есть. При этом характер этих изменений не может не внушать тревоги: почти все респонденты считают, что число носителей хакасского языка уменьшается. 27 % русских и 50 % хакасов не заметили никаких изменений, а 62 % русских и 35 % хакасов затруднились ответить на этот вопрос. Эти цифры свидетельствуют о том, что работа, которая проводится органами власти, школой и всеми теми, кто неравнодушен к судьбе хакасского языка, мало заметна жителям нашей республики.

Отметим, однако, что степень осознания проблем, связанных с положением языка титульной нации республики, за последние 10 лет повысилась. Согласно результатам анкетирования, проведённого Т.Г. Боргояковой, только 34 % русских респондентов считали, что существует угроза исчезновения хакасского языка. В группе респондентов других национальностей эта цифра достигла 71 %. Эти данные свидетельствуют о том, что в настоящее время обе группы респондентов обеспокоены состоянием хакасского языка и признают, что для устранения угрозы его исчезновения или хотя бы замедления языкового сдвига необходима очень серьёзная работа. Т.Г. Боргоякова, ссылаясь на Дж. Фишмана, подтверждает эти выводы: «Никакой объём позитивного отношения к языку не может заменить совершенно конкретной работы по восстановлению языка и вербальной культуры» [Боргоякова, 2002. С. 232].

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что за последние 10 лет в общественном сознании произошли следующие изменения, касающиеся функционирования хакасского языка. Количество русских респондентов, интересующихся хакасским языком и желающих его изучать, сократилось с 26 % до 21 %, а количество респондентов других национальностей, напротив,

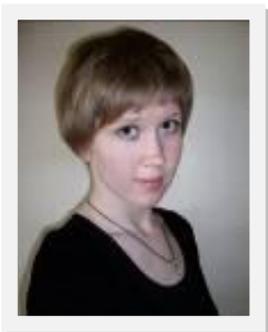
увеличилось с 46 % (2002) до 95 % (2012). Отметим, впрочем, что в группе «Респонденты других национальностей», которая отвечала на вопросы анкеты в 2002 г., были, очевидно, не только хакасы, но и представители других этнических групп, для которых хакасский язык не является родным. Этот факт обязательно следует учитывать при исследовании динамики языковой лояльности.

Несколько изменилось также количество тех, кто считает необходимым сделать изучение хакасского языка обязательным для всего населения республики. В 2002 г. сторонников этой меры среди русских было 19 %, в 2012 стало 10 %. В группе респондентов других национальностей в 2002 г. их было 48 %, в 2012 в группе хакасских респондентов стало 35 %. Таким образом, показатель уменьшился в обеих группах.

Повысилась, однако, степень осознания проблем, связанных с положением хакасского языка. Так, в 2002 г. 34 % русских респондентов и 71 % респондентов других национальностей считали, что существует угроза исчезновения хакасского языка. В 2012 г. 63 % русских и 80 % хакасских респондентов считают, что в республике ничего не делается для распространения хакасского языка или затрудняются назвать какие-то конкретные меры. Всего 11 % русских и 15 % хакасских респондентов заметили какие-то изменения, произошедшие в области распространения хакасского языка за последние 20 лет, при этом изменения эти касаются в основном сокращения числа носителей языка. Всё это позволяет сделать вывод о том, что несмотря на достаточные показатели языковой лояльности и языковой толерантности, для замедления процесса языкового сдвига в Республике Хакасия предстоит очень серьезная работа в области языкового планирования и повышения реального статуса хакасского языка как государственного языка республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боргоякова Т.Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири. Абакан, 2002. 266 с.
2. В школы республики возвращается хакасский язык. Режим доступа: <http://www.19rus.info/news/66796.html>
3. Словарь социолингвистических терминов // Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006 г. 312 с.

А.С. Николаева¹⁷

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛЕКСИКА КОРЕЙСКОЙ ПОЭМЫ «어부사시사» («ВРЕМЕНА ГОДА РЫБАКА») КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА

The article dwells upon the problem of translating landscape text units from Korean into Russian. Their formal and content peculiarities in translation aspect are analyzed on the basis of «어부사시사», a classical work of medieval Korean poetry written by Yun Seon Do.

Key words: *sijo, Korean poetry, Korean literature, literary translation, poetic translation, landscape text units.*

Ключевые слова: *сиджо, корейская поэзия, корейская литература, художественный перевод, поэтический перевод, пейзажная лексика.*

Язык является ключевым элементом человеческой культуры, отражающим национальное самосознание, духовное богатство и историческую память народа. Литература, в свою очередь, бережно хранит богатство национального языка и представления людей об окружающем их мире.

Восточная культура в значительной мере отличается от западной. В основе западной культуры лежит стремление человека к познанию внешнего мира, в то время как восточное мировоззрение строится на самоизоляции личности и уходе во внутреннюю духовную жизнь. В мировосприятии восточного человека отсутствует активное начало [Жарикова, 2008. С. 123], так как, согласно главному принципу даосизма, смысл бытия заключается в подчинении жизненной силе природы. Данная концепция на протяжении многих столетий является одной из главных тем восточной поэзии, в том числе и корейской.

Подобные мотивы в корейской поэзии были навеяны традициями Китая, с которым у Кореи имеются давние экономические и культурные связи. Философской базой стали даосизм и буддизм, получившие распространение внутри страны в XV–XVII веках. Как и китайцы, корейцы верили, что истинной духовной гармонии можно достичь лишь вдали от цивилизации, в единении с природой. Кроме того, корейскому народу не была чужда идея зыбкости бытия, ведь бытие неразрывно связано с природой, которая, подобно человеческой судьбе, постоянно демонстрирует изменчивость. Неудивительно, что излюбленным мотивом корейской поэзии были времена года, выражавшие идею текучести времени и перехода из одного состояния в другое.

Язык корейской пейзажной лирики весьма близок к языку живописи. Во многом эта связь объясняется графичностью используемых в тексте китайских иероглифов, внешняя форма которых обладает высоким эстетическим потенциалом и значительно влияет на восприятие читателя. Однако не менее важную роль играет содержательная сторона пейзажной лексики, её

¹⁷ Научный руководитель – канд. пед. наук, доц. В.А. Кононова, консультант – канд. филол. наук, проф. В.А. Разумовская

семантическая насыщенность, смысловая ёмкость и полифункциональность. Данная особенность обусловлена действием закона «единства и тесноты стихотворного ряда», предложенного Ю. Тыняновым, который гласит, что в пределах строки слова теснее, чем в прозе, связаны друг с другом и сильнее воздействуют друг на друга [Тынянов, 1965. С. 33]. Как метко отмечает М.М. Бахтин, «только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо стороны его напряжены до крайности; поэзия, как бы, выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» [Бахтин, 1975. С. 46].

В пространстве поэтического произведения пейзажная лексика выполняет различные функции. В данной статье мы рассмотрим лишь основные из них. В первую очередь, пейзажная лексика обладает эстетической функцией, так как служит средством художественной выразительности, удовлетворяя эстетическое чувство адресата. Пейзажные описания могут создавать фон сюжетных событий, то есть осуществлять функцию «актуализации пространственного континуума произведения» [Кухаренко, 1988. С. 137]. Об эмоционально-экспрессивной функции пейзажной лексики идёт речь в эпизодах, соотносимых с внутренним миром героя, где пейзажные описания участвуют в создании определённой эмоциональной атмосферы. Например, вечерняя заря, ровная гладь реки и тишина создают атмосферу умиротворения и спокойствия. Кроме того, в поэтическом контексте пейзажный образ становится многозначным, приобретая символическую функцию. Так, традиционный образ петляющей в горах тропинки в восточной поэзии является символом ухода человека из суетного мира людей и приобщения к духовной чистоте природы.

Известно, что корейская пейзажная поэзия является достаточно сложным объектом перевода ввиду её культурного своеобразия. Основная сложность состоит в том, что в произведениях нет чётко выраженного сюжета: акцент делается не на событиях, а на переживаниях и размышлениях героя, обусловленных картинами природы. Кроме того, пейзажная лексика изобилует коннотациями и ассоциациями, чаще всего незнакомыми западному читателю. Уже упомянутая выше семантическая насыщенность и полифункциональность также представляют определённую трудность, так как адекватность перевода поэтического произведения напрямую зависит от характера интерпретации переводчиком его эстетической и эмотивной составляющих.

Все вышеуказанные проблемы были рассмотрены нами на материале корейской поэмы «어부사시사» («Времена года рыбака») при её переводе на русский язык. Объектом анализа стала пейзажная лексика, преимущественно заимствованная из китайского языка. Автором произведения является Юн Сон До (1587—1642), выдающийся корейский поэт и политический деятель. В период феодальной борьбы он провёл немало лет в изгнании, что оказало заметное влияние на его творчество. Результатом нескольких десятков лет отшельнической жизни стали классические произведения корейской литературы. Юн Сон До оставил шесть томов сочинений, включая упомянутую поэму «Времена года рыбака». В стихах поэта заметно стремление отойти от традиционного изображения мира. Именно он впервые обратился к народной

песенной традиции и стал заменять китайскую лексику исконно корейской, что способствовало поднятию национальной поэзии на качественно новый уровень.

«Времена года рыбака» (1655) – это цикл из 40 стихотворений, описывающих четыре времени года. Он состоит из четырёх частей, в каждой – десять стихотворений, посвящённых тому или иному сезону. Поэма представляет собой классический образец корейской пейзажной лирики *канхо* (강호, «поэзия рек и озёр»). Поэтическим героем является рыбак – старинный образ мудреца, живущего среди природы, который широко используется в поэзии Китая и Кореи. Уход человека от мирской суеты и единение с природой, чья суть – изменчивость, представляют собой основной лейтмотив данного стихотворного цикла.

Поэма написана в жанре средневековой классической поэзии, получившем название *сиджо* (시조). Отличительной особенностью стихотворений этого жанра является чёткая метрическая организация. Форма сиджо представляет собой трёхстишие размером в 44–46 слогов, каждая строка которого делится цезурой на два относительно самостоятельных полустишия. При этом размер каждой строки колеблется от 14 до 16 слогов. Стоит отметить, что в сиджо отсутствует рифма в её европейском понимании, но наличие мелодики обязательно.

Важнейшей чертой поэтического художественного текста, в отличие от текста прозаического, является тесная связь его формы и содержания. Иными словами, характерной особенностью поэтического текста является изоморфизм его формальных и семантических параметров [Разумовская, 2008. С. 43]. Данный аспект освещался в работах таких выдающихся учёных, как Ю.Н. Тынянов, М.М. Бахтин, Т.А. Казакова и другие. В самом общем смысле термин «изоморфизм» применяется для выражения тождественности или идентичности форм. Две системы называются *изоморфными* (находящимися в отношении изоморфизма), если между их элементами, а также функциями, свойствами и отношениями, осмысленными для этих систем, существует или может быть установлено взаимоднозначное соответствие. В этом случае каждая из систем называется изоморфным образом другой. Основной задачей переводчика поэтического текста является передача формы и содержания исходного произведения, так как эстетическая функция реализуется именно в результате их изоморфизма.

Как отмечают литературоведы, «если отдельное стихотворение – целостный замкнутый внутренний мир с собственными законами отражения и переосмысления объективного мира, то словарь стихотворения – важнейший показатель этого внутреннего мира» [Магомедова, 2004. С. 36]. На основании этого суждения можно сделать вывод, что при переводе поэтического текста на иностранный язык особую важность представляет максимальная передача элементов значения, которые слово приобретает в данном контексте. Возможно ли это в рамках перевода пейзажной лексики в произведении сиджо?

«Времена года рыбака» изобилует описаниями природы и, следовательно, пейзажной лексикой. Большинство лексических единиц являются

заимствованиями из китайского языка, о чём свидетельствуют вкрапления иероглифов в тексте. Именно они создают наиболее смыслоёмкие пейзажные зарисовки, производящие сильный эстетический эффект. Семантическая многокомпонентность и полифункциональность данных единиц создают ряд переводческих проблем, которые усложняются строгой метрической организацией стиха.

Рассматриваемые в данной статье лексические единицы можно условно разделить на две группы: а) непосредственно пейзажная лексика и б) слова со специфическим культурным компонентом. Слова первой группы отличаются друг от друга степенью смысловой насыщенности, количество заключённых в них образов варьируется от одного до нескольких. Примерами лексики, содержащей один образ, являются «일편트 · 이귀» (дословно: «камни, поросшие мхом»), «만경당파» («прозрачные волны бескрайнего моря/озера»), «방초» («ароматная зелёная трава») и другие. Все они не просто называют тот или иной элемент пейзажа. Внутри самого слова даётся оценочная характеристика этих явлений.

Кроме того, в поэзии о природе большую роль играет цветопись. Образность в поэме «Времена года рыбака» достигается за счёт цветовой гаммы, активно используемой автором. Такова, например, лексема «하 · 이 · 기 · 빈 · 홍 · 료» («цветы белого водного ореха и красной персикарии»), участвующая в описании летнего пейзажа, и «단애 · 취 · 벽» («багряный обрыв и зелёные отвесные скалы»), встречающаяся в части «Зимняя песня». Нам представляется чрезвычайно важным передать данные описания в переводе, так как при чтении произведения они имеют немаловажное значение для создания мысленных образов природы.

Некоторые лексические единицы отличаются максимальной степенью художественной изобразительности, позволяя рисовать целые пейзажные картины. Так, дословный перевод лексемы «천 · 텃 · 옥 · 산» будет звучать как «усыпанная снегом яшмовая гора». Другим примером горного пейзажа является «연 · 강 · 덩 · 장» – «затянутая туманом река и возвышающиеся друг на другом горы». Поэт в предельно краткой форме выражает ёмкие, содержательные образы, что становится возможным во многом благодаря особенностям корейской языковой системы. При переводе на русский язык используются развёрнутые конструкции, которые могут вызвать определённые проблемы, если переводчик сделает своей задачей сохранение формальных характеристик оригинала.

Ряд пейзажных единиц обладает упомянутой ранее символической функцией. Строка «송 · 간 · 석 · 실 · 의 · 가 · 효 · 월 · 을 · 보 · 자 · 흥 · 니» («В каменной хижине, что в тени сосны, давай смотреть на предрассветную луну») из десятого стихотворения части «Осенняя песня» является образцом символического образа одиночества. «송 · 간 · 석 · 실» выражает образ маленького дома из камня, построенного под кроной сосны. В Корее образ этого дерева издавна ассоциируется с человеком, верным своим принципам. Кроме того, каменная

хижина – это символ отшельничества, уединённой жизни на лоне природы. Добавим, что луна также является символом одиночества во многих культурах мира. Другой символический образ создаётся в седьмом стихотворении части «Зимняя песня» в следующей строке: «고주사립에 흥계워 안жат노라» («Безмерно счастлив сидеть в своём травяном плаще и бамбуковой шляпе на далёкой лодке»). Лексема «고주사립» буквально может быть переведена как «травяной плащ и бамбуковая шляпа на далёкой лодке».

В контексте переводного текста допустимо применение определённых лексических трансформаций, однако, какие бы изменения ни коснулись текста, нам представляется важным сохранить символический образ отшельничества рыбака и характерное для него чувство умиротворённости.

Особый интерес представляет перевод лексических единиц, которые содержат культурный компонент, являясь аллюзией на исторические реалии. Третье стихотворение части «Летняя песня» содержит два таких примера.

В третьей строке стихотворения «오강(吳江)의 가자하 · 니 천년노도 슬플로다» («Отправиться к реке Уцзян? О, как печальны волны тысячелетнего гнева») имеется аллюзия на историю У Цзы-Сюя, сановника и советника многих китайских правителей в V веке до нашей эры. Пав жертвой клеветы со стороны недоброжелателей, он покончил с собой по приказу государя и был брошен в реку. «오강» – это название реки Уцзян (притока Янцзы), в которой было утоплено тело У Цзы-Сюя. Буквальный перевод лексемы «천년노도» – «волны тысячелетнего гнева». Речь идёт о гневе несправедливо погибшего героя, который хранят воды этой реки.

Пятая строка «초강의 가자하 · 니 어복통혼 난글세라» («Отправимся к реке Мило? Как не поймать бы душу в теле рыбы») представляет собой аллюзию на Цюй Юаня, известного китайского лирического поэта и политического деятеля, чей образ стал символом патриотизма в восточной культуре. В знак протеста против предательских действий правительства, потеряв веру в собственные возможности воздействовать на ход событий, Цюй Юань покончил с собой, бросившись в реку Мило (ещё один приток упомянутой выше реки Янцзы). Лексема «초강» – название реки Мило.

Как мы видим, данные лексемы информационно насыщены. Указанные исторические реалии могут быть незнакомы западному читателю. Их опущение или недостаточно полная передача может повлечь за собой существенные смысловые потери и значительно повлиять на эстетическое восприятие текста адресатом. Эта проблема может быть решена путём составления переводческого комментария, так как в рамках только самого произведения передача смысла невозможна ввиду строгих правил организации стиха.

На сегодняшний день известно всего об одном переводе поэмы «Времена года рыбака» на русский язык. Он был выполнен А.А. Ахматовой в сотрудничестве с А.А. Холодовичем. Поскольку Ахматова не владела корейским языком, перевод осуществлялся с подстрочников, которые она делала с помощью выдающегося корееведа. Несмотря на незнание языка

оригинального текста, Ахматовой удалось полно и выразительно передать содержательное своеобразие пейзажной лексики данной поэмы. Однако формальные особенности сиджо не были сохранены. Стихотворения в переводе А. Ахматовой представляют собой шестистишия, в то время как оригинальный стих состоит из трёх.

Данная статья представляет собой предпереводческий анализ поэтического текста, предваряющий дальнейшее углублённое исследование возможности передачи изоморфного (формально-содержательного) комплекса поэтического произведения с корейского языка на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504 с.
2. Жарикова Е.Е. Ориентальные мотивы в лирике поэтов русского зарубежья Дальнего Востока // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Т. 24. № 55. СПб., 2008. С. 120–126.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988. 192 с.
4. Магомедова Д.М. Филологический анализ лирического стихотворения. М., 2004. 187 с.
5. Разумовская В.А. Изоморфизм поэтического текста и проблема переводимости // Russian Language and Literature Studies. № 3 (Serial № 21). Harbin, 2008. P. 42–46.
6. Тынянов Ю.Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965. 300 с.

А.В. Павлюкова¹⁸

ТАКТИКА ИМПЛИЦИТНОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ РЕКЛАМЕ

This article is devoted to the research into the realization of comparison strategy in German advertising discourse. The paper represents a detailed analysis of one of the verbal tactics within the given strategy – the tactics of implicit comparison.

Key words: tactics of implicit comparison, advertising discourse, communicative moves, implicit information, semantic presupposition, pragmatic presupposition, speech act.

Ключевые слова: тактика имплицитного сопоставления, рекламный дискурс, коммуникативные ходы, имплицитная информация, семантическая пресуппозиция, прагматическая пресуппозиция, речевой акт.

Данная статья посвящена изучению тактики имплицитного сопоставления и реализующих ее коммуникативных ходов в немецкой рекламе, являющихся частью коммуникативной стратегии сопоставления.

¹⁸ Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Л.М. Штейнгант

Интерес ученых к рекламной коммуникации определяется прежде всего ролью рекламы в современном обществе. Экспансия средств массовой коммуникации (радио, телевидение, Интернет) привела к тому, что жизнь современного общества невозможно представить без рекламы. Ее способность воздействовать на сознание общества, создавать и диктовать ценности, а также оказывать влияние на социальный статус участников рекламной коммуникации уже не вызывает сомнений.

Оказание рекламой речевого воздействия (необходимого для достижения стоящих перед рекламодателем целей) невозможно без стратегического планирования приемов воздействия рекламных сообщений на реципиента.

«Под имплицитной понимается информация, не составляющая непосредственного значения компонентов текста (слов, граммем и т. д.), зафиксированных в словаре, и, однако, воспринимаемая слушателем этого текста» [ИЯР, 1999. С. 8]. Языковой знак закрепляет определенное *означаемое* за определенным *означающим*. Факт несоответствия в отношении означаемого к означающему представляет собой имплицитность. Таким образом, имплицитная информация является несоответствием между сказанным/написанным и услышанным/прочитанным, т. е. понятием, извлеченным.

Использование имплицитной информации особенно характерно для рекламы и является отличительной особенностью правильно составленного рекламного текста. Дело в том, что призыв «купи», выраженный напрямую, т. е. эксплицитно, будет интерпретирован реципиентом (потенциальным покупателем) как попытка навязать ему чужую волю и, скорее всего, будет отвергнут. Если же призыв будет выражен имплицитно, то он не будет подвергаться прямой оценке, следовательно, может быть интерпретирован реципиентом как его собственный вывод, что значительно повышает эффективность рекламного сообщения. Использование имплицитной информации для создания эффекта сопоставления в рекламном тексте также имеет ярко выраженный прагматический смысл: явные сравнения зачастую запрещены рекламными кодексами, а кроме того, способны вызвать антагонизм как у конкурентов, так и у реципиента сообщения [Аникин, 2006. С. 85–87].

Существует немало разновидностей имплицитной информации [Стросон, 1982; Падучева, 1985; Имплицитность в языке и речи, 1999] и др. В своем исследовании мы опираемся на классификацию, предложенную в монографии «Имплицитность в языке и речи» [ИЯР, 1999. С. 86]. В соответствии с выделяемыми в ней тремя основными видами имплицитной информации, в немецком рекламном дискурсе можно проследить сравнения, основанные на применении семантических и прагматических пресуппозиций, а также посредством создания условий успешности речевого акта.

Таким образом, тактика имплицитного сопоставления в немецком рекламном дискурсе может быть представлена следующими коммуникативными ходами:

- 1) сопоставление через семантическую пресуппозицию;

- 2) сопоставление через создание условий успешности речевого акта;
- 3) сопоставление через прагматическую пресуппозицию.

Рассмотрим каждый коммуникативный ход подробнее.

Сопоставление через семантическую пресуппозицию. Одним из распространенных способов создания семантических пресуппозиций является помещение основного тезиса в придаточное предложение, в котором данный тезис выглядит как давно известный всем факт, не требующий доказательств. Данный прием можно проиллюстрировать, например, рекламным сообщением компании Siemens: «*Folgen Sie uns und erfahren Sie mehr darüber, wie wir Kunden bei ihren Geschäften unterstützen*».

Прагматическая задача создателей сообщения состояла в том, чтобы донести до реципиента информацию о том, что Siemens – лучшая компания, которая заботится о своих клиентах. Придаточное предложение «*wie wir Kunden bei ihren Geschäften unterstützen*» несет явную пресуппозицию «как мы поддерживаем наших клиентов в делах». Она остается верной и при отрицании суждения, представляющего собой данный слоган: «*Folgen Sie uns nicht und erfahren Sie mehrdarübernicht, wie wir Kunden bei ihren Geschäften unterstützen*».

Таким образом, создателям рекламного сообщения удается избежать трудоемких доказательств представленного семантической пресуппозицией тезиса – он представлен как не требующий доказательств факт и, т. к. представлен имплицитно, воспринимается таковым и реципиентом. Анализируя подобные примеры, Ю.К. Пирогова отмечает, что «если бы пресуппозиционная часть суждения была представлена в девизе в явном виде, (...) девиз вызывал бы внутренний протест у многих людей» [Пирогова, 2001. С. 215].

Еще один пример помещения рекламного сопоставительного тезиса в пресуппозицию: слоган компании Toyota: «*AYGO Nichtsistunmöglich. Toyota.*»

Пресуппозиция – «*AYGO нет ничего не возможного*» – верна и при подмене суждения противоположным: «*AYGO Allesistmöglich*».

Еще одним способом создания семантических пресуппозиций, способных выражать имплицитное сопоставление, являются так называемые предложения-тождества ("Если А, то В"), имеющие пресуппозицию С. При отрицании обеих частей подобного тождества пресуппозиция должна оставаться неизменной: «*DubistnichtDu, wennduhungrigbist – Snickers*». Семантической пресуппозицией данного псевдологического тождества является импликация: «*Ты не ты, когда голоден – Сникерс*». Это значит: чтобы быть в хорошем настроении, нужно скушать сникерс. Подтверждение импликации находим при отрицании тождества: *DubistDu, wenn dusattbist – Snickers. Ты есть ты, когда сым.*

Далее рассмотрим второй коммуникативный ход: сопоставление через создание условий успешности речевого акта. Создание условий успешности речевого акта является еще одним эффективным способом формирования сообщений, несущих в себе имплицитные сравнения и обладающих мощным перлокутивным потенциалом. Данный тип имплицитной информации основан на создании таких коммуникативных условий, при которых необходимая адресанту импликация с большей вероятностью актуализируется в сознании

адресата, нежели другие возможные импликации. Данный коммуникативный ход широко представлен в немецком рекламном дискурсе.

Одним из наиболее распространенных способов его реализации – это эксплицитное выражение в рекламном слогане банальных и всем известных истин относительно категории, к которой относится рекламируемый объект, элементарных правил его производства. Казалось бы, рекламодатель теряет время и деньги на выражение того, что уже и так известно. На самом деле, подобные сообщения несут имплицитный намек на некомпетентность, алчность и другие отрицательные качества конкурентов: *Pedigree®* «*WirverstehenalleHundeblicke*»

Производители данного собачьего корма заявляют, что они понимают собак с полувзгляда, тем самым говоря, что именно их корм больше всего подходит собакам. Однако эксплицитное утверждение основного принципа, на котором держится рынок собачьих кормов, несет в себе намек на то, что другие компании не понимают собак и не удовлетворяют их желания и потребности. Созданные рекламодателем коммуникативные условия позволяют имплицитно выделить рекламируемый объект и косвенно дискредитировать конкурентов. При этом эксплицитная часть высказывания абсолютно легальна и не вызывает подозрений в нечестной конкуренции.

Часто в качестве условий успешности используется эффект сенсации, способствующий отвлечению внимания реципиента от основного тезиса, нуждающегося в доказательстве, и снижению уровня критичности при его восприятии: *HurrazumGeburtstaggibtsbeiKiK*.

Компания «KiK» работает с текстильной продукцией, на данный момент она празднует свой день рождения и зазывает клиентов немислимыми распродажами: например, комплект постельного белья стоит всего 5 евро. Создателям данного сообщения удается «убить сразу двух зайцев»: с одной стороны, позиционирование рекламируемой компании (KiK) как компетентной, с другой – дискредитация конкурентов. Импликацией данного текста может служить примерно следующее утверждение: «другие компании, появившиеся раньше «KiK», не могут позволить себе устраивать такие распродажи».

Рассмотрим последний коммуникативный ход: сопоставление через прагматическую пресуппозицию. «Прагматические пресуппозиции представляют собой пресуппозиции, касающиеся знаний и убеждений адресанта и адресата» [Пирогова, 2001. С. 218]. Чаще всего в рекламном дискурсе Германии прагматические пресуппозиции находят свою реализацию через аллюзии, а также знаки повседневной жизни.

Аллюзии, используемые в немецком рекламном дискурсе, поражают многообразием сфер-источников (доноров). Часто сферой аллюзии является религия: «*SelbstfürGötterteuflichgut. – Luzifer (Restaurant)*».

В данном слогане мы наблюдаем противопоставление богов и дьявола: «Ресторан “Люцифер”»: чертовски хорош для богов». То есть ресторан как будто сравнивает свои апартаменты с божественными. Также рекламщики обращают внимание публики на то, что если вы, простой смертный, считаете себя богом,

тогда наш ресторан именно для Вас.

Весьма частотной сферой-источником для сопоставительных аллюзий является устное народное творчество (сказки, сказания): «Prinzenkommenweiter – PrinzenRolle».

В данном примере компания Griesson – deBeukelaer, изготавливающая кондитерскую продукцию, сравнивает себя с такими сказочными персонажами, как Принц и Принцесса. В рекламном ролике данного печенья мы видим, как Принц пытается разбудить Принцессу (конечно же, поцелуем), но она никак не просыпается, тогда он достает печенье, и тут от божественного запаха печенья Принцесса открывает глаза и кокетливо пробует это печенье. Выбор данных символов можно считать вполне удачным: оба персонажа неизменно ассоциируются со сказкой, любимыми детскими героями, напоминание о которых вызывает теплые чувства. Заодно сообщение несет в себе и имплицитный призыв: «Печенье – отличный повод насладиться превосходным вкусом и окунуться в мир сказки».

Еще одна компания, использующая в своем названии имя сказочного персонажа: «RotkäppchenSekt – PhantasieaustausendPerlen». «Шампанское “Красная шапочка” – это фантазия, состоящая из тысячи жемчужин». То есть, содержание такого шампанского настолько наполнено фантазией, насколько и содержание сказки «Красная шапочка».

Среди других сфер-доноров рекламной сопоставительной аллюзии можно выделить:

- искусство: «Puschkin – ein verdammt nobler Tropfen. Hart–abergut». «Пушкин – потрясающая капля. Терпкая, но хорошая». Имплицитность данного слогана заключается в том, что капля этого напитка так великолепна, как и произведения величайшего поэта;

- науку: «Wir leben Wissenschaft» – Brandenburgische Technische Universität Cottbus. «”Мы живем наукой” – Бранденбургский технический университет Котбус». В данном слогане имплицитно скрыта следующая информация: благодаря науке и последним научным достижениям, мы покоряем новые высоты в технике. Наука и техника – неотъемлемая часть нашего университета.

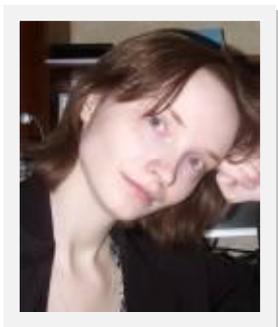
Данные коммуникативные ходы, как и речевая тактика имплицитного сопоставления целиком, являются весьма эффективными средствами речевого воздействия, т. к. подобные проанализированным нами рекламные сообщения позволяют потребителю принять активное участие в декодировании сообщения, заинтересовывают его. К тому же, они помогают избежать избитости и обыденности рекламного дискурса, придавая ему свежесть и выделяя рекламируемый объект среди конкурентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин Е.Е. Речевое воздействие как нарушение принципа "кооперации" в рекламном дискурсе США // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: тез. III Междунар. науч. конф. Челябинск, 2006. С. 85–87.

2. ИмPLICITность в языке и речи // Языки русской культуры. М., 1999. С. 8; 86.
1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. 272 с.
3. Пирогова Ю.К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования // Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001. С. 209–227.
4. Стросон П.Ф. О референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. 431 с.

III ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Т.В. Бобылева¹⁹

АНАЛИЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО МОТИВА В ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗА КОРОЛЯ АРТУРА (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ ЛАЙАМОНА «БРУТ», XIII ВЕК)

This is an extract of a research devoted to King Arthur's image in the poem "Brut" written by Layamon in Middle English in the 13th century. In this extract we can observe the role of narration motif analysis in the understanding of King Arthur's image in the poem.

Key words: *king Arthur, "Brut", Layamon, the narration motif analysis.*

Ключевые слова: *король Артур, «Брут», Лайамон, анализ повествовательного мотива.*

В данной работе проведён анализ повествовательного мотива в среднеанглийском письменном памятнике XIII века «Брут» Лайамона.

В основу исследования положена концепция И.В. Силантьева, который отмечает: «под мотивом я разумею формулу, образно отвечающую на первых порах общественности на вопросы, которые природа всюду ставила человеку, либо закреплявшую особенно яркие, казавшиеся важными или повторявшиеся впечатления действительности. Признак мотива – его образный одночленный схематизм...» [Силантьев, 2004. С. 17]. Данная методика во многом подходит для изучения произведения «Брут», в котором неоднократно повторяются мотивы войны, важные с точки зрения автора – Лайамона. Другой важный критерий мотива – семантическая целостность, истолкованная как «образный одночленный схематизм». Жизнь короля Артура в «Бруте» в основном представлена военными аспектами и может быть изображена как многочленная цепочка баталий: «бой – бой – бой...», где «бой» как звено-одночлен как раз и является схематичным, важным и повторяющимся элементом, иными словами – повествовательным мотивом.

Повествовательный мотив рассматривается с трех позиций: семантика, синтактика, прагматика.

Под семантикой мотива подразумеваются следующие пункты: предикат, актанты и пространственно-временные признаки. Под предикатом подразумевается само действие – бой. Под актантами подразумеваются действующие лица. В разделе «семантика» автором выделяется

¹⁹ Научный руководитель – д. филол. наук, доц. М. Дебрени

противопоставление семантического инварианта (мотив в его обобщенном виде) и семантических вариантов (вариантов одного и того же мотива в конкретных контекстах).

В разделе «синтактика» предлагается указывать два аспекта: препозиция и постпозиция как «ближайшее фабульное окружение анализируемого события» [Силантьев, 2004. С. 133].

Раздел «прагматика» является «самым свободным по стилю описания» [Силантьев, 2004. С. 135]. В нем следует рассказать о смысле события и его значении для сюжета повествования.

Ниже мы приводим примеры анализа нескольких битв. Они представлены в соответствии с предложенной И.В. Силантьевым схемой.

Первая битва молодого короля Артура: битва у реки Дуглас

Семантика. Предикат. Вариант: первая битва молодого короля Артура – битва у реки Дуглас. **Инвариант:** бой. **Актанты. Вариант:** Артур, (герой) и его армия – Колгрим (герой) и его армия. **Инвариант:** герои-враги и их армии. **Пространственные признаки. Вариант:** у реки Дуглас – «свое» пространство для Артура, «чужое» (но «желанное» в плане захвата) – для Колгрима. **Инвариант:** на оспариваемой местности.

Синтактика. Препозиция. Вариант: Артур стал королем и хочет отомстить за отца. **Инвариант:** необходимость отомстить. **Постпозиция. Вариант:** король Артур преследует Колгрима, который сбегает со своими людьми в Йорк. **Инвариант:** побег врага.

Прагматика. Юному Артуру, ставшему королем, необходимо отомстить за отца, а также установить и закрепить свой авторитет среди бриттов, и поэтому эта битва имеет важное значение для становления Артура как военного лидера.

Битва при Линкольне

Семантика. Предикат. Вариант: объединенные войска короля Артура и короля Бретани Хауэла нападают на вражеский лагерь, расположившийся у осажденного неприятелем города Линкольн, принадлежащего Артуру. **Инвариант:** бой. **Актанты. Вариант:** с одной стороны, король Артур и король Бретани Хауэл (герои-союзники) и их армии; с другой – вражеская армия (вражеские полководцы Чилдрик, Колгрим и Балдульф укрылись на время битвы в другом месте: небольшой крепости в той же долине). **Инвариант:** герои-враги и их армии. **Пространственные признаки. Вариант:** Линкольн – «свое» пространство для Артура, «чужое» (но «желанное» в плане захвата) – для его врагов. **Инвариант:** осажденный город.

Синтактика. Препозиция. Вариант: объединение войск короля Артура с войсками короля Бретани Хауэла, прибывшего из-за моря с рыцарями из Франции. **Инвариант:** подготовка к войне. **Постпозиция. Вариант:** враги Артура: германский император Чилдрик, а также англосаксонские военачальники Колгрим и Балдульф и ещё 7 тыс. их воинов скрылись в Калидонском лесу. **Инвариант:** побег врага.

Прагматика. Король Артур стремился удержать стратегически важные крепости (такие как Линкольн) под своим контролем, так как германский император Чилдрик бесчинствовал на территории Британии, угрожая ей полным опустошением.

Битва у города Бат

Семантика. Предикат. *Вариант:* битва короля Артура с войсками Чилдрика, Колгрима и Балдулфа у города Бат. *Инвариант:* бой. **Актанты.** *Вариант:* с одной стороны, король Артур, граф Корнуоллский Кадор (герои-союзники) и их армии; с другой стороны – Чилдрик, Колгрим и Балдульф, (герои-союзники) и их армии. *Инвариант:* герои-враги и их армии. **Пространственные признаки.** *Вариант:* у города Бат – «свое» пространство для Артура, «чужое» (но «желанное» в плане захвата) – для его врагов. *Инвариант:* на оспариваемой местности.

Синтактика. Препозиция. *Вариант:* Чилдрик, Колгрим и Балдульф нарушают клятву (данную ими после поражения и помилования Артуром) больше никогда не вступать в земли Артура и возвращаются с целью завоевать его королевство. *Инвариант:* предательство. **Постпозиция.** *Вариант:* поражение врагов Артура (Колгрим и Балдульф были убиты Артуром при попытке бежать к реке Эйвон, Чилдрик сбежал, но был убит Кадором). *Инвариант:* смерть врага.

Прагматика. Данная битва стала для Артура делом чести. Ведь его враги нарушили клятву вернуться домой, которую Артур потребовал от них. Король Артур хотел помиловать врагов. Однако этот шаг стал ошибочным. Артур невольно обрек мирных жителей Британии на страдания. Поэтому он чувствовал необходимость исправить положение, восстановить справедливость и отомстить.

Битва с шотландцами и ирландцами: битва в Морей (область в Шотландии)

Семантика. Предикат. *Вариант:* битва короля Артура, графа Корнуоллского Кадора и короля Бретани Хауэла с шотландцами и ирландцами, во главе последних – Гилломар. *Инвариант:* бой. **Актанты.** *Вариант:* с одной стороны, король Артур, граф Корнуоллский Кадор и король Бретани (герои-союзники) и их армии; с другой стороны – шотландцы и ирландцы, во главе последних – Гилломар, персонаж. *Инвариант:* герои-союзники и их армии против второстепенных персонажей. **Пространственные признаки.** *Вариант:* в скалах, неподалеку от озера, в местности Морей – «чужое» пространство для Артура и его союзников, «свое» для шотландцев. *Инвариант:* на территории врага.

Синтактика. Препозиция. *Вариант:* осада шотландцами (впоследствии успешно снятая Артуром) города Клууд, где пребывал во время своей болезни король Бретани Хауэл. *Инвариант:* необходимость отомстить. **Постпозиция.** *Вариант:* король Артур помиловал оставшихся шотландских рыцарей после того, как их жены и дети попросили у него пощады (выделив тот факт, что христиане не должны сражаться против христиан, ведь шотландцы – не

язычники-англосаксы, против которых Артур вел в то время войну). Что касается ирландского военачальника Гилломара и ирландцев, их Артур помиловал при условии, что они вернуться к себе в Ирландию (что они и сделали). *Инвариант*: пощада врага.

Прагматика. Король Артур хотел отомстить шотландцам за то, что они окружили город Клуд с больным Хауэлом и, если бы Артур не подоспел на помощь, Хауэл бы погиб. Поэтому сняв осаду с города Клуд и объединившись с Хауэлом, Артур решил покарать шотландцев и преследовать их с целью добить. Поэтому Артур напал на шотландцев и высадившихся на берег (неудачно для самих себя) враждебных Артуру ирландцев в местности Морей. По сути, это была помощь союзнику, королю Хауэлу, и месть за попытку угрожать жизни больного друга. На протяжении всего повествования чувствуется наличие особой привязанности между Артуром и Хауэлом. Хауэл – союзник Артура с самого его восхождения на британский трон. Однажды Артур даже отомстит за погибшую дочь Хауэла.

Битва короля Артура с Рикулфом, предводителем норвежцев

Семантика. Предикат. Вариант: битва короля Артура с предводителем норвежцев Рикулфом с целью возвести на трон мужа сестры Артура – Лота, который и должен был получить корону, согласно воле покойного короля Норвегии. *Инвариант*: бой. **Актанты. Вариант:** Артур (герой) и его армия – Рикулф (персонаж) и его армия. *Инвариант*: герой и его армия – персонаж и его армия. **Пространственные признаки. Вариант:** Норвегия – «чужое» (но «желанное» для Лота) пространство для Артура, «свое» для Рикулфа. *Инвариант*: на оспариваемой местности.

Синтактика. Препозиция. Вариант: прежний король Норвегии умирает, завещав свое королевство своему племяннику Лоту, мужу сестры Артура. Однако норвежцы нарушают королевскую волю. Они не желают принимать на трон иностранца и выдвигают в качестве лидера местного военачальника Рикулфа. *Инвариант*: предательство. **Постпозиция. Вариант:** смерть Рикулфа в битве. Лот становится королем Норвегии, при поддержке и последующем покровительстве короля Артура. *Инвариант*: смерть врага.

Прагматика. Для закрепления своего влияния Артуру нужны союзники. Поэтому он охотно поддерживает Лота, когда тому обещают королевство.

Битва короля Артура с вождем франков Фроллем

Семантика. Предикат. Вариант: битва короля Артура с вождем франков Фроллем. *Инвариант*: бой. **Актанты. Вариант:** король Артур (герой) и его армия – вождь франков Фролль (герой) и его армия. *Инвариант*: герои-враги и их армии. **Пространственные признаки. Вариант:** территория Галлии (современной Франции) – «чужое», но «желанное» пространство для короля Артура, «свое» – для вождя франков Фролля. *Инвариант*: на оспариваемой местности.

Синтактика. Препозиция. Вариант: король Артур решил завоевать Францию. *Инвариант*: решение начать войну. **Постпозиция. Вариант:** король

Артур разбивает войска Фролля, Фроль с оставшимися войсками прячется в Париже. *Инвариант*: побег врага.

Прагматика. Из военно-политических соображений королю Артуру нужно завоевывать новые территории. Он решает напасть на Францию, так как эта территория пролегает по пути (из Британии) в Рим – город, представлявший для короля Артура желанную цель.

Битва короля Артура с императором Луцием

Семантика. Предикат. Вариант: битва короля Артура с императором Луцием за господство в Риме и Римской империи. *Инвариант*: бой. **Актанты. Вариант:** с одной стороны, король Артур, король Бретани Хауэл, Бедуэр, Кэй, Уальвейн (герои) и их армии; с другой стороны – император Луций (герой), его союзники и их армии. *Инвариант*: герои-враги и их армии. **Пространственные признаки. Вариант:** территория Римской империи. *Инвариант*: на оспариваемой местности.

Синтактика. Препозиция. Вариант: король Артур направляет Луцию послов с обещанием уважать права императора на Рим при условии, что завоеванная бриттами Франция останется у Артура. Луций отказывается и хочет вернуть Францию. *Инвариант*: решение начать войну. **Постпозиция. Вариант:** римляне терпят поражение. Король Артур побеждает, Луций погибает, Артур приказывает доставить богато украшенные носилки с телом Луция (одетого в золото по приказу Артура) в Рим и объявить, что скоро римлянам придется подчиниться Артуру. *Инвариант*: смерть врага.

Прагматика. Битва между королем Артуром и императором Луцием имела большое значение, так как в ней решалась судьба Рима – столицы Римской империи. Король Артур потерял в этой битве многих воинов, в том числе двух своих верных друзей: Кэя и Бедуэра. Исход этой битвы, как казалось Артуру, делал его хозяином Рима. Но на самом деле до Рима он не дойдет: получив плохие новости о предательстве Модреда, Артур вернется в Британию.

Битва короля Артура с Модредом в Ромни

Семантика. Предикат. Вариант: битва короля Артура со своим племянником Модредом в Ромни. *Инвариант*: бой. **Актанты. Вариант:** Артур (герой) и его армия – Модред (герой) и его армия. *Инвариант*: герои-враги и их армии. **Пространственные признаки. Вариант:** Ромни – «свое» (для короля Артура – в прошлом, для Модреда – в настоящем) и в то же время «желанное» пространство обоих героев, что делает их битву еще ожесточеннее. *Инвариант*: на оспариваемой местности.

Синтактика. Препозиция. Вариант: победив в битве римского императора, король Артур узнает о предательстве своего племянника Модреда, которому он доверил Британию на время своего отсутствия. Модред вступил в связь с женой Артура Уэнхавер и стал править Британией. Узнав об этом, король Артур оставляет половину своей армии родственнику и другу – королю Бретани Хауэлу, которому доверено контролировать владения Артура на континенте, пока Артур мстит Модреду. Артур с другой половиной своей армии хочет вернуться в Британию, но непогода не позволяет ему отплыть.

Благодаря стараниям разведчиков Уэнхавер узнает о планах Артура и предупреждает Модреда. Наконец дождь и изменение направления ветра позволяют Артуру приплыть в Британию. Он и его армия высаживаются в Ромни, где уже ждет Модред со своим войском. *Инвариант*: предательство. **Постпозиция.** *Вариант*: войскам Модреда нанесен существенный урон, Модред со своими людьми бежит в Лондон, но там ему отказывают в укрытии, затем – в Винчестер, где ему и его людям предоставляют убежище. *Инвариант*: побег врага.

Прагматика. Королю Артуру было жизненно важно вернуть себе господство в Британии. Ему также хотелось отомстить Модреду по личным причинам, так как тот соблазнил жену короля Артура. Кроме того, в битве в Ромни погибает близкий друг и соратник короля Артура – Уальвейн, родной брат Модреда, оставшийся верным своему королю Артуру. Артур терпит потерю за потерей, и это усиливает его желание отомстить.

Битва короля Артура с Модредом при осаде Артуром Винчестера

Семантика. *Предикат.* *Вариант*: Артур начинает осаду Винчестера, где укрываются Модред и его армия. *Инвариант*: бой. **Актанты.** *Вариант*: король Артур (герой) и его армия – Модред (герой) и его армия. *Инвариант*: герои-враги и их армии. **Пространственные признаки.** *Вариант*: Винчестер – «свое» (для короля Артура – в прошлом, для Модреда – в настоящем) и в то же время «желанное» пространство для обоих героев, что делает их битву еще ожесточеннее. *Инвариант*: осажденный город.

Синтактика. *Препозиция.* *Вариант*: Модред сбегает в Винчестер после поражения в Ромни. *Инвариант*: побег врага. **Постпозиция.** *Вариант*: Модред сбегает в Корнуолл и собирает новую армию из ирландцев и шотландцев. *Инвариант*: побег врага.

Прагматика. Король Артур все еще жаждет отомстить Модреду с целью восстановить свою власть и свой авторитет в Британии.

Подобным образом в произведении «Брут» Лайамона нами было проанализировано 10 главных битв и 1 личный поединок из жизни короля Артура. После этого были проведены некоторые статистические подсчеты сходных инвариантов в разделах «семантика» и «синтактика» для всех 11 боев. При этом теоретической основой этих подсчетов была вышеупомянутая авторская концепция анализа повествовательного мотива И.В. Силантьева.

Помимо достаточно глубокого и компактного раскрытия содержания произведения, проведенный анализ повествовательного мотива «бой» показал, что оригинальность, эффективность и легкость в использовании являются одними из наиболее важных свойств анализа повествовательного мотива по концепции И.В. Силантьева.

Результаты проведенного нами анализа создали предпосылки для дальнейшего изучения образа короля Артура на материале французской культуры – как в классических, так и в современных произведениях о короле Артуре; например в сценарии французского телевизионного сериала «Каамелотт» (Kaamelott). Изучение образа короля будет включать в себя два

аспекта: лингвистический и культурологический. Результаты изучения современной интерпретации образа короля Артура будут сопоставлены с результатами параллельно проводимого нами изучения образа короля Артура во французском классическом произведении, отражающем традиционные представления о короле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004. 296 с.

Т.С. Бурыгина²⁰

ОБРАЗЫ ПАЦИФИСТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ АРЧИБАЛЬДА ДЖОЗЕФА КРОНИНА

The article is about some of the main characters created by the English novelist Archibald Joseph Cronin in his books “The Stars Look Down”, “The Keys of the Kingdom” and “Crusader’s Tomb”. Through their pacifist views the novelist’s position is described.

Key words: Archibald Joseph Cronin, realism, the 20th century, pacifism, World War I.

Ключевые слова: Арчибальд Джозеф Кронин, реализм, XX век, пацифизм, Первая мировая война.

Двадцатый век отмечен в истории человечества не только глобальными научными и творческими достижениями, но, увы, и чудовищными войнами мирового масштаба. Литература незамедлительно реагирует на происходящие в мире события, отображая их в художественных произведениях.

Английский писатель-реалист Арчибальд Джозеф Кронин (1896–1981) в своём творчестве поднимал проблемы гуманизма, альтруизма, обретения духовных ценностей и противостояния злу во всех его проявлениях. Тема войны стала одной из центральных во многих его произведениях, тем более что он сам участвовал в Первой мировой войне в качестве военного врача. Однако исследователи жизни и творчества писателя Дейл Салвак (Dale Salwak) и Алан Дэвис (Alan Davies) в своих монографиях лишь мимоходом упоминают об этом факте биографии А.Дж. Кронина и при этом расходятся во мнениях, был ли писатель пацифистом.

Как известно, пацифизм – это мировоззрение, осуждающее всякие войны. В его основе лежит идея всеобщего братства людей, необходимости преодолеть военные формы разрешения политических проблем. Носителями идей пацифизма являются различные слои населения. Основной формой борьбы за мир носители этого мировоззрения считают убеждение и личный пример [Коновалов, 2010]. Дейл Салвак прямо говорит о склонности писателя к пацифизму («Cronin’s own pacifist leanings») [Salwak, 1985. С. 116]. Алан Дэвис

²⁰ Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М.И. Воропанова

утверждает, что Кронин не был пацифистом, поскольку участвовал в войне: «Cronin was not a pacifist. He had served in the navy for a short spell at the beginning of the First World War» [Davies, 2011. С. 167]. Последний аргумент является весьма спорным. Вспомним, например, что Л.Н. Толстой и Э.М. Ремарк, известные всему миру своими пацифистскими взглядами, тоже каждый в своё время участвовали в войнах. Как и для упомянутых писателей, для А.Дж. Кронина война – несомненное, абсолютное зло, которому необходимо противостоять исключительно мирными способами. Четвёртая часть его автобиографической книги «Приключения в двух мирах» («Adventures in Two Worlds») проникнута идеями всеобщего братства, необходимости преобладания духовного над материальным, неприятием войн и насилия [Cronin, 1987]. И этой установкой автор наделяет некоторых своих персонажей. В совокупности убеждения автора и его героев можно выразить высказыванием Л.Н. Толстого (кстати, одного из любимых писателей А.Дж. Кронина): «Война уничтожится только тогда, когда люди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это одно средство уничтожения войны» [Толстой, 2009].

Итак, в обширной галерее образов, созданных писателем, среди положительных героев можно чётко выделить инвариант «пацифист». Его отличительные черты: осуждение войны и стремление бороться за мир убеждением и личным примером. Разные варианты «пацифиста» воплощены в персонажах таких романов А.Дж. Кронина, как «Звёзды смотрят вниз», «Ключи от Царства», «Памятник крестоносцу». Перейдём к рассмотрению этих персонажей.

Артур Баррас, сын капиталиста Ричарда Барраса, владельца угольных копей, – один из главных героев романа «Звёзды смотрят вниз». Формирование пацифистского мировоззрения Артура начинается с трагического события: гибели шахтёров в результате аварии. И повинен в этом несчастье его отец: зная, что старая часть шахты находится в ветхом состоянии, он тем не менее рисковал жизнями рабочих. Для Артура эта авария и война – «одно и то же. Одно великое массовое избиение» [Кронин, 1982. С. 299]. «Сто пять человек погибло в шахтах «Нептуна». И он не может забыть о них... Война была как бы катастрофой в «Нептуне», увеличенной в гигантском масштабе; то первое наводнение разливалось могучим потоком, ширилась трясина, в которой тонула высокая идея о драгоценности человеческой жизни» [Кронин, 1982. С. 239].

Когда был утверждён закон о воинской повинности и объявлен обязательный призыв, Артур отказался от военной службы и предстал перед трибуналом, членом которого был и его отец. Сцена трибунала – одна из самых сильных в романе. Мастерски передан контраст: члены трибунала и публика versus Артур Баррас. В трибунале, помимо Ричарда Барраса, заседали мясник Джемс Ремедж, священник Инох Лоу и прочие уважаемые жители города. Симпатии автора однозначно на стороне Артура. Красноречив эпизод,

раскрывающий убогость аргументов председательствующих и их неспособность поколебать убеждения пацифиста:

«– Я не хочу никого убивать.

– Но почему? – настаивал Ремедж. Он убил на своём веку множество живых тварей, и ему было непонятно такое странное мирозерцание.

– Это против моей совести.

Пауза. Затем Ремедж отрезал:

– Э, слишком чуткая совесть никому добра не приносит!..

– Послушайте, – обратился священник к Артуру. – Вы ведь христианин, не так ли? Христианская религия не запрещает законного убиения на пользу своей родине.

– Законного убийства не существует... Я больше не признаю религии, религии в вашем смысле слова. Но вы говорите о христианстве, об учении Христа. Ну, так вот, я не могу себе представить... Иисуса Христа, который сидит у английского или германского пулемёта и десятками уничтожает ни в чём не повинных людей.

Преподобный Лоу покраснел от ужаса. У него был невообразимо шокированный вид.

– Это богохульство, – пробурчал он, обращаясь к Ремеджу» [Кронин, 1982. С. 328–329].

Оставшись непоколебимым в своём решении, Артур попадает в тюрьму. Несобственно-прямая речь и авторский комментарий сливаются в словах: «Его посадили сюда не за убийство, а за то, что он отказался совершить убийство» [Кронин, 1982. С. 338]. Молодой человек стоически переносит выпавшие на его долю тяготы заключения. Слабый здоровьем, но не сломленный духом, он не сомневается в правильности своего поступка.

Фрэнсис Чисхолм – главный герой романа «Ключи от Царства». Рано осиротевший сын рыбака, впоследствии ставший священником, он познал за свою жизнь множество невзгод и лишений. Но все они меркнут перед главным бедствием – войной. Отец Чисхолм во время Первой мировой войны находится в китайской миссии в провинции, где зреет вооружённый конфликт. Но помимо этой угрозы, работа миссии страдает от распри между монахинями. Бельгийка Марта, француженка Клотильда и немка Мария-Вероника – каждая из них мысленно со своим народом. «Отец Чисхолм часто мог видеть рядом три лица, поднятые вверх в молитвенном экстазе, но молились они о противоположных победах...» [Кронин, 2011. С. 342]. Возмущение отца Чисхолма выплёскивается наружу, когда монахини в качестве оправдания своего поведения предоставляют вырезки из газет противоборствующих сторон, где опубликованы обращения кардинала и архиепископов к своим народам. Каждая сторона заявляла о правой борьбе, о том, что Бог в этой борьбе с ними, и во имя Бога нужно сражаться. «Одному Богу известно, как Ему надоели эти вопли, взывающие к нему», – говорит Фрэнсис [Кронин, 2011. С. 345]. Его речь, последовавшая за этим, – ключевой момент романа, выражающий мировоззренческую позицию героя. В ней нет набора застывших догм и

штампов; напротив, они подвергаются сомнению, а то и прямо опровергаются. Отец Чисхолм обвиняет национальные церкви в трусости и приспособленчестве, в оправдании и освящении войны вместо того, чтобы «закричать в каждой стране устами священников и епископов: «Брось оружие! Не убий!» Да, это вызвало бы преследования и привело бы ко многим смертным казням. Но это сделало бы их мучениками, а не убийцами» [Кронин, 2011. С. 347]. И герой не просто озвучивает свои личные убеждения, но и живёт в соответствии с ними. Он не только призывает своих прихожан не участвовать в военных действиях, но даже совершает личный подвиг: рискуя жизнью, уничтожает пушку бандитского отряда, готовившего нападение на миссию.

Ещё один носитель пацифистских взглядов – **Стефен Десмонд**, главный герой романа «Памятник крестоносцу», сын священнослужителя, желавшего, чтобы сын продолжил его дело. Стефен, однако, посвящает свою жизнь занятиям живописью, из-за чего лишается поддержки родителя, но в своём решении остаётся твёрд.

Первая мировая война не обошла стороной Стефена, находившегося за пределами родины. Родственнику-генералу, пренебрежительно отзывавшемуся о занятиях Стефена живописью и увещевавшему его вернуться «ради отечества», Стефен отвечает: «Нелепо, не правда ли, заниматься чем-то чистым и прекрасным, вместо того чтобы, подобно вам, посвятить себя делу массового истребления людей» [Кронин, 1960. С. 214]. Он отказался участвовать в войне, но потерял на ней горячо любимого им младшего брата.

Движимый идеей служения миру своим искусством во имя мира же, художник берёт заказ на создание пяти панно для оформления Мемориального зала. Этот зал должен был стать своеобразным памятником и, «напоминая о войне, способствовать прославлению мира» [Кронин, 1960. С. 294].

На собеседовании комиссия с неприкрытой язвительностью выражает сомнение в том, что не воевавший человек способен создать «благородные произведения, проникнутые сознанием героической и в то же время трагической цели», во имя которой воздвигается здание [Кронин, 1960. С. 299]. Десмонд возражает: как раз именно потому, что он не участвовал в войне, у него сложился на неё определённый взгляд, дающий ему право претендовать на эту работу. Художник горячо желает «изобразить не только героину, но и страшные опустошения войны так, чтобы, взглянув на его картины, люди никогда уже не могли поддаться подобному безумию» [Кронин, 1960. С. 301].

Стефен работает напряжённо и с самоотречением, выражая своими полотнами мощный протест против войны. Его замысел осуществлён: работы действительно шокировали зрителей. «Это были картины невероятной силы... Никогда, даже в самых диких кошмарах, не снилось ... такой страшной катастрофы» [Кронин, 1960. С. 314–315].

Возмущённые члены комиссии называют панно Стефена «оскорбительными», «чистым непотребством, распутством». Художник, его шедевры, а с ними и его мировоззрение не поняты, отвергнуты общественностью. Её ожидания были ожиданиями простого, предсказуемого,

шаблонного исполнения, и они не оправдались. Комиссия негодует: «Сама цель, во имя которой мы всё это затеяли, требует чего-то благородного, героического. Группа военных разных родов войск, шагающая с флагом... Или раненый, который бредёт, опираясь на плечо товарища, или, скажем, сестры милосердия... А вы вместо этого создаёте... картины, совершенно чуждые нам по духу... изображаете человеческое страдание в какой-то, мягко выражаясь, патологической и унижительной форме» [Кронин, 1960. С. 316]. Против Стефена возбуждается судебное дело, картины объявляются непристойными, оскорбляющими общественную мораль и религиозные чувства и приговариваются к уничтожению.

Обобщая вышесказанное, отметим, что рассмотренные нами герои (варианты инварианта «пацифист») отличаются друг от друга происхождением и образованием, отношением к религии и укладом жизни. Но их роднит мировоззрение, которое они мужественно отстаивают. Объединённые гуманистической идеей ценности и неприкосновенности человеческой жизни, герои борются за мир. Артур Баррас – своим актом неповиновения трибуналу, Фрэнсис Чисхолм – своими речами, Стефен Десмонд – своей живописью. Им нелегко: они одиноки в своих антимилитаристских убеждениях, которые мало кто понимает и редко кто поддерживает. Несмотря на все препятствия, герои остаются верными себе, посвящая свою жизнь служению людям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кронин А. Звёзды смотрят вниз: Роман / Пер. с англ. М.Е. Абкиной. Донецк, 1982. 647 с.
2. Кронин А. Ключи от Царства: Роман / Пер. с англ. Н. Протопоповой. М, 2011. 464 с.
3. Кронин А. Памятник крестоносцу: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и Т. Озерской / Послесл. П. Балашова. М., 1960. 477 с.
4. Пацифизм // Политология. Словарь / Под ред. В.Н. Коновалова. М, 2010. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/150/Пацифизм>
5. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. [Lib.ru/Классика](http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1230.shtml). 2009. Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_1230.shtml
6. Cronin, A.J. Adventures in Two Worlds. London: New English Library, 1987. 284 p.
7. Davies, Alan. A.J. Cronin. The Man Who Created Dr Finley. London: Alma Books, 2011. 287 p.
8. Salwak, Dale. A.J. Cronin. Boston: Twayne Publishers, 1985. 154 p.

С.И. Постникова²¹

ПАРАДОКС ПУСТОТЫ В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЧАСТЬ РЕЧИ»)

There is an attempt to analyze the category of emptiness out of the specified oppositions like «being and nonexistence/emptiness», «the thing and emptiness», «fullness and emptiness». During the research the paradox of the emptiness was discovered: the emptiness is found to be not absolute, but potentially full. There were also made the following conclusions: the category of emptiness is not entitative. It intends some connections, some kind of the vectors, such as the time, the word, the loneliness, the false existence.

It is necessary to mention that the resume is not ultimate now that the topic of the research seems to be perspective and needs for the further development.

Key words: the poetry, J. Brodskij, the emptiness, the time, the word, the loneliness, the false existence, «The butterfly», «The funeral of Bobo».

Ключевые слова: поэзия, И. Бродский, пустота, время, слово, одиночество, ложное существование, «Бабочка», «Похороны Бобо».

Категория пустоты – одна из самых значимых в поэзии И. Бродского. Ее можно поставить в один ряд с такими мотивами его лирики, как Человек, Вещь, Слово, Время, Империя, Пространство, Смерть, Бог. Существует несколько концепций категории пустоты в творчестве И. Бродского, среди которых интерпретации И. Плехановой, Л. Баткина, Л. Лосева, Т. Рыбальченко, А. Ранчина. Так, Л.М. Баткин рассматривает пустоту в поэзии И. Бродского как то потустороннее, что следует за смертью, становится оппозицией «вещи» [Баткин, 1996]. И.И. Плеханова осмысливает пустоту как составляющую «трагедийной природы» миропонимания поэта [Плеханова, 2001. С. 8]; определяет Пустоту и Ничто как синонимы не-бытия [Там же. С. 131]; говорит о том, что «поэзия соприродна и соразмерна Пустоте» [Там же. С. 132]. И.И. Плеханова выделяет атрибуты Пустоты: глубина, многомерность, ассоциативная неожиданность и насыщенность поэтического образа, «диалог бытия и не-бытия в самом себе» [Там же. С. 138].

В своей работе мы, не отрицая выводов известных бродсковедов (напротив, выстраивая исследование диалогически по отношению к ним), пытаемся, перечитав тексты И. Бродского, осмыслить категорию пустоты вне заданных оппозиций. В качестве материала нашего исследования был выбран поэтический сборник «Часть речи», в котором мотив пустоты является едва ли не самым значимым. Этот факт обусловлен биографически. По мнению М. Павлова, жизнь И. Бродского во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. «можно назвать "насилованным подталкиванием к небытию", то есть когда тебя не убивают в буквальном смысле, но всячески стараются отнять максимум из того, что ты имеешь» [Павлов, 1998. С. 23]. Практически в каждом стихотворении этого времени так или иначе проявляется тема пустоты как отражение душевного кризиса.

²¹ Научный руководитель – д. филол. наук, доц. Ю.А. Говорухина

Анализ стихотворений сборника «Часть речи» в выбранном аспекте позволил сделать следующие выводы (обозначу их в начале доклада, чтобы затем представить логику анализа).

1. На наш взгляд, категория пустоты в ее художественной реализации у Бродского может быть осмыслена и вне оппозиций «вещь – пустота», «пустота/небытие – бытие», «пустота – заполненность».

2. Пустота в стихотворениях сборника неабсолютна, потенциально заполнена.

3. Пустота – такая категория, которая предполагает систему связей (своего рода векторов) с рядом понятий: Время, Слово, Одиночество, Ложное существование.

В первых строфах стихотворения «24 декабря 1971 года» рисуется картина приготовлений обывателей к празднованию Рождества Христова: «В продовольственных слякоть и давка», «Сетки, сумки, авоськи, кульки, / шапки, галстуки, сбитые набок. / Запах водки, хвои и трески, / мандаринов, корицы и яблок». Праздник рождения Иисуса Христа для людей становится формальным торжеством, поводом подарить друг другу подарки. И. Бродский выстраивает десакрализованную «версию» библейского сюжета, используя прием своеобразного «опустошения» смысла. В дар от мудрецов – Бальтазара, Мельхиора и Каспара – Младенец получил то, что не мог получить никто другой: золото (как царь), ладан (как Бог) и смирну (как человек). Люди дарят друг другу повседневные продукты; не уникальные, но дефицитные. Лирический герой резюмирует: «Хаос лиц, и не видно тропы / в Вифлеем из-за снежной крупы». Наполненность пространства людьми и вещами усиливает пустоту души. Вещь и пустота в этом контексте не ПРОТИВОпоставлены, но СОпоставимы.

В четвертой строфе читаем: «Пустота. Но при мысли о ней / видишь вдруг как бы свет ниоткуда». Это – ключевой момент в тексте стихотворения. Осознание пустоты (отсутствия Бога в душе-пещере) способно породить чудо. Пустота не абсолютна, потенциально заполнена. Чудо прозрения неизбежно; оно тем вернее, чем сильнее зло: «Постоянство такого родства – / основной механизм Рождества». И этот «механизм» действует: «благая воля» неизбежно следует за моментом осознания. Люди уже идут ко Христу – ночью, на ощупь, разжигая костры.

Время – еще одна категория, которая снимает абсолют Пустоты. Рассмотрим стихотворение «Одному тирану». «Арест завсегдаев кафе» – попытка свести счеты со временем за «бедность, униженья, / за скверный кофе, скуку и сраженья / в двадцать одно, проигранные им»: тиран уничтожает тех, кто был невольным свидетелем его прошлой несостоятельности. Мщение, направленное в сторону вечного и нестигаемого времени, превращается в тщетную попытку скрыть свое прошлое от самого себя, убить, опустошить его.

Время же «проглатывает» его месть: конец мировой культуры становится ее началом, возникшая на время физическая и духовная пустота – вновь заполненной: «Теперь здесь людно, многие смеются, / гремят пластинки».

Созданная тираном пустота не остается абсолютной: на нее давит механизм Времени, отработанный тысячелетиями; и она, будучи не в силах сопротивляться силе, которая превосходит ее, заполняется. Ведь «у времени всегда масса всякого впереди, в особенности людей», – пишет И. Бродский в эссе «О тирании» [Бродский, 1992. С. 84].

Тиран мертв, но его присутствие ощущается: он правит сознанием, от движения его ладони зависит уют вечера: «Он пьет свой кофе <...> / и ест рогалик, примостившись в кресле, / столь вкусный, что и мертвые "о да!" / воскликнули бы, если бы воскресли».

Пара «Пустота – Память» – одна из смыслообразующих в стихотворении «Похороны Бобо».

«Бобо мертва, но шапки не долой», – так начинается стихотворение. Вынужденность прощания с тем, что было близко, порождает ощущение нереальности происходящего и происходившего; боль от потери настолько сильна, что ничто не может затмить ее, возникший вакуум нечем заполнить, и герой отрицает саму возможность пустоты, дистанцируется от нее. Бобо нет, но она есть; пустота есть, но она потенциально заполнена, – эти мотивы будут являться ключевыми в этом стихотворении.

Что есть смерть? Ответом на вопрос «Что стряслось?» становится жест: «Видимо, вот это» (лирический герой показывает пустую жестянку). Очевидно, жест и сама жестянка – это знак отсутствия, смерти Бобо. Но, на наш взгляд, возможна и иная интерпретация, связанная с онтологическим аспектом в интерпретации М. Хайдеггера. А если жестянка была изначально пуста? Тогда она символизирует изначальную и постоянную пустоту, которая не отмечена бытийственностью, но открыта для понимания. Вопросание (что есть Бобо? Что есть смерть? Что есть Я?), понимание как сам способ существования делают пустоту в лирике Бродского относительной.

Бобо была для лирического героя «все». Бобо мертва, и мир рухнул. Из последующих строчек выводится закон смерти, превращающей «все» в «ничто». Однако появляется деталь: «ничем – точнее, сгустком пустоты». Бобо продолжает существовать, она не иллюстрирует собой абсолютность пустоты. Мир рухнул, но он есть.

«И был вечер, и было утро: день четвертый. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. <...> И увидел Бог, что это хорошо» [БЫТИЕ 1:19-21]. Четвертый день для лирического героя выглядит ужасающе иным: «Идет четверг. Я верю в пустоту. / В ней, как в Аду, но более херово». Пустота не абсолютна, преодолима и порождает не «ничто», но «сгустки» – почти материальные образы, которые приносят страдания. Эта же строчка появляется в стихотворении «Песня невинности, она же – опыта»: «<...> пустота вероятнее и хуже ада», но осмысливается по-иному. В «Похороны Бобо» лирическому герою «хочется, уста / слегка разжав, произнести "не надо"». Кому? Возможно, Богу, неким силам, которые могут допустить и его смерть тоже. В «Песне опыта» слышится растерянность и отчаяние: «Мы не знаем, кому нам сказать

"не надо"»; и здесь ощутимы, на наш взгляд, смысловые параллели с «24 декабря 1971 года»: отсутствием Бога в душе. Существование в «Песне...» воспринимается как отсутствие: пустота образуется в течение жизни и становится несопоставимо страшней ада. Ожидание лучшего «завтра» в первой части стихотворения порождает опустошенность «сегодня», и наоборот: погруженность и страхи «сегодня» во второй части создают вакуум, пустое пространство будущего. В первой части стихотворения, по сути, нет настоящего, стремления и помыслы направлены вперед. Во второй части – «Песне опыта» – настоящее появляется, но исчезает будущее. Лакуна во времени существования обнаруживается неизменно, а осознание «ошибок» ведет к восприятию грядущей Смерти как казни.

Пустота не тождественна смерти. В лирике Бродского смерть – переход к пустоте. «<...> жизнь кончилась, но движение продолжается; это и есть вечность», – пишет И. Бродский в эссе «Путешествие в Стамбул» [Бродский, 1999. С. 392]. Художественной иллюстрацией этой мысли становится финал «Писем римскому другу». Мир продолжает существовать и без героя. С его смертью мыслимая пустота («мир без меня») заполнена прежними образами.

Стихотворение «Бабочка», наряду с «Похороны Бобо», можно назвать одним из самых знаковых для понимания образа пустоты в поэзии И. Бродского. По мнению И.И. Плехановой, в нем слышится диалог лирического героя «с Ничем, с Пустотой, с Небытием» [Плеханова, 2001. С. 228], а бабочка выступает посредником этого диалога.

Бабочка в стихотворении – само воплощение пустоты, ее материальный сгусток, смерть бабочки подкреплена немотой и фактической бесплотностью.

Но бабочка оказывается «лучше, чем Ничто», она «ближе и зримей», – в руках герой держит ее останки. Ничто же в своей основе не имеет ничего материального, это – вакуум, воплощение отсутствия, И.Г. Плеханова называет его синонимом не-бытия [Там же. С. 131]. Но это внешнее; внутренняя идентичность их подтверждена: «<...> на все сто / ты родственна ему». Пустота как содержимое обретает плоть в существовании бабочки, в ее полете, и потому бабочка называется героем «легкой преградой» между ним и Ничем, отсутствием. Мертвое, смерть является границей между жизнью и пустотой – этот мотив постоянен в поэзии И. Бродского. «Рубеж вполне пронцаем для мысли и воображения», – пишет И.И. Плеханова [Там же. С. 229].

Репрезентанты пустоты в анализируемом стихотворении разнообразны. Как пустота/отсутствие воспринимается прошлое, и это сближает категории Пустоты и Времени. Сама бабочка является образцом заполненной пустоты, ее сгустком – занимая место в пространстве настоящего дня, бабочка не несет в себе жизнь, внутренне она – Ничто, пустота.

Мы попытались показать ряд связей, которые актуальны для содержательной реализации категории пустоты в текстах Бродского. Всякий раз мы приходили к выводу о недостаточности интерпретации пустоты в рамках оппозиций Пустота – Вещь, присутствие-отсутствие. Пустота у

Бродского относительно, она потенциально заполнена – временем, памятью, моментом осознания самой пустоты, моментом вопрошания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баткин Л.М. Тридцать третья буква: Заметки читателя на полях стихов Иосифа Бродского. М., 1996. 333 с.
2. Бродский И.А. Путешествие в Стамбул // Меньше единицы: Избранные эссе / пер. с англ. под ред. В. Голышева. М., 1999. С. 375–421.
3. Бродский И.А. О тирании // Бродский И.А. Набережная неисцелимых: Тринадцать эссе: Пер. с англ. / сост. В.П. Голышев. М., 1992. С. 78–86.
4. Павлов М. Поэтика потерь и исчезновений. Заметки о поздних стихах Бродского // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. СПб., 1998. С. 22–29.
5. Плеханова И.И. Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. Под знаком бесконечности: эстетика метафизической свободы против трагической реальности. Иркутск, 2001. Часть II. 302 с.

IV ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Уважаемые читатели! В этом номере мы продолжаем публикацию текстов живой речи сельских жителей Красноярского края. В подборку вошли материалы диалектологической экспедиции 2012 года в Кежемский район Красноярского края.

Самоловники, д. Чадобец (июль 2012 г.)

Как мальчик в тайге потерялся

Собир: *А случалось, чтобы кто-то в тайге потерялся?*

З.А.: *Ну, терялись. У моего дедушки племянник потерялся. Мать у него поехала пахать по жариишиэ на речку и его с собой взяла. Ему было семь лет. Собачка была. Она пашет, а он с собачкой бегал-бегал, собачка - в лес, он за собачкой убяжал, заблудился, неделю искали его. И потом сам вышел. Как так, как он? Искали-искали, ходили неделю искали – никого, а утром рано вышел сам.*

Л.Т.: *Ванька?*

З.А.: *На звук вышел. Где он был?*

Л.Т.: *Он говорит, я слышал, как меня **ревели** («кричали» – ред.), и всё. Он ведь, говорит, когда пришел домой, он говорит, что я, говорит, слышал, как меня **ревели** по лесу...*

З.А.: *Кричали, ученики ходили - отправляли учеников, - люди с ружьями ходили...*

Зоя Андрияновна Захряпина
переселена в г. Кодинск из д. Паново,
попавшей в зону затопления Богучанской
ГЭС

Лукерья Тихоновна Зарубина
переселена в г. Кодинск из д. Паново,
попавшей в зону затопления Богучанской
ГЭС

Собир.: И не вышел?

Л.Т.: А вытти, грит, я не мог.

Собир.: Его прижало или он просто боялся?

Л.Т.: Нет.

З.А.: Дяржал, наверное, его кто-нибудь или как, не знаю.

Л.Т.: Потому што нечистая сила была эта раньше. Было это раньше.

Собир.: А сейчас нет?

Собир.: Его, в смысле, держали там, в лесу?

Л.Т.: Он говрит: я ляжал под вяршиной – лесина была, и я ляжал под лясиной, и я, грит, вытти оттуда никак не мог. Слышал, а вытти не мог.

Собир.: А это кто был там?

Собир.: Он говорил?

Л.Т.: Да, раньше всяки-та чудеса были.

*З.А.: Мы-та спрашивали, он грит: я никого не видел, нам-та сказал, что никого не видел. Там у дедушки Василя – его дедушка – там **огород загораживался** («ловушка на лосей, сохатых» – ред.) он добывал... там петьли были насажены и ямы были... на сохатых. Он грит: я видел, кто-то, грит, стоял и ляжал, стоял, и то встанет, то ляжет... Мы пошли туда – там медведь попал. В петьлю медведь. Там ли был, не там. С одной руке рукавичка вся порвалась, и с другой ноги этот... **чарок** («самодельная кожаная обувь без каблучков и голенища» - ред.) весь почти изорвался.*

Записано группой студентов ИФиЯК в июле 2012 г. от переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС Зои Андрияновны Захряпиной, 1926 г. р., и Лукерьи Тихоновны Зарубиной, 1930 г. р. (г. Кодинск Кежемского района Красноярского края).

Разговор с Иваном Дмитриевичем Кулаковым об охоте и рыбалке

Собир: Как вас зовут?

И.Д.: Кулаков Иван Дмитриевич,

Собир: А родились вы где?

И.Д.: Вот здесь.

Собир: В этом доме?

И.Д.: Нет, не в этом доме, но здесь, в Чадобце.

Собир: То есть вы местный житель, вы помните, наверное, прошлое. Вы в каком году родились?

И.Д.: В тридцать восьмом.

Собир: А то есть перед самой войной. А военные воспоминания какие-то у вас есть?

И.Д.: Ой, какие воспоминания? Плохо помню когда брата забирали. Только помню слёзы, народу много, и пошли на берег толпа вот эта вся. Вот это помню, а даже в лицо брата не помню. В лицо не помню даже.

Собир: Вам было сколько лет, когда война началась? Три года?

И.Д.: В 42 по-моему забрали его, в 41 ли его забрали, не скажу точно

Собир: А потом, в послевоенное время, вы можете нам рассказать, как люди здесь в вашей деревне жили?

И.Д.: Да как жили... Полна нищета вот и всё, как жили. Был колхоз, вот у кого коровы были, тот мог держать ещё корову, вот те жили, да сытые были, а кто корову-то не имел, те так **саранки** вон собирали на камню там. Знаете **саранки** каменные?

Собир: Нет.

И.Д.: А мы на них выросли.

Собир: Это едят клубни или верх?

И.Д.: Да вот клубни, они вырастают вот такие вот. Ими питаешься с картошечкой вот.

Собир: А потом вы работали, всегда, всё время жили в этой деревне, да? В основном здесь жил.

Собир: А чем занимались раньше?

И.Д.: Хозяйством, колхоз был, вот всё. Старики занимались рыбалкой, охотой

Собир: А вы тоже охотник?

И.Д.: Охотился, да.

Собир: А можете рассказать, первую охоту свою не помните?

И.Д.: А что ее помнить.

Собир: Ну правда интересно, с кем ходили на первую охоту, когда?

И.Д.: Да давно уже, когда ходил, очень давно.

Собир: Наверное, мальчиком молоденьким, парнем?

И.Д.: Ну, наверное, первая охота что была, за уткой только вот, еще когда ружье плохо держал.

Собир: А с медведем приходилось встречаться?

И.Д.: Приходилось..

Собир: Расскажите.

.. ничего хорошего нет – с ним встречаться. Нужно быть осторожным, стрелять нужно знать, куда.

Собир: А куда? Расскажите, очень интересуюсь мы охотой на медведя. В берлоге или как, если медведь в берлоге, то как его берут?

*И.Д.: Ну как, **затычки** делают, крест-накрест кидают, так, чтобы он не мог вылезти.*

Собир: А вот эти затычки как-то нам сказали называются, шитина, да, или как?

*И.Д.: У нас **затычки** называются, не знаю, как где они называются,*

Собир: А в вашей деревне были случаи, чтобы медведь человека поранил?

И.Д.: В мою бытность не было, раньше были, вот отец рассказывал, руку отъедал медведь, и помял сильно человека.

Собир: А вы ходили в основном на какую дичь, если на охоту?

*И.Д.: На охоту-то? Да в основном белочка, белочка да **за зверем, за зверевым мясом**, лось, сохатый, так они у нас называются.*

Собир: А солонцы или что у вас там было?

И.Д.: Да нет, так просто с собаками ходили.

Собир: А ямы рыли?

*И.Д.: Ямы рыли, я не рыл яму лично, а так ямы делали, **огороды городили**, петли делали.*

Собир: А какие были приспособления? Ловушки, может быть, вспомните. Как назывались? Кулёмки не ставили?

И.Д.: Ну это попозже всё стало, а раньше здесь соболя не было вообще, были только белка и зверь. Все охотились только в основном из-за мяса, пушнина была дешёвая, а мясо... голод же, мясо добудут и на себе таскают с лесу. Лыжи, на лыжи ложут и потащили помаленьку, чтоб прокормить семью как-то. Нас-то отец кормил вот так, а мы-то уже жили что, мы уже семей-то стали в советское время.

Собир.: Там уже полегче стало.

К И.Д.: Конечно. Голода-то уже не видели никакого.

Собир: А на рыбалку ходили?

И.Д.: Всё время, и до сих пор.

Собир: Расскажите нам про зимнюю рыбалку. Как ловят рыбу зимой?

И.Д.: Ну также, ставят сети и ловят.

Собир: А куда ставят, лёд ведь...

И.Д.: А под лёд, подлёдный лов, он и называется подлёдным. И сейчас занимаются им, очень много занимаются.

Собир: А как прорубь называлась по-ангарски?

*И.Д.: **Майна**.*

Собир: Майна? Это какая? Большая прорубь?

*И.Д.: Это большая прорубь, в которую сеть спускают и вытаскивают. Майна – это большая. **Майна** – она примерно минимум вот такого размера,*

это минимум. Ну где-то метр на метр. Ну где-то в пределах этого. **Майна** – это то, где сети вытаскивают, смотрят, рыбу где выбирают. И там маленькая прорубь, на другом конце. В неё только протягивают, верёвка протягивается, шнур. **Подныр** называется.

Собир: Подныр? А как этот подныр протягивают?

И.Д.: Как протягивают? А вот через три-четыре метра сверлят дырочку. А там-то только верёвочка вытаскивается, **подныр**, вырывают длинную жердь, запускают ее под лёд и вилкой, **рашкой**.

Собир: Рашкой? А что это такое?

И.Д.: Это вот такая вот **рашка**.

Собир: А то есть два зубчика, да?

И.Д.: Два зубчика вот так. Ей эту палку уводишь, а со **сведущей** уже ловят.

Собир: Так, значит, у этой рашки ручка была, да? Большая?

И.Д.: Да, большая.

Собир: То есть типа шеста?

И.Д.: Да, типа шеста.

Собир: И на ней вот эти два зубца?

И.Д.: Чтобы легко представить – это как вилы, только вилы четырёхзубые, а у этой два зуба.

Собир: И ей тащили подныр?

И.Д.: Ей **крутили подныр**, протаскивали вот как бы и ею...

Собир: Чтобы он правильно пошёл?

И.Д.: Да, сначала верёвку приделывают, а потом привязывают за конец и тянут.

Раньше поплавок-то таких не было в магазинах.

Собир: Как поплавки делали и как они назывались?

И.Д.: А так и назывались – поплавки. Из бересты делали их.

Собир: Они никак не назывались? Галки не назывались?

И.Д.: Это **грузА** назывались **галки**. А ещё **грузЫ** вот эти вот... **КибАсьи**.

Собир: А вы сами кибасья не делали?

И.Д.: Нет, это всё раньше было.

Собир: Вернёмся к зимнему лову. Значит, протягивали этот подныр, и где-то его же закрепляли?

И.Д.: Зачем его закреплять? Он подо льдом идет, доходит, верёвку там опять крюком вытаскиваешь сюда, и его обратно натягивают, всё, обратно в ту **майну** его вытащил. Стараются делать три сразу вот **майны**, сюда одну сеть и сюда одну сеть и легче работать.

Собир: Ага, ну и много рыбы добывали, какая рыба попадалась?

И.Д.: В основном зимой идёт налим, елец в основном здесь вот в речке. Здесь раньше работал рыбозавод, участок был. По двести с лишним центнеров брали рыбы.

Собир: А вы знаете, еще нас интересуют названия рыб вот язь, например, если он маленький, то его как называют?

И.Д.: Казачок.

Собир: Казачок?

И.Д.: Казачок.

Собир: Самый маленький это примерно сколько он? Примерно сантиметров двадцать?

И.Д.: Да, сантиметров до двадцати – казачок.

Собир: А потом?

И.Д.: А потом уже язь. А по местному бульбан.

Собир: Бульбан – это уже совсем взрослый или ещё средненький?

И.Д.: Нет, взрослый. Ну, это язь тот же самый, по-научному называется язь. А так он называется бульбан.

Собир: А какие ещё местные названия рыб вы можете нам подсказать?

Собир: Вот мы знаем, что пескаря тут как-то по-другому называют.

И.Д.: Мокчон, пескарь – мокчон.

Собир: А какая ещё рыба водится, может, у неё местные названия есть?

И.Д.: Вот плотва – это та же наша сорога. Сорога – плотва. Хариус он везде хариус. Таймень он везде таймень, язь он язь, бульбан, карась он везде карась. Что ещё? Елец он везде елец.

Собир: А у вас такие названия есть «белая рыба», «красная рыба»?

И.Д.: Есть.

Собир: Красная рыба – это какая?

Ну красная – это осётр, стерлядь.

Собир: А у стерляди есть названия какие-то, допустим, если маленькая стерлядочка или маленький осетёр? Как-то по-другому называется?

*И.Д.: Называется. **КорышОнок.***

Собир: Ни разу не слышала этого слова.

*И.Д.: **Чалбыш.***

Собир: Как интересно! Надо бы нам поподробнее об этом. Значит, если чалбыш, сколько ему лет?

*В И.Д.: от такие вот, как бы вам рассказать, у него и ус другой, голова-то немножко другая. Но во всех случаях это осетры. Вот это осетровые. **Костеря** – она такая же красная рыба, но у неё вот эти треугольники и по бокам идут, по бокам, и по хребту по верху, где вот плавник верхний, они такие острые у нее, много их, прямо сплошь вот так вот.*

Собир: Я все-таки хочу разобраться, значит, Вы нам сказали «костЕрь»..

*И.Д.: **Костеря.***

Собир: Это молодая стерлядка, да?

И.Д.: Нет, сама по себе.

Собир: Просто рыба такая?

*И.Д.: Да, такая рыба – **костеря**. У неё вот эти острые... вот как треугольники вот такие, острые они острые, у неё по бокам и по хребту.*

Собир: Ещё какую-то вы нам рыбу назвали, и я тоже такую не слышала ни разу.

И.Д.: **Корышонок.**

Собир: Корышонок. А какой он?

И.Д.: Побольше вот это размера костери – это корышонок, а чалбыш – это к осетрам уже. Вот такой вот может быть **чалбыш...**

Собир: То есть **чалбыш** – это около метра уже даже.

И.Д.: Да, да, до метра **чалбышИ.**

Собир: А корышонок сколько сантиметров?

И.Д.: Ну, **корышонок** сколько, ну, такие же, до метра они. А за **чалбышем** идёт сразу осётр, русский осётр, он везде осётр. Ему другого имени нет.

Собир: То есть это разные возрасты осетра, да, так получатся?

И.Д.: Нет, **чалбыш** и осётр – это одна, а **корышонок** и **костеря** – это другое. Но они во всяком случае **красноты, красная рыба**, они относятся к красной рыбе те и другие, но **корышонок** всё равно белее рыба. Белее. Белее, чем осетровые.

Собир: А белая рыба – это что?

И.Д.: Ну, **белая рыба**-то вся белая, вот щука, окунь, елец, сорога, язь тот же, сиг.

Собир: Нам бы ещё выяснить особенности ловли **красной рыбы** и **белой рыбы**. Различаются? Может быть, сети разные ставят, ловушки разные ставят?

И.Д.: Самое основное различие – это то, что вымирает эта рыба, нет её красной рыбы уже, мало, очень мало осталось.

Собир: А вот как вы думаете, почему? Вылавливают?

И.Д.: Из-за ГЭС, почему больше, из-за ГЭС, речка-то всё как болото становится, а она любит быстроту, течение надо. Браконьеры тут ничего не делают. А ловят что? Ловят её и сетями **плавежом...**

Собир: Плавежом?

Да, плавежом.

Собир: Это как?

И.Д.: Ну как, плывут с сетью, сеть размётывают и плывут, специальные сети делаются крупные и плывут вниз по течению.

Собир: А вот если человек сидит в лодке и плавежом ловит, название у него есть? Человека, который идёт по берегу с бреднем или с неводом?

Т И.Д.: ут эту рыбу не ловят по берегу, это только где-то плывут посередине. Эта рыба возле берега не водится.

Собир: Мы слышали слово «по серёдышу». Такое слово «**серёдыш**» есть. Слышали?

И.Д.: Ну, слышал, во всяком случае возле берега не ловят такую рыбу. Осетровых там их нет, им надо течение. А это вот **белую рыбу** возле берега ловят.

Собир: А вы мордами пользовались или какими-то другими...

Морды, карчажки, катцы.

Собир: Расскажите, чем отличаются? Морду мы в музее видели. А вот катцы, нету там такого. Это что?

И.Д.: Катец-то? Ну что такое? Вот так вот, вот как пальцы мои вот так вот плетётся вертикально, и она плетётся как ящик прямоугольный. И там раз вот – заход. Заход у неё. И мелкую рыбу ловят. Она заходит туда, там гуляет, а выйти обратно не может.

Собир: А там приманка есть?

И.Д.: Есть, есть...

Собир: А из чего?

И.Д.: Да из хлеба, с муки делают, всяку бяку, картошку кидают сырую, всё кидают туда.

Собир: А катец и корчажка сильно отличаются?

И.Д.: Конечно.

Собир: То есть катец четырёхугольный получается?

И.Д.: Ну, он может быть четырёхугольным, может быть овальным, всяко может быть, кто во что горазд, какой смастерит. А корчажка-то походит на морду.

Собир: А у вас не сохранился катец? Нам бы сфотографировать, потому что это слово нам очень интересно, его мало где вообще можно встретить. Посмотреть бы нам на этот катец.

И.Д.: Так вот надо идти, девчонки, нету здесь. В самоловник идти только.

Собир: А самоловник у вас из чего, из бруса делают?

И.Д.: Да не, кто из бруса делает? Из досок, из брёвен, кто за что горазд. Да сейчас-то их уже не становится. А так-то с дерева. Или контейнеры большие вот эти были металлические, кто ставил контейнеры, привозил, сейчас в наше время уже.

Записано группой студентов ИФиЯК под руководством О.В. Фельде 6 июля 2012 г.
от Ивана Дмитриевича Кулакова, 1938 г. р. (д. Чадобец Кежемского района
Красноярского края

V СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Александровна – студентка отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: len99a@yandex.ru)

Антипова Диана Геннадьевна – аспирант 1-го года обучения Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (e-mail: AntipovaDiana@mail.ru)

Белошапкин Александр Николаевич – аспирант 1-го года обучения Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (e-mail: alexbelyjj@yandex.ru)

Бехметьева Любовь Юрьевна – магистрант 1 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: malika.91@list.ru)

Бобрикова Юлия Викторовна – аспирант 4-го года обучения кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета, старший преподаватель кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (e-mail: viktori-uliuss@mail.ru).

Бобылева Татьяна Валерьевна – аспирант 1-го года обучения факультета иностранных языков Новосибирского государственного университета (e-mail: 89tantan@gmail.com)

Бурыгина Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, (e-mail: greykitty@yandex.ru)

Бутерус Елена Георгиевна – аспирант 2-го года обучения, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: helen-buterus@yandex.ru)

Ван Гуаннань – студентка 4 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: rogrebnyak.n@mail.ru)

Герасимова Ксения Павловна – студентка 4 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: ksenijager@rambler.ru)

Грекова Инга Валерьевна – аспирант 1-го года обучения Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина (e-mail: grekova-inga@mail.ru)

Грищева Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и

межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, ведущий научный сотрудник НОЦ «Проблемы эффективной коммуникации» (e-mail: wesnyanka@mail.ru)

Гусейнова Аурика Вагифовна – аспирант 3-го года обучения кафедры английского языка и восточной филологии Института филологии и межкультурной коммуникации, младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (e-mail: owsebyk@yandex.ru)

Дегтярёва Алёна Руслановна – магистрант 1 курса Кемеровского государственного университета (e-mail: degtyarjova@yandex.ru)

Николаева Александра Сергеевна – студентка 5 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: shadow.alexandra@gmail.com)

Павлюкова Анна Васильевна – студентка 4 курса отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации (e-mail: annettt@inbox.ru)

Постникова Софья Игоревна – студентка 2 курса отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: U1301@studcorp.ru)

Шаерман Екатерина Ивановна – магистрант 2 курса филологического факультета Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина (e-mail: katanka_masya@mail.ru)

Шпомер Екатерина Андреевна – аспирант, младший научный сотрудник НОЦ «Проблемы эффективной коммуникации» Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Хакасского технического института – филиала Сибирского федерального университета.